

П. БЕРЕЗОВ

Кудьбосиев

Annotation

Павел Иванович Березов (Полозов) — автор многих биографических очерков. Печататься начал с 1916 года.

К числу произведений П. И. Березова относятся: «Валериан Владимирович Куйбышев» (краткая биография). М., 1938; «Михаил Васильевич Фрунзе». М., 1947; «Первопечатник Иван Федоров». М., 1952; «Дмитрий Пожарский». М., 1954; «Предвестник грозы». М., 1955; «Большевик Федор Афанасьев». М., 1956; «Минин и Пожарский». М., 1957.

Книга «Валериан Владимирович Куйбышев» в настоящем издании — наиболее полная биография выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства.

[Адаптировано для AlReader]

-
- -
 - ○ [ЧЕЛОВЕК БОЛЬШИХ МАСШТАБОВ](#)
 - [ДЕТСКИЕ ГОДЫ](#)
 -
 -
 -
 - [В ПОИСКАХ ПРАВДЫ](#)
 - [ПЕРВЫЕ ШАГИ](#)
 - [СТУДЕНТ-РЕВОЛЮЦИОНЕР](#)
 - [В БОЛЬШЕВИСТСКОМ ПОДПОЛЬЕ](#)

-
-
-
- [НА СУДЕ](#)
- [ГОНИМЫЙ ОХРАНКОЙ](#)
- [В ОДИНОЧНОЙ КАМЕРЕ](#)
- [В НАРЫМЕ](#)
-
-
-
- [ПО СЛЕДАМ ПОДПОЛЬЩИКА](#)
- [СРЕДИ БОЛЬШЕВИКОВ СТОЛИЦЫ](#)
- [НА ЗОВ ПАРТИИ](#)
- [САМАРСКИЙ ФРЕЗЕРОВЩИК](#)
-
-
-
- [ВОЗВРАЩЕНИЕ](#)
- [В БОРЬБЕ ЗА ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ](#)
- [В ОГНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОИНЫ](#)
-
-
-
- [ПРОТИВ КОЛЧАКА](#)
-
-
-
- [ОБОРОНА АСТРАХАНИ](#)
- [НА ТУРКЕСТАНСКОМ ФРОНТЕ](#)
- [НА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ СТРОЙКУ](#)
- [ВО ГЛАВЕ ПАРТИЙНОГО](#)
- [У РУЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ](#)
- [ДРУГ МОЛОДЕЖИ](#)
- [НА ПОМОЩЬ ЧЕЛЮСКИНЦАМ](#)
- [СМЕРТЬ НА БОЕВОМ ПОСТУ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ](#)

- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
-

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

П. Березов

**ВАЛЕРИАН ВЛАДИМИРОВИЧ
КУЙБЫШЕВ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
"Молодая гвардия"

*

Березов Павел Иванович
М., «Молодая гвардия», 1958

P. H. Rynders

ЧЕЛОВЕК БОЛЬШИХ МАСШТАБОВ

У письменного стола, погрузившись в глубокое кресло, сидел инженер Иван Павлович Бардин. Мимо него из конца в конец просторного кабинета размашистым шагом ходил Валериан Владимирович Куйбышев, высокий, широкоплечий, с шапкой густых темно-каштановых волос над выпуклым лбом, в гимнастерке, перехваченной простым ремешком, в серых бриджах и белых бурках.

Куйбышев пригласил к себе Бардина перед его отъездом на строительство Кузнецкого металлургического завода и теперь внимательно слушал все, что тот рассказывал о новостройке.

Иногда Валериан Владимирович прерывал Бардина вопросами:

- Скажите, вы видели кузнецкую площадку?
- Что она собою представляет?
- А скоро ли приступят к работам?
- Насколько строительство обеспечено рабочей силой?
- Как будет организован быт строителей?..

В каждом вопросе чувствовался живой интерес, желание вникнуть во все подробности предстоявшего грандиозного строительства. И чем больше вопросов задавал Куйбышев, тем очевиднее становилось Бардину, что его собеседник уже раньше, еще до этой встречи с ним, всесторонне изучил проблему Кузбасса. Куйбышев спрашивал не потому, что мало знал, а потому, что хотел знать еще больше.

— А проект американской фирмы «Фрейн»? Как вы его находите?

— Идея его, во всяком случае, правильна, заслуживает внимания, — ответил Бардин. — В Сибири надо строить мощные заводы, по образцу американских.

В то время шел спор между двумя группами советских инженеров. Одни настаивали на строительстве небольших заводов, так как Сибирь будто бы являлась слабым рынком сбыта. Другие, более дальновидные инженеры возражали, считая, что потребность в металле будет быстро возрастать. Советское правительство утвердило проект американской фирмы «Фрейн», предусматривавший строительство гигантского завода.

Куйбышев интересовался доменными печами и спрашивал, нельзя ли увеличить их размеры.

Незаметно беседа становилась оживленнее и душевнее. Оба были взволнованы ею — и знаменитый инженер-строитель и виднейший советский государственный деятель, которому партия и правительство поручили составление великого плана первой пятилетки социалистического строительства. Их увлекала захватывающая картина преобразования дикой, дремучей Сибири, мысль о создании там, в глуши, промышленного гиганта — Кузбасса.

Куйбышев пристально всматривался в Бардина своими проникновенными, лучистыми глазами, полными глубокого внимания.

Вдруг, остановившись перед Бардиным и поправляя привычным жестом свои пышные, непослушные волосы, Валериан Владимирович заговорил с особенной теплотой, дружески:

— В Сибири теперь зима, Иван Павлович, холод, мороз трескучий... А хорошо! Я люблю сибирскую зиму!..

Куйбышев немного помолчал.

Бардин заметил, что Валериана Владимировича охватило приятное воспоминание о чем-то близком, дорогом, родном.

— Сибирь, Сибирь! — снова заговорил Валериан Владимирович. — Тупые русские цари превратили ее в каторгу, и потому Сибирь пугает, она кажется страшной. Я читал об этом у Герцена. Вы помните? Я сейчас найду это место...

Валериан Владимирович достал из книжного шкафа «Былое и думы».

— Вот послушайте! «Сибирь имеет большую будущность; на нее смотрят только, как на подвал, в котором много золота, много меху и другого добра, но который холоден, занесен снегом, беден средствами жизни, не изрезан дорогами, не населен. Это неверно. Мертвящее русское правительство, делающее все насилием, все палкой, не умеет сообщить тот жизненный толчок, который увлек бы Сибирь с американской быстротой вперед». И дальше: «Увидим, что будет, когда... Америка встретится с Сибирью».

— Не правда ли, как замечательно, Иван Павлович? — с радостным волнением в голосе проговорил Валериан Владимирович, положив книгу на стол. — Америка встретится с Сибирью! Об этом мечтал Герцен еще сто лет назад! И вот эту встречу устраиваем мы, большевики, устраивает наша партия. Конечно, строить в Сибири, создавать там «социалистическую Америку» будет нелегко.

Валериан Владимирович пытливо заглянул в лицо инженера.

А тот, в свою очередь, уже давно наблюдал за своим собеседником. И все в Куйбышеве казалось инженеру огромным: его крупный рост и могучая физическая сила, его всеобъемлющий ум и ненасытная любознательность, его неутолимая жажда деятельности и непреклонная воля к борьбе, его безграничная любовь к народу и испытанная годами преданность партии.

«Да, — думал инженер, слушая Куйбышева, — это действительно человек широкого размаха и больших

масштабов. Вот каким людям партия поручает ответственные государственные задания».

Заканчивая беседу с Бардиным, Валериан Владимирович сказал ему:

— Имейте в виду, что строительство Кузнецкого завода — это глубокая разведка партии и рабочего класса в завтрашний день нашей страны. Это будет замечательное завтра!.. И это очень почетная задача для инженера. Вам позавидуют многие. Вы должны все сделать для того, чтобы глухую, первобытную Сибирь превратить в «социалистическую Америку».

Пожимая руку Бардина на прощанье, Куйбышев снова взглянул на него своими большими ясными глазами. И было в них так много сердечной теплоты и участия, что они надолго запомнились инженеру. Бардин почувствовал себя теперь более бодрым и уверенным: беседа с Куйбышевым как бы наэлектризовала его. Он уносил с собою частицу куйбышевской непоколебимой воли к борьбе и победе.

Проводив Бардина, Валериан Владимирович еще долго ходил по кабинету в глубокой задумчивости. Ему вспомнилась та Сибирь, где он родился, вырос, работал в большевистском подполье, где ему довелось исходить много таежных дорог, когда его, закованного в кандалы, перегоняли этапом из тюрьмы в ссылку...

ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Валериан Владимирович Куйбышев родился в Омске 25 мая (6 июня) 1888 года^[1] в семье офицера сибирского казачьего войска.

Отец Куйбышева, Владимир Яковлевич, служил в то время преподавателем Омского кадетского корпуса. Это был человек образованный, проникнутый передовыми идеями своего времени. Среди других военных он выделялся гуманным отношением к солдатам, независимостью взглядов и убеждений и потому был на подозрении у царской охраны. Впоследствии, пользуясь служебным положением, Владимир Яковлевич часто помогал местным революционерам и своему сыну Валериану в партийной работе. В одном секретном донесении начальника Томского губернского жандармского управления сообщалось о том, что «подполковник Куйбышев, получая разные конспиративные письма и посылки на имя заведомо неблагонадежных в политическом отношении лиц и передавая эти письма по назначению, был посредником в нелегальных сношениях и, несомненно, не мог не сознавать, что он действует в партийных интересах».

В январе 1889 года Владимир Яковлевич был переведен в Кокчетав и назначен на должность начальника воинской команды.

Кокчетав (теперь областной город Казахской ССР) был в то время небольшим поселком с маленькими домиками вдоль незамощенных широких улиц. Лишь несколько двухэтажных домов да магазин с зеркальными окнами придавали ему вид провинциального городка.

Семья Куйбышевых жила в деревянном одноэтажном шатровом доме с палисадником. К дому примыкали сад

и надворные постройки — конюшня, каретник, птичник, баня. Кругом росли березы, ветлы и черемуха, а в саду и в палисаднике летом было много цветов.

В Кокчетаве, как и везде, Владимир Яковлевич быстро завоевал всеобщую любовь своей добротой и отзывчивостью. Он много помогал детям бедняков. Для сбора средств на их воспитание и образование Владимир Яковлевич устраивал благотворительные вечера и спектакли. Он не только руководил драматическим кружком, но и сам выступал в главных ролях с большим успехом.

При его содействии в Кокчетаве были организованы Народный дом и вечерняя воскресная школа, в которой, кроме обычных школьных занятий, проводились чтения литературных новинок: произведений А. М. Горького, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и других писателей. Владимир Яковлевич гордился общественной библиотекой, организованной им при Народном доме.

— Это мое детище, — говорил он знакомым.

Он любовно подбирал книги для этой библиотеки. Со временем библиотека стала такой большой и разнообразной, что могла удовлетворять весьма взыскательные запросы читателей.

В этой работе Владимиру Яковлевичу деятельно помогала его жена, Юлия Николаевна Куйбышева, урожденная Гладышева, мать Валериана Владимировича. Она работала учительницей в Кокчетавской начальной школе, а по вечерам нередко обучала других детей из бедных семей, помогая им готовиться к экзаменам в средние школы.

Прогрессивно настроенные родители, несомненно, оказали положительное влияние на Волю (так звали Куйбышева в его семье). Они привили ему с малых лет любознательность, развили в нем склонность к труду, научили любить родину.

Юлия Николаевна слыла примерной хозяйкой. Семья Куйбышевых была недостаточно обеспечена. Детей было много — восемь человек, а заработок отца и матери невелик. Но благодаря трудолюбию Юлии Николаевны в семье особой нужды не чувствовалось.

Дети всегда были одеты просто и опрятно. Их одежда тщательно чинилась и перешивалась по нескольку раз. Платья и обувь от старших детей переходили к младшим: на приобретение новой одежды часто не хватало средств.

Дети постоянно чувствовали материнскую заботу. Юлия Николаевна сама каждый день занималась с ними. Она обучила грамоте и Волю. Начальное образование он получил в той школе, где она преподавала.

Семья Куйбышевых была на редкость дружной. Братья и сестры Воли, близкие по возрасту, играли и занимались вместе. По вечерам они собирались в столовой за большим столом. Мальчики вырезывали, выпиливали, рисовали, раскрашивали. Девочки вместе с матерью вязали, вышивали, штопали.

Воля любил природу и часто бродил по окрестностям Кокчетава. Его влекло в неоглядно широкую степь, что расстилалась по одну сторону Кокчетава, манили изборозжденные глубокими ущельями горы по другую сторону города. Он уходил в эти горы, пробирался там сквозь заросли, поднимался по отвесным кручам и смотрел оттуда вниз на кокчетавскую долину. А в жаркие летние дни Воля вместе с ребятами шел на озеро Копа, на берегу которого раскинулся Кокчетав. Прохладная вода, стекавшая с гор в озеро, приятно освежала и бодрила. Счастливый смех, радостные крики, возня и плавание без конца, до устали!

А уgomонившись, Воля уединялся, незаметно уходил от ребят к горной речке Чиглинке, что впадает в озеро Копа. Здесь он отдавался мечтам, становился не по летам серьезным и задумчивым. Он чутко

прислушивался, как журчит и бурлит речка, падая по крутому каменистому ущелью. Долго, часами всматривался Воля в голубеющую даль, туда, где поднимается к самому небу высокая гора, на вершине которой вечные снега. Издали она кажется то голубой, то синей. Потому она и прозывается Кокше-Тау, что в переводе с казахского означает «Синяя гора». Отсюда и название самого города — Кокше-Тау, или Кокчетав.

В раннем детстве у Воли наблюдались переходы от резвой, веселой шаловливости к серьезной задумчивости. Часто он сидел молча, устремив вдаль неподвижный взор. Его большие серо-голубые глаза, как бы чем-то удивленные, раскрывались еще шире, наполнялись грустью и печалью. А иногда, засунув руки в карманы брюк, он то ходил, то вдруг останавливался и стоял до тех пор, пока кто-нибудь не окликал его.

Особенно задумчивым Воля стал с тех пор, как приистрастился к чтению. Владимир Яковлевич выписывал много книг и для домашней библиотеки. Возвращаясь из своих поездок в Петербург и другие крупные города, он привозил с собою целые связки книг, иногда в красивых переплетах, с занимательными рисунками. Дети с интересом перелистывали их, рассматривали иллюстрации, принимались за чтение.

Забрав с собою заинтересовавшую его книгу, Воля прятался в укромном месте, чтобы ему не мешали, и там засиживался до сумерек. А потом уходил к себе в комнату и ночами, тайком от взрослых, продолжал читать при свете еле мерцавшего ночника. Родители запрещали Воле читать по ночам, опасаясь за его здоровье. В ранние годы Воля действительно был слабым, болезненным мальчиком.

Заставая сына за ночным чтением, мать тревожно смотрела на его бледное лицо, воспаленные от бессонницы глаза и с упреком говорила ему:

— Что ты делаешь, Воля? Разве можно так переутомлять себя? Смотри, опять заболеешь, — и тушила в комнате свет.

Но Воля не унимался и просил:

— Мама, разрешите, пожалуйста! Осталось немного дочитать. Ведь как интересно! Разве лучше, если я буду обманывать вас? Вот вы уйдете, заснете, а я опять зажгу ночник и стану читать.

Родители в конце концов вынуждены были примириться.

Воле особенно нравились исторические повествования о жизни и деятельности великих людей. Как-то Владимир Яковлевич, возвратившись из командировки, привез книгу Н. А. Полевого «История князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, Генералиссимуса российских войск». Уже своим внешним видом книга привлекла внимание Воли: красивая обложка с изображением памятника Суворову в Петербурге, четкий шрифт на хорошей бумаге, много увлекательных рисунков, изображавших боевые подвиги знаменитого полководца. Когда же Воля стал читать, книга сразу захватила его. Разгоряченное воображение переносило его в эпоху Суворова. Затаив дыхание Воля читал о том, как еще с детства будущий прославленный генералиссимус готовил себя к военной деятельности. Первые успехи Суворова на ратном поприще радостно волновали мальчика. А когда он стал читать об отважных подвигах суворовской армии в боях с прусскими войсками короля Фридриха II в период Семилетней войны, сердце его переполнилось гордостью: русские побеждают врагов, слывших в то время непобедимыми!

Большое впечатление произвело на него и описание суворовского образа жизни.

Суворов «отказался от всяких предметов роскоши, спал на сене, ходил зимою без шубы, ел простую, грубую

пищу, отрекся от светских обществ, проводя время только со своими солдатами... учил их ружью среди морозов и жаров, тревожил и внезапно выводил ночью, переправляясь с ними вплавь через реки».

Всю ночь читал Воля про Суворова. Когда рассвело, он погасил свет, подсел к окну и снова погрузился в чтение...

Солнце поднялось высоко, когда Воля дочитал книгу и, перевернув ее последнюю страницу, еще долго сидел, думая о героических подвигах Суворова.

Образ Суворова глубоко взволновал Волю. Мальчик решил стать таким же знаменитым полководцем. Он вырезал из журнала портрет Суворова, приколот его к стене над своей кроватью и часто смотрел на него.

Воля начал подражать Суворову. Сбросив с кровати тюфяк, он стал спать на голых досках, умывался холодной водой, привыкал к зною, старался быть выносливым и неприхотливым.

Теперь Воля особенно полюбил военные игры. В своей комнате на столе он часто расставлял оловянных солдатиков и разыгрывал целые сражения из истории суворовских походов.

Семья Куйбышевых в Кокчетаве.

Дом в Кокчетаве, в котором В. В. Куйбышев провел детство.

В ПОИСКАХ ПРАВДЫ

В 1898 году Воля окончил Кокчетавскую начальную школу. Несмотря на недостаток средств к существованию, родители Куйбышева стремились дать детям среднее образование. Их старшая дочь Надя уже обучалась в Омской женской гимназии, а старший сын Толя — в Омском кадетском корпусе. В тот же корпус определили и Волю.

Мальчик, мечтавший стать Суворовым, ликовал. Наконец-то сбылось его заветное желание! Он поступил в учебное заведение, где в течение семи лет будет обучаться военному делу — маршировке, стрельбе, фехтованию, тактике.

В кадетском корпусе Воля стал заниматься с увлечением. Обладая большими природными способностями, он учился отлично, и потому в младших классах его переводили без экзаменов. Труднее ему давались военные науки: они требовали большого физического напряжения, а Воля был слабым, болезненным мальчиком. Когда он приезжал домой на летние каникулы, Юлия Николаевна всячески старалась укрепить его здоровье, усиленно кормила, поила кумысом, заставляла больше спать и отдыхать.

Но Волю по-прежнему влекло к детским играм и забавам, к сверстникам-товарищам. Он не кичился своим кадетским мундиром, был сердечен и прост, как и прежде, горячо заступался за всех обиженных.

Воля был вожаком детворы, затейником всяких игр и развлечений. Он особенно увлекался гимнастикой. Во дворе дома Куйбышевых была устроена трапеция. Воля достал шесты, кольца для упражнений. Здесь ребята часто занимались гимнастикой и акробатикой.

Но больше всего Воля любил играть в солдаты. Он объявил себя «Суворовым», а из своих кокчетавских сверстников сформировал «войско» и стал обучать его по всем правилам суворовской «науки побеждать». Ежедневно он заставлял своих товарищей маршировать, совершать в горах большие походы через воображаемые Альпы. В своем «войске» он ввел строгую, суворовскую дисциплину и спартанский образ жизни, подавая сам пример другим.

Это увлечение гимнастикой и военными играми пошло Воле на пользу. В тринадцать лет он уже выглядел сильным, выносливым крепышом, стройным, широким в плечах. Лишь характер его оставался неровным. Его общительность часто сменялась замкнутостью, его резвая подвижность — задумчивостью.

Как и раньше, Воля увлекался чтением. Но теперь он читал более серьезные книги, произведения русских классиков: Пушкина, Тургенева, Льва Толстого, Герцена, Чернышевского, Некрасова, Достоевского, Горького, Чехова. Эти книги раскрывали перед ним мир новых, волнующих идей, знакомили с жизнью, помогали уяснить ее смысл, заставляли задумываться о том, что и без того начинало обращать на себя внимание подростка, — о несправедливости в жизни, о произволе властей, о народном горе. В книгах он искал правду жизни, ответы на вопросы, волновавшие его.

Как-то, перебирая книги в отцовском шкафу, он натолкнулся на сочинения Д. И. Писарева. Фамилия этого писателя была ему еще не знакома. Он с любопытством раскрыл книгу и стал читать:

«Часто повторявшиеся исторические опыты доказывают неопровержимым образом, что колоссальное территориальное богатство может быть основано только на похищении чужого труда и на порабощении работника».

Это были знаменитые «Очерки из истории труда», написанные Писаревым в 1863 году в Алексеевском равелине Петропавловской крепости.

Статья заинтересовала Волю, и он начал внимательно читать ее. И чем дальше он читал, тем сильнее она захватывала его. Протест Писарева против буржуазно-помещичьего строя царской России, против мирового капитализма как бы выражал мысли и настроения самого Воли, у которого давно зародилось недовольство царившей повсюду социальной несправедливостью.

«Кто борется с природою, — читал он, — тот обогащает и самого себя и всех окружающих людей; кто обирает людей дозволенными и недозволенными средствами, тот разливает вокруг себя бедность и страдание, которые непременно, рано или поздно, тем или другим путем, доберутся и до него самого... Теперь всеми сделанными открытиями пользуется ничтожное меньшинство, но только очень близорукие мыслители могут воображать себе, что так будет всегда. Средневековая теократия упала, феодализм упал, абсолютизм упал; упадет когда-нибудь и тираническое господство капитала».

Статья всколыхнула у Воли так много мыслей и чувств, что ему захотелось поделиться впечатлениями и думами со своими юными друзьями. Вместе с ними он стал читать произведения Герцена, Писарева, Горького, Салтыкова-Щедрина, обсуждать их, горячо спорить.

А когда Воля после летних каникул вернулся в кадетский корпус, он организовал кружок из учащихся и руководил четкой запрещенной литературы. При его участии была создана нелегальная ученическая библиотека из отпечатанных на гектографе произведений, проникнутых революционным протестом («Вяленая вобла» Салтыкова-Щедрина, «Овод» Войнич и другие).

Особенно сильное впечатление на Волю произвел «Николай Палкин» Л. Толстого.

«Мы говорим, — читал Воля гневные, обличительные строки великого писателя, — все это прошло. Прошло, и теперь уже нет пыток, блудниц-Екатерин с их полновластными любовниками, нет рабства, нет забиваний на смерть палками и др. Но ведь это только так кажется! Триста тысяч человек в острогах и арестантских ротах сидят, запертые в тесных, вонючих помещениях и умирают медленной телесной и нравственной смертью...

Десятки тысяч людей, с вредными идеями, в ссылки разносят эти идеи в дальние углы России, сходят с ума и вешаются. Тысячи сидят по крепостям и, или *убиваются тайно начальниками тюрем*, или сводятся с ума одиночными заключениями. Миллионы народа гибнут физически и нравственно в рабстве у фабрикантов».

И когда Воля дочитал до конца, он глубоко возненавидел царя и всех, кто был опорой царской власти.

«Ведь это ужасно! Опомнитесь люди!!» — эти последние слова толстовского памфлета глубоко врезались в сознание подростка и заставили задуматься о своем призвании, о своем будущем.

Воля стал охладевать к занятиям в кадетском корпусе.

В то время кадетские корпуса были питомниками надежных слуг русского царизма. Окончившие кадетский корпус получали преимущественное право поступления в военные училища, где готовились кадры монархически настроенных офицеров. Воле были в тягость и казарменная дисциплина, и чинопочитание, и мертвечина кадетской учебы, и ежедневное хождение «на молитву». Многих кадетов Воля чуждался. Это были в большинстве случаев дворянские сынки родовитых

семей, мечтавшие лишь о чинах и наградах, о великосветских балах и офицерских пирушках.

Под впечатлением, таких книг, как «Николай Палкин», у него укрепилось враждебное отношение к офицерской касте и усилилось сочувствие к простым солдатам.

Однажды, во время летних каникул, Юлия Николаевна обратила внимание на то, что ее Воля говорит денщикам «вы», здоровается за руку и запросто разговаривает с ними.

— Ну разве так можно обращаться с солдатами, — упрекнула она сына. — Вот скоро ты окончишь корпус, потом военное училище, станешь офицером, а вести себя с солдатами не умеешь... Ведь при таком обращении они не будут тебя признавать как офицера и не будут слушаться.

— Почему же я должен солдату говорить «ты»? — возразил Воля. — Ведь он такой же человек, и с ним надо обращаться вежливо, по-человечески. — И потом твердо добавил: — А офицером я не собираюсь быть и не буду!

Мать заволновалась. Ее большие серые глаза наполнились тревогой.

— Рано, рано ты решаешь, — нахмурившись, говорила она ему. — Вот сначала окончи корпус, а там посмотрим, кем тебе быть...

Это была первая серьезная размолвка между ними. Потом случались ссоры и по другому поводу. Юлия Николаевна была верующей. Она и детей заставляла по праздникам ходить в церковь. Воля же с четырнадцати лет не верил в бога. Сказалось влияние прочитанных книг и пример отца: Владимир Яковлевич не соблюдал церковных обрядов. Поэтому Воля отказывался посещать церковь под разными предлогами: то зубы ноют, то голова болит, то сапог ногу жмет. Лишь иногда,

уступая матери, он неохотно шел в церковь. Но и в этих случаях Юлия Николаевна огорчалась.

— Воля, как папа, лба не перекрестит. Безбожники! — говорила она со слезами на глазах.

И ей казалось, что Воля уже не любит ее.

Но это было не так. Он по-прежнему уважал мать, дорожил ее любовью, признавал ее авторитет и слушался, если это не противоречило его убеждениям.

А когда случались размолвки, то Воля всегда старался утешить мать. Он ласково обнимал ее и, нежно поглаживая ее волнистые темные волосы, говорил:

— Успокойся, мама! Не огорчайся! Ведь я так, так люблю тебя!..

И он радовался, видя, как в ее увлажненных слезой глазах светилась ответная материнская любовь...

Уезжая в Омск, Воля часто в долгие месяцы учения в кадетском корпусе вспоминал своих родных и больше всех свою мать.

У Воли еще в раннем детстве появилось влечение к поэтическому творчеству. Он иногда пытался выразить в стихах свои мысли, чувства и настроения. И вот как-то, бродя по унылой спальне кадетского корпуса в томительной тоске по родному дому, он присел к столику и взялся за ручку. Из-под пера легко полились поэтические строчки:

*Откуда, ласточки, вы быстро так летите?
Быть может, вы покинули край родины моей?
Ну что она? Ну что же вы молчите?
Скажите же вы мне хоть что-нибудь о ней.
Быть может, вы в долине той летали,
Где хижина стоит на берегу реки,
Где дни мои так быстро протекали,
Где годы детства милого прошли?
Бывало, всей семьей на берегу сидели
И вместе наслаждались приятным летним днем...*

*Быть может, ласточки, вы около летели?
Ну что мой дом? Скажите же вы мне хоть что —
нибудь о нем.
Все так же милая, любимая мной мать
В слезах меня все поджидает?
О, как бы я хотел скорей ее обнять!
О, скоро ли мгновенье то настанет?*

Когда Юлия Николаевна получила это стихотворение, она растрогалась до слез. Значит он, ее родной Воля, любит ее, тоскует по ней!..

Но Воля не замыкался в узком семейном кругу. Его юное сердце все живее откликалось на человеческое горе, а пытливый ум все глубже проникал в причины людских страданий и общественного зла. В подростковом с каждым годом усиливалось желание оказать людям помощь, облегчить их тяжелую, безрадостную жизнь. Это желание, сначала смутное, безотчетное, постепенно прояснялось и крепло.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Детство и ранняя юность Валериана Владимировича Куйбышева совпали с усилением великой освободительной борьбы, которая изменила впоследствии судьбы России и преобразила жизнь народных масс.

Этой борьбой стал руководить созданный в 1895 году В. И. Лениным «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», который явился зачатком революционной марксистской рабочей партии. «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» стал осуществлять соединение социализма с рабочим движением. Через своих членов «Союз борьбы» повел массовую политическую агитацию на заводах и фабриках столицы, широко распространял свои листовки и прокламации. На многих петербургских предприятиях вспыхивали забастовки. Рабочие стали предъявлять не только экономические, но и политические требования.

В декабре 1895 года, пытаясь погасить рабочее движение, царское правительство приняло все меры, чтобы разгромить «Союз борьбы». Жандармам удалось выследить деятелей «Союза борьбы», арестовать В. И. Ленина и многих его сторонников. После долгого тюремного заключения В. И. Ленин в начале 1897 года был сослан в Сибирь.

Из сибирской ссылки В. И. Ленин руководил революционным движением по всей России. Он оказывал непосредственное влияние и на революционную борьбу сибирских рабочих.

В это время в Сибири, как и в других областях России, быстро развивалась капиталистическая промышленность. Привлекаемые огромными природными богатствами еще почти нетронутого края,

сюда устремились не только русские предприниматели, но и зарубежные капиталисты. Увеличилось количество золотодобывающих приисков, каменноугольных шахт, горных рудников. Значительно оживились и отрасли обрабатывающей промышленности — маслоделие, винокурение и пр. Вслед за промышленным капиталом в Сибирь ринулся и торговый капитал. Обширный край быстро покрылся разветвленной сетью контор по скупке сырья и продовольствия, по продаже сельскохозяйственных машин. Наряду с русскими купцами по Сибири разъезжали иностранные торговцы и скупщики — американцы, англичане, немцы, датчане.

Росту промышленности и торговли особенно способствовала проложенная в 1891-1905 годах на протяжении свыше семи тысяч километров сибирская железнодорожная магистраль. Она содействовала проникновению в Сибирь торгово-промышленного капитала, ускоряла и повышала приток населения вообще и, в особенности, промышленного пролетариата. Сибирская магистраль стала к тому же проводником революционного движения. По ней из России приезжали кадровые рабочие, прошедшие революционную выучку в крупных пролетарских центрах России. Эти рабочие приносили с собою навыки стачечной борьбы. Они делились своим революционным опытом с коренными сибирскими рабочими, жившими разрозненно по мелким предприятиям или в таежной глуши на рудниках и приисках. Революционный ток, проходивший по магистрали из России в Сибирь, прежде всего касался самих железнодорожников, возбуждая их волю к борьбе. На станциях железнодорожной магистрали создавались пролетарские очаги. Сибирские железнодорожники стали в авангарде рабочего движения, они являлись его зачинателями и вожаками.

Большое влияние на развитие и рост революционного движения в Сибири оказывали также

политические ссыльные. Еще с давних времен в Сибирь ссылали участников казацких мятежей, булавинского бунта на Дону, крестьянских восстаний Степана Разина и Емельяна Пугачева. Это были люди свободолюбивые, не мирившиеся с помещичьим гнетом и царским произволом, приносившие с собой мятежные думы и непреклонную волю к борьбе. Вслед за этими поборниками крестьянской правды царская жандармерия гнала в Сибирь, на каторгу и в ссылку, декабристов и польских повстанцев, революционных демократов и народовольцев. Все они разносили по самым глухим местам Сибири свободолюбивые идеи и будили революционное сознание трудящихся.

Особенно же сильно было влияние ссыльных социал-демократов. Они и в ссылке продолжали вести активную революционную борьбу, распространяли среди населения запрещенную литературу, тайно получаемую из России и из-за границы, сами печатали листовки в подпольных типографиях, призывали рабочих к стачкам, выводили их на широкие демонстрации. Ссыльные социал-демократы были основателями и организаторами первых подпольных кружков в Томске, Омске, Красноярске, Иркутске, Чите.

В декабре 1900 года за границей вышел первый номер газеты «Искра». Эта ленинская газета должна была сплотить разрозненные марксистские организации и тем самым подготовить создание революционной рабочей партии.

Ленинская «Искра» сыграла решающую роль в сплочении и сибирских марксистов. Во многих местных организациях вскоре возникли группы искровцев. Они повели энергичную пропаганду ленинских идей. В конце 1902 года искровцы встали во главе Сибирского социал-демократического союза, зародившегося в 1901 году под влиянием петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Уже в январе 1903 года

искровское руководство Сибирского социал-демократического союза выступило с программным воззванием. В нем оно заявило «о своей солидарности с организацией «Искры» по вопросам принципиальным, тактическим и организационным» и признало «ее своим руководящим органом, выражая готовность оказывать этому органу и его объединительным попыткам материальную и духовную поддержку».

Соглашаясь с этим заявлением Сибирского социал-демократического союза, все его, местные комитеты выступили с декларациями о том, что они также признают руководящую роль ленинской «Искры».

Несмотря на это, оба делегата Сибирского социал-демократического союза, посланные на II съезд партии, выступили против В. И. Ленина. Им содействовал двурушник Гутовский, бывший «экономист»^[2], пробравшийся в руководство Сибирского социал-демократического союза и самочинно выдавший делегатские мандаты на II партсъезд Троцкому и его единомышленнику Мандельбергу.

Об измене сибирских делегатов сибиряки узнали уже после того, как на съезде произошел раскол на большевиков и меньшевиков. Возмущенные предательством Троцкого и Мандельберга, Сибирский социал-демократический союз и все его местные комитеты опубликовали в «Искре» заявление о том, что они «решительно заняли позицию на стороне Ленина» и что «бывшая сибирская делегация не представляет Сибирского союза».

За всеми этими событиями внимательно следили из Омска, где к этому времени сформировалась одна из ведущих марксистских организаций Сибири, деятельность которой значительно усилила рабочее движение.

Железнодорожная магистраль, проложенная через Омск, вскоре в корне изменила облик этого

захолустного, обывательски чиновничьего городка, превратила его в крупный пролетарский центр. В одних только железнодорожных мастерских и депо станции Омск еще в 1898 году работало свыше двух тысяч человек. Кроме того, в городе насчитывалось около тридцати фабрично-заводских предприятий (кирпичные, гончарные, пивоваренные, салотопенные, мыловаренные заводы, табачная фабрика и пр.).

В 1898 году вспыхнула первая забастовка омских железнодорожников, закончившаяся их победой. Тогда же в Омске стали возникать первые социал-демократические кружки, вначале разрозненно, разобщенно, быстро распадаясь. Но уже к 1903 году все кружки железнодорожников объединились с омской городской социал-демократической организацией и образовали Омский комитет РСДРП.

Теперь работа кружков оживилась. Среди них выделялся кружок учащихся под руководством искровца Г. И. Крамольникова. В этот кружок весной 1903 года вступила Надежда Куйбышева — старшая сестра Валериана Куйбышева.

Еще не будучи организационно связан с партией, Валериан стал участвовать в революционном движении. До него уже доходили глухие отголоски революционной борьбы, разгоравшейся по всей России, хотя в этой борьбе он еще не вполне разбирался. Иногда случайно в его руки попадали листовки Сибирского социал-демократического союза, призывавшие к свержению царизма. Валериан жадно ловил вести о рабочих забастовках и крестьянских волнениях. Он дышал воздухом эпохи, насыщенной предгрозовыми событиями накануне первой русской революции 1905–1907 годов. И уже в четырнадцать лет Валериан настолько проникся освободительными идеями и настроениями, что решил встать на революционный путь.

Первые шаги на этом пути относятся к 1902 году. Как всегда, летние каникулы он проводил в Кокчетаве. Местная молодежь тайно собиралась в окрестностях города и там проводила политические собрания. В этих собраниях участвовал и Валериан.

Однажды Куйбышев и его ближайшие товарищи вышли из Кокчетав, захватив с собою для вида балалайки, гитары, мандолины. Пройдя несколько километров, они вошли в густой лес, где и расположились. Выслали дозор разведать, нет ли вблизи посторонних людей. Водрузили красный флаг-маяк для остальных, еще не прибывших товарищей. Но вот все собрались. Юный Куйбышев произнес горячую речь. Он с возмущением и гневом говорил о том, как тяжело живется при царе, и призывал к борьбе. После других выступлений в заключение пропели «Марсельезу» и затем, соблюдая предосторожность, разошлись по домам.

Возвратившись в Омск, Куйбышев и здесь стал вести агитацию среди учащихся, резко критиковал царский строй. Он упорно искал в Омске связей с революционными организациями. Во время этих поисков он познакомился и затем близко сошелся с воспитанниками Омской учительской семинарии — членами подпольного кружка. Николай и Александр Гладышевы, родственники Валериана по матери, также были членами этого кружка.

Братья Гладышевы ежегодно в летние каникулы приезжали в Кокчетав и гостили в семье Куйбышевых. Во время этих встреч Валериан сдружился с ними. По возрасту они были почти его сверстниками, чуть постарше. Гладышевы отличались большой начитанностью. Они впервые возбудили в Куйбышеве интерес к прогрессивной, революционной литературе.

В семье Куйбышевых и раньше Некрасов был любимым писателем. Его стихи трогали Валериана своей

задушевностью, человечностью. Но Гладышевы по-иному осветили ему некрасовскую поэзию. Теперь она вызывала в Валериане протест против бесправия народа, ненависть к его угнетателям, желание бороться против царства насилия и произвола.

Гладышевы познакомили Валериана с романом Чернышевского «Что делать?»: они передали ему литографированный оттиск этого запрещенного произведения. Каждая его страница глубоко волновала подростка. Герои романа, особенно Рахметов, увлекали и призывали к борьбе. Вместе с ними Валериан верил, что наступит время, когда исчезнет всякое угнетение человека человеком.

Встречи с Гладышевыми, горячие беседы с ними обогащали Валериана, развивали его общественно-политическое сознание. Впоследствии, когда Гладышевы стали скатываться к меньшевизму, Куйбышев спорил, «воевал» с ними: ученик обгонял своих учителей в политическом развитии. Но на заре своей юности Куйбышев многим был обязан Гладышевым. Через них он сблизился с революционным движением в стране.

Большое влияние на Куйбышева оказала его сестра Надежда Владимировна. Она уже окончила гимназию и теперь готовилась к экзаменам на аттестат зрелости, чтобы поступить в высшее учебное заведение.

Жила она вместе с подругой на окраине города, в маленьком домике, где была явочная квартира для партийных работников и некоторое время помещалась также подпольная типография. Здесь же собиралась революционно настроенная молодежь, читались рефераты, подготавливались кадры агитаторов и пропагандистов.

Воспитанников кадетского корпуса отпускали к родственникам лишь на праздники.

Куйбышев с нетерпением ждал воскресных дней и всегда спешил к сестре, где он мог встретиться с людьми, близкими по взглядам и настроениям, где он мог узнать правду о жизни, услышать рассказы о Ленине, о революционной борьбе трудящихся. В квартире сестры, под полом, Валериан устроил хранилище для запрещенной литературы — произведений Маркса, Энгельса, Ленина. В то время эти произведения были в большинстве своем перепечатаны на ротаторе или переписаны от руки. Придя к сестре, Валериан тщательно закрывал окна и двери, доставал из-под пола брошюру или рукопись и начинал с увлечением читать.

В социал-демократических кружках Омска сначала отнеслись к Валериану настороженно. Он являлся в кадетском мундире и потому своим видом не внушал доверия. Но, познакомившись поближе, руководители кружков стали давать ему разные поручения. Он вел среди рабочих и солдат революционную агитацию, расклеивал по городу листовки, отпечатанные в подпольной типографии, распространял их в железнодорожных мастерских и воинских казармах.

Вскоре школьное начальство узнало о революционных настроениях и связях Куйбышева. При переводе его из пятого в шестой класс педагогический совет кадетского корпуса постановил: «Кадету 5-го класса Куйбышеву В., хотя и выполнившему условия на получение похвального листа, такового не выдавать за не вполне одобрительное поведение его».

Это первое взыскание не только не изменило поведения юного революционера, но, наоборот, еще более укрепило сто волю к борьбе.

Летом того же 1903 года Куйбышев привез из Омска в Кокчетав нелегальную литературу — листовки, брошюры. Листовки он распространял сам, предварительно свернув каждую из них трубочкой и

перевязав цветным гарусом. Вечером он ходил по улицам и подбрасывал прокламации под окна и двери. Но больше всего он распространял их в воинских казармах среди солдат, находившихся под начальством отца.

Солдаты внимательно читали листовки, оживленно обсуждали их. При появлении же офицеров и фельдфебелей они поспешно прятали бумажки за голенища сапог или в карманы.

Однако несколько листовок все же попало в руки фельдфебелей и были доставлены начальнику воинской команды Владимиру Яковлевичу Куйбышеву. Он сразу догадался, кто распространял листовки: они были перевязаны тем цветным берлинским гарусом, который Юлия Николаевна одна во всем городе специально выписывала для вязанья.

«Это сделал Валериан, — подумал Владимир Яковлевич. — Но кто его научил?»

В это время Владимира Яковлевича позвали к обеду. Крайне встревоженный, он сел за стол с угрюмым, недовольным видом.

— Что случилось? — спросила мужа обеспокоенная Юлия Николаевна.

Владимир Яковлевич рассказал о случившемся.

— Я все же узнаю, кто это разбрасывал, — угрожающе закончил он свой рассказ и строго посмотрел на Валериана.

Тот, опустив голову, ел суп.

Отец помолчал, а потом вдруг в упор спросил его:

— Это ты разбрасывал листовки?

— Да, я, — признался сын.

Разгневанный Владимир Яковлевич встал и быстро вышел из столовой. Все с испугом смотрели на Валериана.

Владимир Яковлевич вскоре позвал его к себе в кабинет.

— Скажи, откуда эти листовки? Кто их тебе дал?

Сын молчал, не спуская с отца своих глаз, в которых чувствовалась твердость.

Отец заглянул в эти глаза и был озадачен. Он только теперь увидел и понял, как его сын возмужал. И уже менее настойчиво Владимир Яковлевич переспросил:

— Так кто же заставил тебя разбрасывать листовки?

Но сын продолжал молчать, стойко выдерживая пытливый взгляд отца.

Владимир Яковлевич в раздражении чиркнул спичкой и закурил. На его лице нервно задвигались слегка выдававшиеся скулы. Но вот раздражение улеглось, и в чуть заметном косом разрезе отцовских глаз Валериан уловил теплоту родительской озабоченности о нем, о сыне.

Не столько упрекая, сколько советуя, Владимир Яковлевич проговорил:

— Рано тебе заниматься политикой. Ты ведь еще мальчик. Тебе ли бороться с такой силой, как царь?

— Народ — сила, а не царь! И народ сбросит царя! — произнес Валериан так горячо и убежденно, что Владимир Яковлевич с еще большим недоумением и изумлением посмотрел на сына. Понял тогда отец, что его Валериана нельзя переубедить.

И уже примирительно он переспросил:

— А все-таки, кто же тебе дал прокламации?

— Партия, в которую я скоро вступлю, — еще тверже ответил сын.

Отец опять заглянул в его глаза и прочел в них непоколебимую решимость и вместе с тем горячую сыновнюю просьбу понять и не осуждать его.

Как бы в ответ на эту молчаливую мольбу Владимир Яковлевич нежно обнял сына и тихо, совсем примирительно, дружески промолвил:

— Ну ладно... Поговорим еще потом... Иди!..

Валериан вышел, а Владимир Яковлевич еще долго сидел в глубокой задумчивости, держа в руках уже давно потухшую папиросу...

Свое решение Валериан вскоре выполнил. В 1904 году шестнадцатилетним подростком Валериан Куйбышев вступил в омскую организацию РСДРП, примкнув сразу к большевикам.

С появлением Куйбышева в омской партийной организации заметно оживилась агитационно-пропагандистская работа Омского комитета РСДРП, испытывавшего перед этим острый недостаток в способных агитаторах и пропагандистах. Валериан же, несмотря на свою молодость, быстро завоевал авторитет среди партийных товарищей. Полюбили его, агитатора-массовика, и рабочие, в частности железнодорожного рабочего поселка, так называемого Атаманского хутора, близ вокзала, куда он нередко ходил. Своим признанным вожаком считала его и учащаяся молодежь, среди которой он имел обширные связи. Все видели в нем чуткого, политически развитого товарища.

Политический кругозор Куйбышева постепенно расширялся. Он внимательно следил за внутрипартийной борьбой не только в России, но и за границей. Куйбышев особенно прислушивался к голосу В. И. Ленина. Каждая ленинская статья и брошюра, доходившая до Омска, не раз перечитывалась Валерианом, помогала ему в практической партийной работе и разъясняла смысл происходивших событий.

Летом 1904 года большевики повели борьбу за созыв III съезда партии в связи с тем, что меньшевикам удалось захватить руководство в ЦК партии и в редакции газеты «Искра». Необходимо было избрать новый Центральный Комитет партии в соответствии с требованиями местных организаций, большинство которых шло за В. И. Лениным. Предполагалось также на III съезде устранить фактический раскол в партии и

установить единую партийную тактику, обязательную для всех. Опасаясь поражения на съезде, меньшевики пытались сорвать его созыв, не брезгая никакими средствами.

Сибирский социал-демократический союз и все его местные комитеты решительно высказались за созыв съезда. Однако и на этот раз двурушнику Гутовскому удалось обмануть сибирскую партийную организацию и от ее имени проводить меньшевистскую линию. Он сумел убедить организацию в том, что делегирование им Троцкого и Мандельберга на II съезд партии было простой ошибкой и объяснялось якобы «игрой случайностей».

Вскоре Гутовский был арестован, и вся мошенническая история с фальшивой делегацией была забыта. После побега из ссылки Гутовскому снова удалось проникнуть в руководство Сибирского социал-демократического союза. Выдавая себя за большевика, Гутовский добился того, что Сибирский социал-демократический союз командировал его за границу для ознакомления с положением дел в партийных центрах.

Однако, приехав за границу, Гутовский («Симонов») перекинулся к меньшевикам, установил личную связь с Мартовым и Троцким. От встречи же с В. И. Лениным он уклонился, послав ему лицемерное письмо, в котором доказывал необходимость «перемирия» с меньшевиками. На это письмо В. И. Ленин отправил Сибирскому социал-демократическому союзу подробный ответ. В нем Владимир Ильич разъяснял, к чему может привести «перемирие» с меньшевиками. Но ленинское письмо, изобличавшее Гутовского и его друга «Балалайкина» — Троцкого, было перехвачено томскими приспешниками Гутовского и скрыто от сибирских комитетов. Также было скрыто и письмо Н. К. Крупской, написанное вскоре после отъезда Гутовского. Поэтому

Гутовский смог двурушничать и по возвращении из-за границы.

Скрыв свои связи с Мартовым и Троцким, выдавая себя по-прежнему за ленинца, Гутовский сумел получить от Сибирского социал-демократического союза мандат на III съезд партии (апрель 1905 года). Однако он выехал не на съезд в Лондон, а в Женеву, на меньшевистскую конференцию, в которой принял активное участие. Посланная В. И. Лениным и В. В. Воровским со съезда телеграмма Сибирскому социал-демократическому союзу о том, что его делегат изменил большевикам, опять была перехвачена и скрыта томскими сторонниками Гутовского.

Это позволило Гутовскому продолжать двурушничество. Пользуясь неосведомленностью сибиряков, оторванных от центров России и заграницы, Гутовский на томской конференции Сибирского социал-демократического союза в июне 1905 года представил ложную информацию, заявив, что якобы законного по уставу съезда партии не было, а состоялись лишь фракционные совещания: одно — большевиков, другое — меньшевиков. На этом основании он предложил считать решения обоих «фракционных совещаний» необязательными. Голосами меньшевиков это предложение было принято при попустительстве большевиков-примиренцев, воздержавшихся от голосования.

Между тем III съезд партии по предложению В. И. Ленина утвердил важные решения о вооруженном восстании, о временном революционном правительстве, об отношении к крестьянскому движению. В противовес предательской тактике меньшевиков съезд выработал революционную, марксистскую тактику и признал главной задачей партии и рабочего класса переход от массовых политических стачек к вооруженному восстанию. Считая, что победа в демократической

революции может быть достигнута пролетариатом лишь в союзе с крестьянством, при изоляции буржуазии, съезд призвал местные партийные организации к поддержке крестьянского движения и к созданию революционных крестьянских комитетов в деревне. Наконец съезд утвердил устав партии в ленинской формулировке, избрал Центральный Комитет партии во главе с В. И. Лениным.

Вследствие происков предателя Гутовского решения III съезда партии не были признаны на томской конференции Сибирского социал-демократического союза.

Однако многие организации Сибири с этим не согласились и заявили о своей полной поддержке большевистского съезда.

Томская конференция внесла раскол в Сибирский социал-демократический союз, и вскоре он фактически распался.

В связи с этим местные организации большевиков стали действовать самостоятельно. Во главе этих организаций были верные большевики, проводившие последовательно ленинскую политику, — такие, как Сергей Миронович Киров в Томске, Валериан Владимирович Куйбышев в Омске, Иван Васильевич Бабушкин и Виктор Константинович Курнатовский в Чите.

Двурушничество Гутовского и Троцкого наглядно показало Куйбышеву всю низость тактики меньшевиков, всю подлость их поведения. Вот почему он вел с ними непримиримую борьбу. К этому его обязывали и наступившие события первой русской революции 1905–1907 годов.

В стране нарастало и ширилось революционное движение. Рабочие и крестьянские массы, изнывавшие под игом капиталистов и помещиков, все чаще и решительнее выступали против своих угнетателей,

против царских властей. Рабочие стачки нередко сопровождались массовыми демонстрациями, кровавыми столкновениями с полицией и войсками. Во многих городах возникали баррикадные бои на улицах и площадях.

Поражение в войне, которую вело в то время царское правительство с Японией в надежде отвлечь внимание народных масс от надвигавшейся революции, еще более усиливало в народе ненависть к царизму.

Тяжелые последствия войны легли непосильным бременем на плечи обнищавшего народа.

Возмущение в стране с большей силой стало выливаться в революционные выступления — забастовки, демонстрации, которые все чаще заканчивались вооруженными схватками.

3 января 1905 года вспыхнула стачка на Путиловском (теперь Кировском) заводе, крупнейшем в Петербурге. Вскоре стачка начала распространяться на другие предприятия столицы и стала всеобщей, охватив свыше полутора тысяч рабочих. Так как заводчики и фабриканты отказались удовлетворить требования рабочих, то стачечники, подстрекаемые провокатором попом Талоном, решили обратиться с петицией (просьбой) к царю.

9 января 1905 года на улицы и площади Петербурга вышло свыше ста сорока тысяч мирных демонстрантов. Многим из них удалось прорваться сквозь полицейские и казачьи заслоны к Зимнему дворцу, чтобы передать царю свою петицию. Но царь приказал стрелять в безоружных демонстрантов, среди которых были женщины и дети. В тот день, в воскресенье, было убито свыше тысячи и ранено более двух тысяч человек.

Весть о «кровавом воскресенье» в Петербурге быстро разнеслась по всей России и вызвала огромное возмущение. Отовсюду к царю направляли решительные протесты. Повсеместно раздавались призывы к борьбе, к

свержению царизма. На жестокую расправу царя рабочие отвечали массовыми забастовками, мощными демонстрациями. Первой откликнулась грозной стачкой Москва. За ней выступили другие крупные города.

В России началась революция.

Волна революционных выступлений прокатилась и по всей Сибири. 18 января в Томске большевики призвали рабочих и студентов выйти на улицы. Одним из организаторов этой демонстрации был Сергей Миронович Киров, впоследствии ставший другом и соратником Куйбышева.

«Кровавое воскресенье» глубоко взволновало и трудящихся Омска. Зверская расправа с питерскими рабочими также переполнила гневом юное сердце Куйбышева. Выполняя поручение партийной организации, Валериан собрал рабочих-железнодорожников Омска и выступил перед ними с негодующей речью. Он рассказал о расстреле мирных демонстрантов в Петербурге и призвал к смелому, решительному протесту.

— Пиши, пиши протест! — возбужденно кричали — рабочие. — Все, как один, подпишемся.

Валериан зачитал текст заранее составленного протеста. Чтение сопровождалось одобрительными возгласами рабочих. Все охотно подписали протест, и Куйбышев отправил его в Петербург, к царю.

Окрыленный этим успехом, Валериан решил сагитировать также воспитанников кадетского корпуса, чтобы и от их имени послать такой же протест. Предварительно он поговорил с теми из них, кто отличался наиболее передовыми взглядами, был настроен против царя. Куйбышев ознакомил их с текстом протеста. Два кадета согласились подписать его. Тогда Куйбышев обратился с призывом к другим кадетам. Но его слушали враждебно, перебивали оскорбительными выкриками. Особенно злобствовал

кадет Ребровцев, отъявленный монархист. А когда в его руках очутился листок с протестом, он, разъяренный, подскочил к Куйбышеву и, потрясая листком, закричал:

— Это позор для кадетского корпуса! Ты мараешь свои погоны, оскорбляешь нашу честь! Ты обязан отказаться от своих слов и порвать протест.

— Рвать я не буду, — решительно ответил Валериан.

— Тогда мы с тобой поговорим иначе, — пригрозил Ребровцев и увел кадетов из классной комнаты для совещания.

Собрались они в спальне, куда Куйбышева не пустили. Он остался один.

Вскоре шумная, возбужденная толпа кадетов вернулась, угрожающе окружила его и потребовала, чтобы он отказался от протеста. Валериан видел, что он одинок. Даже те два кадета, что подписали протест, прятались за спины других и, видимо, теперь были против него. Но Куйбышев не сдавался:

— Отказываться от своих убеждений не намерен. А протест отправлю хотя бы за тремя подписями.

Но и трех подписей не оказалось. Два кадета, бывшие его сторонники, перетрусили и вычеркнули свои фамилии под протестом.

— Тогда я пошлю протест с одной, своей подписью, — вызывающе заявил Куйбышев.

— А мы тебе объявим бойкот, выкинем тебя из нашего общества, — угрожал Ребровцев.

— Бойкот! Бойкот! — хором поддержали его другие кадеты.

По доносу Ребровцева у Куйбышева произвели обыск, нашли запрещенные книги и среди них сочинения Энгельса, «Исторические письма» Лаврова. Начались допросы. Куйбышева вызвали к начальнику кадетского корпуса.

Воспитатель ввел его в обширный кабинет, устланный пышными коврами. Со стен свисали портреты

царей в золоченых рамах. За большим письменным столом Куйбышев увидел осанистую фигуру генерала Андреева с окладистой седой бородой.

Генерал посмотрел на него хмуро, сердито.

— Крамолой занимаетесь? — скрипуче зазвучал генеральский басок. — Не допущу! Вы уже раньше, в пятом классе, были замечены в недостойном поведении. Вас уже предупреждали, вам перед строем было объявлено, что в случае неисправления вы подвергнетесь исключению. И вот после всего этого опять... этот возмутительный, крамольный протест. И кому? Царю!..

От гнева лицо начальника кадетского корпуса побагровело, старческие глаза смотрели озлобленно.

— Вас надо исключить! — угрожающе вскричал генерал. — Вы недостойны звания воспитанника кадетского корпуса!.. Но мне жаль вашего отца. Он почтенный человек, офицер, награжденный орденами за русско-японскую войну. Исключение вас из корпуса огорчит его. Только ради него я прощаю вас и пока ограничусь лишь карцером на трое суток. Идите и подумайте там о своем позорном поведении. Советую исправиться и быть достойным будущего звания защитника нашего государя, монарха.

— Ваше превосходительство, — возразил Куйбышев, — я офицером не собираюсь быть.

— Молчать! — опять вскипел генерал. — Вы еще молокосос, чтобы решать свою судьбу... В карцер! На три дня!..

Куйбышев по-военному повернулся и вышел из кабинета.

Воспитатель отвел его в карцер — маленькую комнату, где стояла ученическая парта и узкая, жесткая кровать. По дороге в карцер Валериан успел захватить и тайком пронести с собой книгу В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад»: она нужна была ему для

подготовки к очередному выступлению в рабочем кружке. В течение трех дней Куйбышев внимательно перечитывал эту книгу, и перед ним все яснее и глубже раскрывалось ленинское учение о партии как руководящей организации пролетариата.

Конечно, карцер не «исправил» Куйбышева. Отбыв наказание, он в первый же предпраздничный день отправился к сестре, в подпольный кружок, и продолжал партийную работу.

В июне 1905 года Куйбышев закончил кадетский корпус. Наконец-то! Ему, уже связанному с партией, тяжело было мириться с затхлой, казарменной обстановкой в корпусе.

Учился Куйбышев отлично, но по «закону божьему» он отказался отвечать и вел со священником-преподавателем резкие споры. За это его хотели выпустить без отметки по «закону божьему», что лишало права на поступление в высшее учебное заведение. И только потому, что по всем остальным предметам у Куйбышева были отличные и хорошие баллы, школьное начальство решило поставить по «закону божьему» удовлетворительную отметку.

Вращаясь в военной среде, наблюдая бездушную муштру, зверское обращение офицеров с солдатами, Куйбышев питал отвращение к военщине, к жестоким ее нравам. После окончания кадетского корпуса он решительно заявил матери (отца в это время не было — он лечился в Петербурге от тяжелых ран, полученных в русско-японской войне):

— Я не хочу быть офицером... не могу по своим убеждениям. И не буду офицером.

— Ну какие у тебя, в семнадцать лет, могут быть убеждения? Вот станешь постарше — поймешь, что заблуждался. А пока послушайся: иди в военное училище. Стерпится — слюбится...

— Нет, мама, и не стерпится и не слюбится. Я в этом твердо убежден.

Но, видя, что мать огорчена, Валериан уже мягче добавил:

— Ну, если вы так хотите, чтобы я был военным, я поступлю в Военно-медицинскую академию.

— Но на какие средства ты будешь жить и учиться в академии? Сам знаешь, мы много не можем тебе дать. Придется тебе терпеть нужду. А в военном училище будешь жить на казенный счет, на всем готовом.

— Вы не беспокойтесь, мама. Я постараюсь и вам не быть в тягость и нужды особой не терпеть. Буду прирабатывать уроками.

Мать продолжала упрашивать сына, но он настоял на своем решении. Юлия Николаевна вынуждена была подать заявление начальнику кадетского корпуса с просьбой разрешить ее сыну поступить не в военное училище, а в Военно-медицинскую академию.

В этой просьбе было отказано. Но юноша упорствовал. Когда в Кокчетав возвратился отец, Валериан так же твердо сказал ему:

— В военное училище я не пойду!..

Отец пытался уговорить его, но после долгих споров и пререканий уступил. Оставшись наедине с женой, он сказал ей в утешение:

— Пусть идет в Военно-медицинскую академию. Все-таки будет военным.

Владимир Яковлевич вторично обратился к начальнику кадетского корпуса. Генерал удовлетворил его просьбу.

В августе 1905 года Валериан был зачислен студентом в Петербургскую военно-медицинскую академию.

СТУДЕНТ-РЕВОЛЮЦИОНЕР

В Петербурге Куйбышев сначала поселился на Лиговке. Когда же установил связь с партийной организацией и стал работать по ее заданиям, он перебрался в рабочий район на Выборгскую сторону, где снял комнату на чердаке деревянного домика.

Началась самостоятельная и трудная жизнь. Приходилось одновременно и заниматься в академии, и выполнять партийные поручения, и, кроме того, добывать средства к существованию.

Перед отъездом из Кокчетова Куйбышев просил родителей:

— Пожалуйста, денег мне не высылайте. Я знаю, что у вас лишних нет. В вашей помощи больше нуждаются младшие. А я сумею прожить, зарабатывая уроками.

— Что ты, что ты! — возразил отец. — Деньги и для тебя найдутся. Вот брошу курить — экономия будет.

Валериан Владимирович не согласился. Он решил не принимать от родителей денег, а если будут присылать, отправлять их обратно, и стал искать заработка. Вскоре выяснилось, что уроками существовать нельзя: они были случайны, плохо оплачивались. Тогда Куйбышев прошел краткосрочные курсы массажа. Первыми его пациентами оказались дети. Для того чтобы они были спокойны, Куйбышев по дороге заходил в книжные магазины, покупал занимательные детские книжки, на ходу их прочитывал и затем во время массажа пересказывал содержание своим маленьким пациентам, часто фантазируя. Дети с интересом слушали его, а он в это время незаметно производил неприятные для них процедуры.

Однако заработки и от массажа были ничтожны, и потому Куйбышеву нередко приходилось голодать.

Иногда родители присылали продукты. Куйбышев, обрадованный, спешил к своим друзьям и приглашал их к себе:

— Устроим сегодня пир!

Друзья собирались у него на чердаке, и в один вечер содержимое посылки исчезало.

Здесь, на чердаке, собирались не только для «пиров». Сюда приносили из подпольной типографии большевистские листовки, газеты и брошюры, а также революционную литературу, контрабандой привозимую из-за границы. И все это распространялось по районам столицы. Так маленькая комнатка студента-революционера превратилась в один из подпольных пунктов большевистской пропаганды.

Вскоре Куйбышев целиком погрузился в водоворот революционных событий. Занятия в Военно-медицинской академии пришлось совсем оставить. Как и в других учебных заведениях столицы, в академии в эти дни кипела борьба политических партий, в аудиториях шли горячие митинги, беспрерывно возникали студенческие стачки. И уж тесно становилось революционному студенчеству в академических стенах.

Еще в начале учебного года петербургский градоначальник Трепов, докладывая царю о студенческих «беспорядках», опасался, что скоро «под давлением революционеров, хозяйничающих в учебных заведениях, беспорядки из стен университета перейдут на улицу».

Опасения царского охранника оправдались. Уже в сентябре 1905 года студенты Военно-медицинской академии вышли на простор петербургских площадей и слились с мощным стачечным движением пролетариата. Широким, неудержимым потоком разлились демонстранты и стачечники по улицам столицы, наполняя их небывало смелыми, дерзкими речами. Запрещенные песни, распевавшиеся прежде лишь

тайком, вполголоса, теперь звучали повсюду, призывая к борьбе против царизма. Открыто и победно развевались красные знамена. Одна за другой затухали заводские печи. Одна за другой прекращали работу фабрики. Рабочие руки властно раскрывали фабричные и заводские ворота, новые людские массы со знаменами и песнями вливались в общий поток.

Вместе с рабочими и студентами шагал семнадцатилетний юноша с пышными прядями волос, выбивавшимися из-под студенческой фуражки, с лучистыми глазами, полными кипучей радости и неукротимого дерзания.

С каждым днем революционное движение усиливалось и распространялось по всей стране. Все чаще вспыхивали стачки.

По утрам в бессилии выли фабрично-заводские гудки, тщетно призывая людей на работу. На заборах беспомощно трепыхались приказы царских властей, которым уже никто не повиновался. Ширились крестьянские волнения. Во многих губерниях крестьяне поджигали помещичьи усадьбы. Происходили революционные выступления в армии и флоте.

В начале октября забастовали железнодорожники на Московско-Казанской дороге. Вскоре забастовка охватила все железные дороги в стране. К забастовавшим железнодорожникам присоединились рабочие фабрик и заводов, а также учащиеся, мелкие служащие, интеллигенция. Началась всероссийская политическая стачка. Рабочий класс под руководством большевиков возглавил борьбу народных масс против самодержавия.

Царские охранники тщетно пытались потушить всероссийский костер революции, ружейными залпами заглушить свободолюбивые песни и речи рабочих, стальными клинками шашек выбить топоры из крестьянских рук. Но уже не хватало для этого ни

ружейных патронов, ни полицейских шашек. И вот в середине октября 1905 года царизм почувствовал большую опасность. Всероссийская политическая стачка приостановила всю жизнь в империи, подорвала в корне царскую власть.

В смертельном страхе перед восставшим народом 17 октября царь издал манифест о гражданских свободах — о свободе совести, слова, собраний и союзов, о неприкосновенности личности. Но это было лишь обманом народных масс. Царский манифест был хитрой уловкой, попыткой усыпить и приглушить революционное сознание рабочих и крестьян.

Обман обнаружился скоро. Уже на второй день после опубликования манифеста казаки в Петербурге стреляли в рабочих Путиловского завода, карательные отряды полковника Мина расстреливали собравшихся на Гороховой улице, а отряды другого карателя — полковника Римана — обстреляли студентов. Так за дарованную царем «свободу собраний» народ заплатил своей кровью.

В эти бурные октябрьские дни в Петербурге рабочие решили создать свою массовую политическую организацию. 13 октября 1905 года они по всем районам собирались для выборов в Совет рабочих депутатов. Уполномоченные от забастовавших фабрик и заводов Выборгской стороны сошлись в Военно-медицинской академии — одном из излюбленных мест митингов питерских рабочих.

Огромный зал академии не вмещал всех собравшихся. Многоголосая толпа невнятно гудела. Среди массы людей сновали меньшевики, пытались захватить инициативу в свои руки и повести рабочих за собой. Но они всюду встречали отпор со стороны Куйбышева и других большевистских агитаторов. Председателем собрания, несмотря на меньшевистские происки, все же избрали большевика. Также ленинцами

оказалось большинство избранных в Совет рабочих депутатов от выборщиков.

Но меньшевики, захватив руководство в Совете, всячески стремились превратить его в мирный орган местного самоуправления.

Против такой тактики меньшевиков решительно боролся Петербургский комитет большевиков. Большевики считали, что Советы рабочих депутатов — это зачатки революционной власти, что Советы в ходе революции должны стать органами вооруженного восстания, органами диктатуры пролетариата и крестьянства.

Куйбышев активно участвовал в борьбе против соглашательской тактики меньшевиков. Валериан Владимирович не забыл предательской роли Троцкого, которую тот сыграл в Сибирском социал-демократическом союзе. Куйбышев, снова столкнувшись с подрывной работой Троцкого, решительно разоблачил его.

В ноябре 1905 года из-за границы возвратился В. И. Ленин. Скрываясь от царских охранников, Владимир Ильич стал непосредственно руководить подготовкой к вооруженному восстанию. Выполняя поручение Петербургского комитета партии, Куйбышев распространял по всем районам столицы ленинские статьи о значении Советов как органов вооруженного восстания, а также ленинские инструкции о практической подготовке к восстанию.

В. И. Ленин особое внимание обратил на вооружение боевых рабочих дружин. Теперь для них стали нужны не только листовки, но и бомбы, и винтовки, и револьверы. Надо было немедленно раздобыть оружие и снабдить им наиболее крупные центры, где готовилось восстание.

Петербургский комитет большевиков наладил получение оружия из Финляндии. Часть боеприпасов —

ящики с бомбами — тайком направляли на квартиру одного рабочего, жившего около Финляндского вокзала. Куйбышев приходил на эту квартиру, нагружал свои карманы бомбами, прятал их за пояс, на груди, наполнял ими свой большой портфель, упаковывал в свертки. Потом, сгибаясь под тяжестью ноши, выходил на улицу и осторожно, стараясь быть незамеченным агентами охраны, пробирался в центральный склад. Отсюда боеприпасы направлялись по всей стране, преимущественно в Москву, для вооружения московских дружинников.

Однажды вечером в ноябре 1905 года Куйбышев вместе с другим партийным работником — студенткой Агатой Яковлевой — пошел на квартиру рабочего за бомбами. Нагрузившись, они отправились на склад. Особенно тяжел был портфель Куйбышева. С трудом пробираясь по глухим переулкам, они вышли на большую улицу.

Вдруг они заметили, что сзади них не遠деке шагал полицейский. Желая проверить его намерения, они стали петлять по улицам и переулкам. Полицейский продолжал идти следом за ними.

— Кажется, не избежать ареста, — сказал Куйбышев.

Вдруг полицейский зашел в один из домов. Куйбышев и Яковлева подумали, что их пути случайно совпали до этого места. Оба облегченно вздохнули. Обрадованный Куйбышев, увидев проезжавшего мимо извозчика, задержал его и, назвав адрес склада, сел вместе с Яковлевой в пролетку и приказал везти.

Куйбышеву казалось, что опасность миновала, и он повеселел. Но спутница, наоборот, нахмурилась, помрачнела.

— Вы сознаете, что вы сделали? — возмущенно спросила она Куйбышева шепотом.

Тот посмотрел на нее недоумевающе.

— Ведь вы же провалили партийное дело! — гневно продолжала она упрекать Куйбышева. — Вы громко назвали адрес склада, а полицейский умышленно зашел в этот дом только для того, чтобы затушевать погоню за нами. Он все слышал. Теперь ему не надо даже гнаться за нами. Он знает, куда мы едем. Об этом немедленно будет сообщено по телефону в охранку, и провалимся не только мы, но и склад.

Куйбышев опять встревожился. Мнительность Яковлевой передалась и ему. Яковлева, как старшая, была для него авторитетом.

— Тогда вернемся ко мне на квартиру, — в смущении предложил он.

— Нет, этого нельзя сделать, — сурово проговорила Яковлева. — Раз складу угрожает провал, мы должны быть там и предупредить товарищей.

В тяжелом настроении они продолжали путь. Приехав на склад, Валериан Владимирович обрадовался, увидев, что заведующий складом жив и невредим. Они рассказали ему о случившемся. Он рассмеялся, находя их тревогу совершенно неосновательной. Это успокоило Куйбышева. Но когда они возвращались, Яковлева опять своей мнительностью растревожила его.

— Я убеждена, — уверяла она, — что ночью на склад нагрянут, заведующего заберут, а потом и нас арестуют.

Придя к себе на квартиру, Валериан Владимирович всю ночь до рассвета волновался и не мог заснуть. А ранним утром к нему зашла пожилая женщина — опытная подпольщица, ведавшая в партийном комитете транспортом и хранением оружия. Все еще беспокоясь, Валериан Владимирович рассказал ей о происшедшем, но она рассмеялась — такими неосновательными показались ей все его опасения.

Куйбышев же по-прежнему был встревожен и огорчен. Тогда женщина стала подробно расспрашивать:

— А не помните ли вы, дверь за околоточным закрылась до того, как вы назвали адрес?

В ответ Куйбышев радостно воскликнул:

— Да, именно так и было!

Он понял, что полицейский действительно не мог расслышать адреса, что все тревоги были напрасны.

Впоследствии, вспоминая этот случай, Валериан Владимирович говорил:

— Вскоре совершенно помимо моей воли и желания мне довелось «отомстить» моему товарищу Агате Яковлевой за пережитую тревожную ночь.

Как-то вечером Яковлева пришла к Куйбышеву в его отсутствие. Хозяйка квартиры, сердитая финка, неохотно впустила ее. Прошло много времени, а Валериан Владимирович все еще не возвращался.

Тогда хозяйка, собираясь спать, стала настаивать, чтобы Яковлева ушла. Та не соглашалась. Финка продолжала требовать и кричать, а затем выбежала на улицу. Из ее угрожающей речи на ломаном русском языке Яковлева уловила лишь слово «полиция». Это ее испугало: она знала, что в комнате Валериана хранилось много подпольной литературы, и появление полиции было опасно вдвойне.

Яковлева поспешно вышла из квартиры и вдруг увидела поднимавшегося по лестнице полицейского, а за ним финку.

Тревога девушки усилилась. Она прижалась в темном углу на лестничной площадке, пропустила их, а затем выбежала на улицу и встала в воротах соседнего дома, поджидая Валериана Владимировича, чтобы предупредить его об опасности.

Как только он появился, Яковлева порывисто бросилась к нему.

— Наконец-то! — облегченно воскликнула она. — Идите отсюда немедленно!

— В чем дело? — удивился Валериан Владимирович.

— Потом расскажу... А пока идемте... скорее!

Они поспешно пошли по темной улице, вскочили на проезжавшую мимо пролетку извозчика. Только тут Яковлева объяснила ему, что случилось.

Валериан Владимирович понял, от какой опасности она его избавила: ведь, кроме нелегальной литературы в комнате, с ним в портфеле было шесть револьверов! Но еще больше он обеспокоился за своих товарищей — представителей всех районов столицы, которые завтра утром должны были прийти к нему за литературой.

— Надо их предупредить, — решил Валериан Владимирович. — Хорошо, что я знаю их адреса.

Меняя из предосторожности извозчиков, Куйбышев и Яковлева стали объезжать все районы. Всю ночь они разъезжали по городу, а когда израсходовали деньги, им пришлось обходить остальных товарищей пешком. Лишь утром они расстались. Валериан Владимирович так устал после бессонной, тревожной ночи, что решил возвратиться к себе на квартиру, несмотря на то, что там он мог нарваться на полицейскую засаду. Портфель с револьверами он передал Яковлевой, чтобы в случае обыска оружие не попало в руки полиции.

Расставшись, они условились, что если Валериан Владимирович не будет арестован, то на другой день он навестит ее; если же не явится, то, значит, его арестовали, и тогда Яковлева должна прийти к нему в тюрьму на свидание.

К великой радости Валериана Владимировича, у него в квартире не было ни полицейской засады, ни следов обыска. Успокоенный, он от усталости тотчас же повалился на кровать и крепко заснул. Лишь вечером проснулся и стал расспрашивать квартирную хозяйку. Та рассказала о том, как в его комнату зашла незнакомая ей девушка, как пришлось идти за полицейским, чтобы с его помощью удалить из квартиры незнакомку, но полицейский отказался.

— А когда я возвратилась в квартиру, — закончила свой рассказ хозяйка, — девушки не было уже. Я так перепугалась: ведь она могла обворовать квартиру...

— Но вы же шли, поднимались вместе с полицейским! — воскликнул Куйбышев.

Она удивленно посмотрела на него.

— Да, я шла за ним по лестнице и все убеждала его войти в мою квартиру, чтобы выставить эту подозрительную девушку. Но он спокойно шел к себе домой: ведь он живет двумя этажами выше над нами. Зайти ко мне он отказался.

Занятый разными делами, Куйбышев забыл о договоренности с Яковлевой и лишь через десять дней отправился к ней. Когда Яковлева встретила его, он не узнал ее: так она изменилась за это время. На ее исхудавшем, побледневшем лице были следы тяжелых тревог, щеки впали, глаза ввалились.

— Кто вас освободил? — изумленно спросила она.

— Никто. Ведь я и не был арестован, — спокойно ответил Валериан Владимирович и рассказал все.

Яковлева сначала обрадовалась, а потом возмутилась:

— Я все это время ходила по тюрьмам, всюду справлялась о вас. А вы и глаз не кажете! Сегодня решила уже идти в жандармское управление узнать о вашей судьбе...

О революционной деятельности Куйбышева стало известно администрации Военно-медицинской академии. Было решено освободиться от нежелательного студента, поведение которого признали «неблагонадежным».

Вскоре случай представился. В академии вспыхнула очередная забастовка, и Куйбышев как один из наиболее активных участников ее был исключен.

С этого времени он становится профессиональным революционером. Начался новый период в его жизни,

полный борьбы и непрерывных гонений.

В БОЛЬШЕВИСТСКОМ ПОДПОЛЬЕ

В одной из анкет, заполненных Куйбышевым, в графе «Когда и каким преследованиям подвергались за политическую деятельность» записано: «Арестовывался 8 раз (в Омске, Томске, Петрограде, Самаре), начиная с 1906 года по 1916 год. Три раза судился. Был в четырех ссылках (Каинск Томской губернии, Нарым, Иркутская губерния, Туруханск)».

Все это пришлось Куйбышеву пережить за время между двумя революциями — первой русской революцией 1905–1907 годов и Великой Октябрьской социалистической революцией. Двенадцать лет царская охранка держала молодого большевика под своим неослабным наблюдением. Жандармерия гонялась по следам неутомимого революционера, много раз арестовывала его, бросала в тюрьмы и казематы, перегоняла по каторжным этапам, ссылала в самые отдаленные, дикие места Сибири. Но ничто не могло сломить волю стойкого борца за народную свободу и счастье.

После исключения из Военно-медицинской академии Куйбышеву приходилось быть настороже, так как шпики начали следить за ним. Он уже не раз замечал и узнавал охранников по их подчеркнuto беспечной походке и нарочито развязным жестам, по их помятым лицам с выражением утомления и скуки в неприятно пристальных глазах. Иногда эти глаза останавливались на нем, буравя его пронзительным взглядом.

Однажды во время своего выступления на солдатском митинге Куйбышев заметил юнкера, лицо которого показалось ему знакомым. Вспоминая, он

признал в нем Ребровцева, своего врага по кадетскому корпусу, ярого черносотенца и доносчика.

Куйбышев насторожился. После митинга он попытался незаметно скрыться, но, идя по улице, заметил, что Ребровцев преследует его. Поравнявшись с постовым городовым, юнкер подошел к нему и что-то сказал. Куйбышеву стало очевидно, что его хотят задержать. Тогда он быстро свернул на другую улицу, затем проходным двором прошел на третью, вскочил в проезжавшую мимо пролетку извозчика и уехал. Чтобы совсем запутать следы, он несколько раз менял извозчиков и в конце концов приехал на вокзал. Куйбышев решил уехать из Петербурга.

Домой на квартиру возвращаться было нельзя: могли арестовать. Да и незачем: все его имущество состояло из одеяла и подушки — потеря невелика.

«Вот только надо предупредить с дороги товарищей о своем выезде», — думал Валериан Владимирович, подходя к кассе.

Он купил железнодорожный билет и в тот же день выехал в Омск.

В Омск Куйбышев приехал в начале 1906 года под фамилией «Касаткин». И Куйбышеву не только пришлось сменить фамилию. Как революционер-подпольщик, он не мог открыто общаться с родными и друзьями, обрекал себя на нужду, на преследования и постоянную опасность ареста.

Осенью 1905 года из омской партийной организации выбыло несколько наиболее опытных большевиков. Воспользовавшись этим, меньшевики вскоре захватили в свои руки всю пропагандистскую работу, а в конце 1905 года и руководство Омским комитетом РСДРП. Лишь среди железнодорожников сохранилось влияние большевиков.

Нужно было восстановить большевистское руководство в партийной организации. За решение этой

неотложной задачи взялся Куйбышев вместе с другими большевиками Омска. Закаленный в борьбе петербургского пролетариата, Валериан Владимирович имел теперь опыт подпольной работы. Вот почему, несмотря на юный возраст Куйбышева, его по настоянию партийных низов ввели в состав Омского комитета РСДРП и поручили общее руководство пропагандистской работой по всему степному краю Сибири.

Влияние меньшевиков в омской партийной организации пошло на убыль и настолько быстро, что к августу 1906 года в Омском комитете РСДРП не осталось ни одного соглашателя. Благодаря бдительности Куйбышева была сорвана маска с Бурдина — руководителя меньшевистской газеты в Омске. Этот Бурдин («Матушевский») скрыл, что он был секретарем Гапона и вместе с ним в 1905 году проводил провокаторскую политику в Петербурге.

Теперь все чаще и шире стали распространяться листовки Омского комитета РСДРП. Астором многих из них был сам Куйбышев. Листовки призывали рабочих к продолжению борьбы.

С большим искусством Куйбышев вел и устную агитацию. Он организовывал и проводил массовки. Чаще всего собирались в рощах, окружавших город. Туда тайком после работы пробирались люди в промасленных блузах, с еще неотмытой грязью и краской на руках. Шли осторожно, обходили подозрительные места, избегали сомнительных встреч. В рощах поджидали рабочие патрули и провожали подпольщиков до места массовок.

Иногда Куйбышеву удавалось организовывать открытые митинги на предприятиях. Особенно многолюдными были собрания железнодорожников депо станции Омск. На них присутствовало до полутора тысяч рабочих. Выступая на массовках и митингах, Куйбышев призывал к борьбе с кровавым царизмом, говорил о

неотложных нуждах рабочих, о необходимости немедленного введения восьмичасового рабочего дня, о повышении заработной платы. Агитационно-пропагандистской работе среди железнодорожников Валериан Владимирович уделял особое внимание: железнодорожники были основным пролетарским костяком в Омске.

Летом 1906 года Куйбышев руководил массовыми забастовками железнодорожников, рабочих столярных мастерских и приказчиков, а в сентябре — десятидневной всеобщей забастовкой торгово-промышленных служащих Омска. Все эти забастовки заканчивались большими победами: значительная часть требований стачечников удовлетворялась.

Стремясь к еще большему сплочению рабочих масс, Куйбышев тогда же помог организовать профессиональные союзы железнодорожников, водников, типографских рабочих, кузнецов, сапожников, портных, столяров, булочников и кондитеров, колбасников, торгово-промышленных служащих.

Популярность Куйбышева-Касаткина ширилась среди рабочих. Многие из них знали и помнили его по прежней работе, когда он учился в Омском кадетском корпусе. Но теперь его еще более полюбили и оценили, еще более стали доверять ему. Куйбышев повзрослел, казался старше своих лет: в глазах появилась строгость, очертания рта посуровели. Он был желанным гостем, участником рабочих собраний и кружков, лично вел занятия в отдельных рабочих кружках.

В заброшенном подвале заводского помещения на берегу Иртыша собрался кружок рабочих лесопильного завода. Сквозь грязные окна с трудом проникал свет. Сыро и мрачно в подвале. Среди рабочих еле различимо выделялась плотная, крупная фигура Куйбышева. Вокруг него тесной кучкой сгрудились рабочие и затаив

дыхание внимательно слушали его. Он говорил о произволе и насилии царской власти, об исторической неизбежности падения царского самодержавия, о задачах борьбы с царизмом и буржуазией.

А расставаясь с рабочими, он роздал им запрещенные книжки и каждому сказал:

— Прочитаешь — передай другому. Только осторожно. А если что не поймешь, что неясно покажется — спроси в следующий раз. Объясню...

Большую работу проводил Куйбышев и среди молодежи. Он организовал клуб учащихся. Здесь доклады и диспуты по вопросам политики, искусства и литературы сочетались с вечерами художественной самодеятельности и даже с танцевальными вечеринками. Эти вечеринки, привлекая молодежь, вместе с тем были удобной ширмой для ведения пропаганды, не вызывая подозрения у полиции.

На эти вечеринки сходились молодые работницы и гимназистки, заводские подмастерья и семинаристы, продавщицы из магазинов и воспитанники реального училища. Многие из них не знали Куйбышева, но он сразу обращал на себя внимание. Бросалась в глаза его высокая стройная фигура в студенческой форме. И по тому, как любовно и почтительно относились к нему окружающие, как около него толпилась молодежь, с которой он дружески шутил, смеялся, беседовал, видно было, что он здесь признанный вожак, любимец молодежи.

— Кто это? — спрашивали незнакомые.

— Касаткин... Валериан...

Новички удивлялись на первых порах и тому, что на этих танцевальных вечеринках не слышно было пустой болтовни, а велись серьезные разговоры о политических событиях, о выборах в Государственную думу, о рабочих забастовках...

Иногда, заметив незнакомую девушку, растерявшуюся в необычной обстановке, Куйбышев подходил к ней, приглашал танцевать и во время вальса знакомился с ней, расспрашивал, какие книги она читала, чем интересуется, а потом начинал сам говорить. Говорил он о литературе, о Чехове и Горьком, упоминал названия интересных и полезных книг.

— Обязательно прочтите, — рекомендовал он, усаживая девушку после танца.

А она при следующей встрече с Куйбышевым на такой же вечеринке сама начинала беседу о прочитанном. Поддерживая разговор, Валериан Владимирович переводил его на другие темы: о недостатках школьного образования, о тяжелом положении рабочих, о злоупотреблениях царских чиновников. И так, расширяя постепенно круг вопросов, он незаметно подводил к более острым, политическим темам. Таким образом, на этих вечеринках шла вербовка в политические кружки молодежи.

Как краевому пропагандисту, Куйбышеву приходилось разъезжать по другим городам и рабочим поселкам. Часто бывал он в Каинске, Барабинске, Петропавловске и Кургане, где его знали под фамилией то Касаткина, то Кукушкина.

Всюду он резко выступал против меньшевиков, организовывал подпольные кружки, восстанавливал рабочие организации, разгромленные карательными отрядами генерала Меллер-Закомельского, проводил политические массовки, разъяснял большевистскую программу революционных действий, готовил и поднимал людей на борьбу.

В результате этого местные партийные организации значительно выросли и окрепли. Так, в Петропавловске в партийной организации было около ста пятидесяти членов, работавших под руководством выбранной группы в пять человек. Организация имела два

постоянных подпольных кружка, созданных рабочим-большевиком И. С. Ружейниковым. Это был один из тех омских рабочих-передовиков, которых Куйбышев подготовил для пропагандистской работы и затем направил в помощь местным партийным организациям.

Куйбышев нередко бывал и в частях местного гарнизона. Ему удалось провести несколько собраний в казармах сибирского полка. Была установлена связь с семипалатинским полком, с саперами и даже с казаками. По воинским казармам распространялись листовки.

Велась также большевистская агитация и среди воинских частей, проезжавших по сибирской магистрали.

В то время после русско-японской войны спешно перебрасывались с Дальнего Востока войска для подавления революционного движения в центре России.

— Надо затормозить продвижение этих войск, — говорил Куйбышев на массовке рабочих железнодорожного депо в Петропавловске. — Там, в России, готовится вооруженное восстание рабочих, и мы должны им помочь. А для этого необходимо расстроить работу железных дорог.

Забастовка железнодорожников была проведена дружно. Она помешала отправить карательные отряды.

В другой раз в Петропавловске ожидался эшелон с политическими заключенными. Их везли в самые отдаленные места Сибири, на каторгу и в ссылку. Омский комитет РСДРП поручил Куйбышеву организовать встречу эшелона. Валериан Владимирович собрал рабочий актив и предложил провести демонстрацию политического протеста, а также выделить из профсоюзной кассы деньги на продукты и подарки для политических заключенных. Рабочие охотно согласились.

— Да не забудьте приготовить и захватить букеты цветов, — добавил Куйбышев, когда рабочие стали расходиться. — Встретим товарищей с цветами.

О принятом решении оповестили всех рабочих-железнодорожников.

И вот, когда стало известно о приближении эшелона, железнодорожники побросали работу. Каждый из них поспешил навстречу поезду с маленьким свертком и цветами в руках. Железнодорожники вплотную подступили к вагонам с решетчатыми окнами и, несмотря на угрозы охранников, бросали заключенным свертки с подарками и букеты цветов.

— Спасибо вам, товарищи! — кричали им в ответ растроганные до слез заключенные. — Спасибо за цветы!

Вдруг предостерегающе прозвучало:

— Казаки!

Действительно, к станции неслись разъяренные казаки.

Но это было предусмотрено организаторами демонстрации. Эшелон с заключенными был поставлен между двумя паровозами. И когда казаки приблизились, паровозные клапаны были открыты, из них с оглушительным шумом и свистом вырвались клубы пара, отделив рабочих от казаков непроницаемой завесой.

Казаки от неожиданности растерялись, а демонстранты тем временем скрылись.

В. В. Куйбышев (1906 г).

«Переноска оружия В. В. Куйбышевым в 1905 году».

С картины художника Стреблова.

НА СУДЕ

Царская охранка была взбешена дерзким выступлением рабочих. Она дозналась, кто был инициатором и организатором демонстрации, и усилила наблюдение за Куйбышевым. Вскоре шпики напали на след Валериана Владимировича. Подготавливался его арест.

В это время Куйбышев разъезжал по партийным организациям: нужно было провести выборы делегатов на Западносибирскую конференцию социал-демократических организаций. В Омске, Кургане, Петропавловске, Челябинске, Барнауле, Ново-Николаевске, Тобольске и Каинске — повсюду были избраны большевики: среди двадцати пяти делегатов не оказалось ни одного меньшевика.

На конференции, состоявшейся в сентябре 1906 года, резко критиковалась работа IV (Объединительного) съезда РСДРП, принявшего меньшевистские решения, а также соглашательская тактика меньшевистского Центрального комитета, избранного этим съездом. В специальной резолюции Западносибирская конференция признала «тактику ЦК оппортунистической, резко расходящейся с явно выраженной волей большинства партии и даже с резолюциями Объединительного съезда, почему и выражает Центральному комитету свое недоверие».

Эта резолюция Западносибирской конференции, как и другие ее постановления, оказала большое влияние на позицию всей сибирской социал-демократической организации перед V съездом партии в Лондоне. Решения Западносибирской конференции, по существу, легли в основу проектов резолюций, подготовленных бюро Сибирского социал-демократического союза к

предстоящей Сибирской партийной конференции. Проекты этих резолюций были разосланы всем комитетам сибирской организации РСДРП для предварительного их обсуждения на местных конференциях.

20 ноября 1906 года в Омске собралась городская партийная конференция. Она созывалась с большими предосторожностями. На нее посылали наиболее надежных, проверенных товарищей. Никаких мандатов не выдавали. Участники конференции, за исключением ее организаторов, точно не знали, где именно она соберется. Им была указана лишь улица на окраине города. Скрытно, тайком они шли туда, где их встречали партийные патрули и провожали до небольшого деревянного дома — места конференции.

Дом находился на Скаковой улице и снимался на средства партийной организации семинаристом Алексеем Петровичем Молодовым, большевиком. Сам он занимал одну маленькую комнату, а остальные были в распоряжении организации.

Конференцией руководили большевик Константин Андреевич Попов и известный профессиональный революционер-большевик Виргилий Леонович Шанцер (партийная кличка «Марат»). С весны 1906 года Шанцер отбывал ссылку в Енисейской губернии, но в октябре бежал оттуда и временно поселился в Омске. Здесь, скрываясь, он выдавал себя за портного Абрамовича.

Собрались в самой большой комнате. Явилось тридцать восемь делегатов, из них лишь четыре меньшевика.

Внешнюю охрану поручили трем участникам конференции. Одного из них звали «Курилкой». Кличка очень подходила к нему. Это был маленький, подвижной, юркий рабочий-пекарь, заядлый курильщик, не выпускавший изо рта козью ножку. И когда он встречался, его обычно приветствовали шуткой:

— Жив, Курилка!..

Конференция началась. По первому, наиболее важному вопросу о всероссийском «рабочем съезде» докладчиком выступил Куйбышев. На созыве этого съезда настаивали меньшевики. Куйбышев дал развернутую критику меньшевистской идеи о «рабочем съезде», которым ликвидаторы-меньшевики хотели подменить партию. В резолюции, предложенной Куйбышевым, говорилось, что для пересмотра программных вопросов и выработки тактических директив партия должна созвать не «рабочий съезд», а партийный.

Однако ни эта резолюция, ни другие на конференции не были обсуждены и не были приняты.

Кроме Куйбышева, на конференции никто не успел высказаться. Только что он закончил доклад и начал говорить второй оратор, как вбежал перепуганный Курилка с криком:

— Полиция! Казаки! Мы окружены!

Вслед за Курилкой в дом ворвались полицейские во главе с исправником и приставом. Потрясая револьвером, пристав орал:

— Руки вверх! Стрелять будем!

За спиной тех товарищей, которые стояли впереди с поднятыми руками, остальные поспешно уничтожали партийные документы и бумаги. Однако не удалось уничтожить все: после того как арестованных увели из комнаты, полиция обнаружила и захватила один экземпляр проекта резолюции конференции, а также несколько прокламаций и печать Омского комитета РСДРП.

Арестованных заставили выйти из дому с поднятыми руками. На улице их оцепил большой отряд казаков и повел в полицейский участок. Всех их — тридцать восемь человек, в том числе трех женщин: Прасковью

Долгушину, Анну Судакову и Либу Яцину — поместили в небольшой камере. Было нестерпимо душно.

— Выбить стекла! — предложил кто-то.

Куйбышев, находившийся ближе всех к окну, вышиб стекло. Холодный воздух освежил заключенных. Дышать стало легче.

— Петь! Петь! Запоем, товарищи! — слышалось в камере.

В ответ одна из женщин запела грудным контральто:

*Сижу за решеткой в темнице сырой...
Вскормленный на воле орел молодой, —*

дружно подхватили мужские голоса.

Через три часа арестованных под усиленным конвоем перевели в городскую тюрьму. Здесь мужчин поместили в общей камере, а женщин — в особом женском отделении.

Тюрьма была старая, затхлая. Спертый воздух, протекавшие потолки, отсыревшие стены — все это вредно отражалось на здоровье заключенных.

Желая еще более ухудшить их жизнь, тюремное начальство решило ввести особо строгий режим. Поводом к этому послужил побег из тюрьмы двух заключенных.

В установленные дни родным и знакомым арестованных разрешалось приходить на свидание в общую камеру, где помещались заключенные. Этим воспользовались Куйбышев и его партийные друзья. Они организовали побег двух товарищей, арестованных во время избирательной кампании в Государственную думу. Их переодели в платье пришедших на свидание, и они беспрепятственно ушли из тюрьмы, а гости остались. Потом их, разумеется, выпустили из камеры, освободили.

В наказание за организацию побега начальник тюрьмы решил подвергнуть заключенных строгой изоляции. Свидания с родными и знакомыми в общей камере были запрещены. Разрешалось встречаться в особом, неотапливаемом помещении и разговаривать лишь через решетку в присутствии надзирателя. Ежедневно с пяти часов дня до восьми часов утра камеру запирали на замок, и заключенные не могли выходить из нее. В продолжение многих часов вонючая параша отравляла воздух.

Все это еще более подтачивало здоровье арестованных. В январе 1907 года даже тюремный врач должен был отметить, что в общей камере из тридцати пяти заключенных восемнадцать тяжело больны. Особенно опасно заболел Николай Савельевич Бутаков. Острый суставной ревматизм и порок сердца смертельно угрожали ему. Обеспокоенные этим, товарищи просили освободить Бутакова на поруки, но начальник тюрьмы отказал им в этой просьбе.

Возмущенные такой жестокостью тюремщика, заключенные 2 февраля обратились к прокурору с требованием немедленно освободить больного Бутакова на поруки, разрешить личные свидания с родными и знакомыми в теплом помещении, убрать из камеры парашу, а камеру ежедневно открывать после поверки.

Так как прокурор не отозвался на это обращение, то заключенные 4 февраля объявили голодовку. Она встревожила тюремщиков. Пришлось удовлетворить требования заключенных. Их перевели в другую тюрьму. Вновь были разрешены свидания без решеток.

В тюрьме Куйбышев еще более сблизился и подружился со многими товарищами по большевистскому подполью. Они уважали его, доверяли ему, избрали своим старостой. Валериан Владимирович вел переговоры с тюремным начальством, умело, с

большим тактом и успехом защищал интересы своих товарищей.

Большую нравственную поддержку находили в нем молодые заключенные, еще не успевшие закалиться в борьбе. Своим чутким вниманием, дружеским советом и веселой шуткой Куйбышев ободрял их.

Как-то он заметил, что Молодое, также заключенный в тюрьму, чем-то обеспокоен, сильно нервничает.

— Что ты дрожишь? — участливо спросил его Куйбышев. — Боишься?

— Нет, так... какая-то нервная дрожь...

— Не падай духом! Нас много. Не пропадем!..

Помогая менее опытным и не вполне устойчивым товарищам, Куйбышев сам учился у других, старших партийцев с большим революционным опытом. Таким для него был В. Л. Шанцер (Марат).

Вместе с ним Куйбышев вел ожесточенные споры с меньшевиками, сидевшими в общей камере. В этих спорах Валериан Владимирович был непримирим и настойчив, превосходя своих противников не только силой убеждения, но и неотразимой логикой.

Находясь в тюрьме, заключенные наладили связь с партийной организацией и принимали активное участие в политической жизни. Куйбышев получал с воли записки в хлебе. В них сообщались новости. В свою очередь, и он посылал записки, помещая их под этикетки бутылок, в которых приносили заключенным молоко.

Эти связи с партийной организацией были настолько тесны, что однажды в камере для свиданий было устроено совместное «заседание» двух составов Омского партийного комитета: прежнего, арестованного, и нового. На этом объединенном «заседании» делегатами на V съезд партии избрали Абрамовича и Попова: заключенные рассчитывали, что и тот и другой вскоре будут на свободе.

Куйбышев поддерживал связь и со своими родными.

Узнав об аресте Куйбышева, его отец обратился по телеграфу к омскому прокурору с просьбой выслать сына к нему на поруки. Прокурор на телеграмме Владимира Яковлевича наложил резолюцию: «Сын арестован по политическому делу, освобождению не подлежит».

Валериана Владимировича часто посещали его младшие сестры, обучавшиеся в то время в Омской женской гимназии. Приход сестер очень радовал его. Он шутил с ними, был весел. Но сестры, наоборот, были печальны. Их удручала тюремная обстановка, им жаль было своего брата. Куйбышев пытался успокоить сестер, уверял, что жить можно и в тюрьме, что он не раскаивается, что впереди у него опять свобода и любимая работа. Но все было напрасно. И глубоко огорченные девочки в слезах расставались с братом.

Однажды, возвратившись из тюрьмы, под влиянием тяжелых впечатлений, сестры сочинили грустное стихотворение об узнике и при следующем свидании показали Валериану Владимировичу. Он прочел, нахмурился, затем перечеркнул стихи и, подумав, что-то сверху написал.

— Вы не сердитесь... Ваши стихи плохие, — промолвил он с доброй усмешкой, возвращая листок.

А сестры, сконфуженные, заглянули в листок и прочли написанное братом:

«Безумству храбрых поем мы славу!»

Потом сестры узнали, что эти слова Валериан Владимирович выписал из «Песни о Соколе» М. Горького. Они разыскали эту «Песню», прочли и были взволнованы яркостью образов и страстным призывом к борьбе. Девочкам стало после этого легче, и они уже не так страдали за брата, гордясь его мужеством и стойкостью.

Как-то во время свидания Валериан Владимирович сообщил сестрам, что его скоро будет судить военно-

окружной суд, и просил послать телеграмму родителям.

— Может быть, папа приедет, — пояснил он.

Сестры очень встревожились и долго советовались, как составить телеграмму. Наконец написали:

«Валериан арестован и предан военно-полевому суду».

По неопытности они перепутали и вместо «военно-окружному» написали «военно-полевому». А в этом была существенная разница. Военно-полевой суд мог приговорить к смертной казни.

Получив такую телеграмму, родители Куйбышева были убиты горем. Желая хотя бы проститься с сыном перед казнью, Владимир Яковлевич тотчас же выехал в Омск. В то время он служил в Кузнецке воинским начальником. Кузнецк еще не был соединен железнодорожной линией с сибирской магистралью, и потому пришлось ехать на лошадях. Спеша к сыну, Владимир Яковлевич безостановочно мчался, меняя лошадей на почтовых станциях.

Добравшись до Омска, он, никуда не заезжая, подъехал прямо к тюрьме. На счастье, это был день, установленный для свидания с заключенными, и Владимир Яковлевич получил разрешение на встречу с сыном. Отец облегченно вздохнул: значит, Валериан еще жив.

В ожидании сына Владимир Яковлевич стал приглядываться и прислушиваться. В камере для свидания было людно. Привели многих заключенных, и они оживленно беседовали со своими родственниками и знакомыми. Все было сравнительно спокойно, ничто не напоминало ни о предстоявших казнях, ни о смерти.

Волнуясь, Владимир Яковлевич спросил одного из заключенных:

— Вы знаете Куйбышева?

— Ну, как же не знать! Мы с ним по одному делу.

— Да как же так? Вы так спокойны... — уже совсем растерявшись и недоумевая, промолвил Владимир Яковлевич.

Заключенный рабочий Шапошников был веселого нрава. Он шутливо ответил:

— Да так и живем, хлеб жуем.

— Но ведь вы преданы военно-полевому суду? — продолжал недоумевать Владимир Яковлевич.

Шапошников рассмеялся:

— Нет, батя, нас будет судить военно-окружной.

— Так, значит, вам смерть не угрожает?

— Да что вы, батя! Смерть! Какая там смерть! Мы будем жить долго и доживем еще до победы...

Только теперь Владимир Яковлевич понял, что девочки напутали в телеграмме, и был безмерно рад и счастлив.

В это время Валериану Владимировичу сообщили о приезде отца. С тяжелым чувством сын шел на свидание с ним.

«Вот начнутся упреки, слезы, уговаривания», — сокрушался про себя Валериан Владимирович.

Хмурый, настороженный, он вошел в камеру для свидания и вдруг увидел своего отца — не сердитого и строгого, а, наоборот, необычайно веселого и оживленного. Заметив сына, Владимир Яковлевич бросился к нему, крепко обнял и расцеловал его. Затем стал внимательно осматривать, как бы не веря своим глазам, что сын жив.

Теперь пришлось Валериану Владимировичу недоумевать:

— Папа, в чем дело? Чему вы так рады?

Владимир Яковлевич рассказал ему историю с телеграммой. И уже оба они теперь разразились счастливым смехом.

— Ошибка сестер, — вспоминал впоследствии Валериан Владимирович, — сослужила очень хорошую

службу в том отношении, что примирила моего отца с выбранным мною путем...

Свидания, хотя и редкие, в неделю раз, радовали заключенных. Они смягчали горечь тюремного режима. Особенно тяжел он был для восемнадцатилетнего Куйбышева с его неугомонным характером, с его тягой к жизни и борьбе. Томительно текли долгие дни и ночи в ожидании суда. О многом-многом передумал Валериан Владимирович за это время.

В ожидании судебного процесса заключенные обсуждали вопрос о том, как вести себя на допросах у следователей.

— Надо твердо заявить следователям, что мы представителям царского суда никаких показаний давать не желаем и не будем, — сказал Куйбышев.

С ним все согласились. Но возникли разногласия и споры, когда заговорили о тактике поведения на суде.

— Войдем в зал суда с пением «Марсельезы». За это нас удалят из зала, отправят в тюрьму. Ну и пусть судят в нашем отсутствии, — предложил Куйбышев.

Его поддержали другие, горячие спорщики из молодых.

Против решительно выступил Абрамович (Шанцер):

— Нельзя быть легкомысленным. Ведь нас обвиняют по сто двадцать шестой статье уголовного уложения. А это угрожает нам каторгой. Надо использовать все ошибки, допущенные властями во время нашего ареста и следствия. Необходимо быть на суде и постараться скомпрометировать полицию и вообще обвинителей.

После долгих споров все согласились с Абрамовичем. Согласились также и с тем, чтобы не приглашать адвокатов со стороны, а защиту поручить Абрамовичу, в прошлом занимавшемуся адвокатурой, и другому обвиняемому, К. А. Попову, по профессии тоже юристу. Лишь для шестнадцатилетнего Айзина, меньшевика, был приглашен защитник: по тогдашним судебным правилам

вопрос о защите несовершеннолетних решали их родители.

Обвиняемые намеревались использовать ошибку властей. Она заключалась в том, что обыск в помещении конференции полиция произвела в отсутствие арестованных и, следовательно, протокол и материалы обыска могли быть поставлены под сомнение. А так как арестованные во время следствия упорно и дружно отказались дать какие бы то ни было показания, то единственным материалом для обвинения служили сомнительные показания «свидетелей» — полицейских, участвовавших в обыске и аресте.

Наконец настал день суда. Обвиняемых ввели в зал судебного заседания. Торжественная и вместе с тем зловещая обстановка. Почти во всю ширину зала вытянулся огромный стол, покрытый зеленым сукном. Над столом большой портрет царя Николая II в золоченой раме. Сбоку за прокурорским столиком восседал бравый полковник.

Вскоре судебный пристав провозгласил:

— Суд идет!

Из дверей показались военные. И среди них председатель суда — генерал.

После допроса обвиняемых начался допрос свидетелей. Первым допрашивался исправник, руководивший арестом и обыском. Он бойко, молодцевато, по-военному отвечал на вопросы председателя.

Но вот со скамьи подсудимых поднялся Попов и спросил «свидетеля»:

— Скажите, господин исправник, на каком основании вы нас арестовали, тогда как мы находились в черте города и, следовательно, были подвластны или жандармским властям, или полицмейстеру города?

Исправник не захотел отвечать на дерзкий вопрос подсудимого.

Вдруг неожиданно не только для исправника, но и для подсудимых председатель суда строго потребовал:

— Нет уж, будьте добры ответить подсудимому.

Исправник смутился и стал, запинаясь, лепетать:

— Знаете ли, мы с Иваном Ивановичем, с полицмейстером, большие приятели. Иной раз он помогает мне, а иногда я оказываю ему услуги.

На скамьях подсудимых весело смеются. И уж по всему залу прокатился хохот, когда председатель суда ворчливо, иронически заметил:

— Ну, знаете, дружба дружбой, а служба службой...

В действительности же было так. Исправнику донесли, что в квартире Молодова собралась боевая дружина. Желая отличиться, исправник решил сам арестовать «боевиков». Но произошло недоразумение: никаких боевиков не оказалось. При обыске арестованных лишь у одного обнаружили... перочинный нож.

Осмеянный исправник виновато сел на место, а обвиняемые приободрились: они почувствовали, что судьи чем-то недовольны и настроены против полицейских.

В этом они убедились, когда начался допрос второго «свидетеля» — пристава. Это был тупой служака, которого можно было легко разоблачить. Подсудимый Попов стал его забрасывать вопросами:

— Это вы обыскивали комнату Молодова?

— Да, я.

— Там был сундук с вещами?

— Да, был.

— А в сундуке были брюки и в них кошелек с десятью рублями?

— Да, были.

— Куда же исчезли эти десять рублей? Ведь подсудимый Молодов их не получил обратно.

— А я их передал его высокородию, господину полицмейстеру, который вскоре прибыл на место ареста и обыска.

Вызвали полицмейстера. Он, как и исправник, сначала также не желал отвечать на вопросы подсудимого. Но потом, по предложению председателя суда, вынужден был признаться:

— Да, эти деньги мне были переданы. Но кому я их потом отдал — не помню.

— Прошу суд, — заявил подсудимый Попов, — занести в протокол, что деньги переходили из кармана в карман и в чьем-то кармане застряли.

Подсудимые хохочут. Усмехаются конвойные. Даже судьи прикрывают рот, чтобы скрыть улыбку. Они тихо совещаются между собою, и затем председатель объявляет:

— Просьбу подсудимого в такой форме суд считает невозможным удовлетворить. Но признает нужным записать в протоколе, что деньги не были возвращены подсудимому Молодову.

Вдруг поднялся прокурор. Подсудимые насторожились, ожидая от него какой-нибудь каверзы.

А прокурор, обратившись к судьям, сказал:

— И я прошу занести в протокол, что брюки также пропали.

В зале смех еще более усилился. А полицмейстер, сгорая от стыда, прошмыгнул к исправнику и приставу. Все они сидели пристыженные, уличенные в воровстве.

Выступление прокурора еще более удивило обвиняемых. Им казалось, что суд почему-то желает их оправдать. Это стало очевидно, когда эксперты начали давать показания о поправках, вписанных в проект захваченной при аресте резолюции конференции.

— Скажите, это почерк обвиняемого Попова?

— Да, — подтвердили оба эксперта.

— Но, может быть, это простое совпадение? Может быть, это распространенный почерк?

Эксперты в смущении молчали, не зная, что ответить председателю суда.

— По-видимому, так, — заключил он. — Хорошо, можете идти.

Обвиняемые облегченно вздохнули. Ведь эти поправки к резолюции, вписанные Поповым, были единственной уликой против них. А все остальное можно отрицать, так как обыск производился в их отсутствие, и, следовательно, прокламации и печать партийного комитета полицейские могли подбросить.

Судебное следствие окончилось. После речи адвоката, который защищал несовершеннолетнего Айзина, из-за столика поднялся прокурор. Он говорил вяло, как бы нехотя. От обвинения в принадлежности к боевой дружине он сам отказался: ведь единственный перочинный ножик, обнаруженный при аресте, не мог служить основанием для этого. Прокурор ограничился лишь обвинением в принадлежности к социал-демократической партии.

После бледной, неубедительной речи прокурора выступил Абрамович. Это был великолепный оратор, сочетавший блестящую форму речи с неотразимой силой убеждения. Недаром он носил партийную кличку Марат. Но об этой кличке, как и о том, что это не Абрамович, а Шанцер, знали лишь немногие из обвиняемых. А для всех остальных было удивительно, что портной мог так красноречиво говорить.

Очень убедительно говорил и Попов. Остальные обвиняемые отказались от «последнего слова».

После совещания 1 марта 1907 года суд приговорил всех обвиняемых лишь к месяцу тюремного заключения.

Подсудимые были удивлены, но потом узнали о причине необычайного поведения судей и столь мягкого приговора.

Оказывается, когда это дело поступило в военно-окружной суд, его председатель, установив недостаточность улик для обвинения, решил уклониться и передал его в гражданский суд. Но генерал-губернатор, желавший сурово наказать арестованных, стал настаивать на рассмотрении дела в военно-окружном суде. А председатель его отказывался.

Возникла тяжба между председателем военного суда и генерал-губернатором. Она дошла до Петербурга, где спор решили в пользу генерал-губернатора. Тогда председатель суда, страдавший болезненным самолюбием и чиновничьим чванством, решил досадить генерал-губернатору и провалил его затею, добившись весьма мягкого приговора.

ГОНИМЫЙ ОХРАНКОЙ

Разгневанный генерал-губернатор все же решил проявить свою власть. Он подверг осужденных дополнительному наказанию: в административном порядке направил их в ссылку в разные места. Куйбышев должен был в апреле 1907 года отправиться в Каинск под надзор полиции.

Не желая подчиниться этому предписанию, Валериан Владимирович уехал в Томск и снова перешел на нелегальное положение.

Его приезду местные партийцы были очень рады. После неоднократных провалов и арестов томская организация значительно поредела. Был арестован и Сергей Миронович Киров — за организацию подпольной типографии.

Куйбышева кооптировали в состав Томского партийного комитета, и он стал руководить пропагандистской работой в городе и примыкавших к нему рабочих районах. Куйбышев выезжал на Анжеро-Судженские угольные копи, где было много шахтеров, а также на крупную узловую станцию Тайга. Пропагандистскую работу Валериан Владимирович вел и среди солдат, руководя военной группой при Томском комитете РСДРП.

Вскоре о революционной работе Куйбышева стало известно томской охранке. Уже 24 мая 1907 года начальник томского охранного отделения доносил в департамент полиции о том, что военную группу возглавляет «без определенных занятий Валериан Владимирович Куйбышев». В ответ на это донесение из Петербурга пришло распоряжение об аресте всей военной группы. Узнав об этом, Куйбышев немедленно, спасаясь от ареста, выехал в Петропавловск.

Здесь его присутствие было крайне необходимо. Большевистская организация в этом городе также была разгромлена. Валериан Владимирович помог ее восстановлению и наладил партийную работу.

В Петропавловске Куйбышев работал около месяца. Но и отсюда ему пришлось уехать: полиция выследила его и уже принимала меры к его аресту.

В июне 1907 года он прибыл в Каинск — место своей ссылки.

Здесь он встретился со своими родными. Они теперь жили в Каинске, куда Владимир Яковлевич был переведен из Кузнецка на должность воинского начальника. Семья Куйбышевых и здесь пользовалась симпатией среди местного населения.

— Все они так просты и приветливы, — говорили о них в городе.

Иначе отнеслась к Куйбышевым охранка. Жандармы тотчас же взяли их под наблюдение.

«Все члены семьи каинского воинского начальника подполковника Куйбышева, — доносил в Петербург начальник томского губернского жандармского управления, — в большей или меньшей степени по поведению и сношениям с лицами, скомпрометированными в политическом отношении, считались неблагонадежными».

Валериан Владимирович знал о том, что он находится под надзором полиции. Несмотря на это, он и в Каинске продолжал вести революционную работу.

Условия для такой работы здесь были малоблагоприятными. В Каинске, маленьком уездном городке, в то время жили преимущественно мещане, мелкие ремесленники и торговцы. Рабочие трех небольших заводов — кожевенного, винокуренного и пивоваренного — составляли малозаметную прослойку городского населения. Находились в городе, кроме Куйбышева, и другие политические ссыльные, но в связи

с наступившей реакцией некоторые из них были неустойчивы, готовы изменить революции.

Куйбышев же в самых трудных условиях сохранил жизнерадостность, волю к борьбе, веру в победу рабочего класса. Как и в других местах, он и в Каинске организовал политические кружки рабочих, распространял среди них нелегальную литературу, проводил массовки, занимался агитацией среди солдат, устроил подпольный печатный станок и размножал на нем революционные листовки. Несмотря на временное поражение революции, Куйбышев твердо верил в светлое будущее, в окончательную победу рабочего класса. Характерно, что в ссылке Валериан Владимирович особенно любил читать Джека Лондона: ему нравились жизнерадостные, сильные, с несгибаемой волей герои произведений этого писателя.

Осенью 1907 года Куйбышев уехал в Томск, желая принять участие в революционной борьбе рабочих более крупного города. За самовольную отлучку из Каинска он был заочно приговорен к трем месяцам тюремного заключения. За ним стала охотиться томская охранка. И хотя он скрывался здесь под фамилией Лесовского, его вскоре выследили.

Узнав об этом, Куйбышев решил выехать из Томска.

Валериан Владимирович приехал в Петербург, где прописался по паспорту Андрея Степановича Соколова. Этот паспорт Куйбышев получил в челябинской партийной организации, в которой он побывал проездом из Томска.

В Петербурге Валериану Владимировичу жилось очень трудно. Долго он не мог наладить связь со столичной партийной организацией.

Это было тяжелое время, наступившее после разгрома первой русской революции 1905–1907 годов. Черная реакция торжествовала. Жандармы беспощадно расправлялись с революционерами. Вместе с

жандармерией свирепствовали банды отпетых черносотенцев. Столица кишела агентами охраны и провокаторами. Охранка засылала их в рабочие и партийные организации. Провокаторы усердно шпионили и доносили о революционерах. Провал следовал за провалом. Сотни петербургских большевиков томились в тюрьмах, отправлялись на каторгу и в ссылку, многих приговаривали к смертной казни. Партия большевиков была вынуждена уйти в глубокое подполье, чтобы уберечь свои сильно поредевшие ряды. И уж не так легко было Куйбышеву разыскать или встретить кого-нибудь из своих прежних, по 1905 году, партийных друзей.

Также очень угнетала Куйбышева острая материальная нужда. Он пробовал жить уроками, но эго был случайный и крайне ничтожный заработок. Пришлось поступить чернорабочим на песчаный карьер — копать и грузить песок. Работа была изнурительная и плохо оплачивалась.

Однажды в воскресный день, после тяжелой трудовой недели, Куйбышев проходил по Стрелке, в парке на островах в устье Невы.

Неожиданно он встретил здесь товарища. С ним Валериан Владимирович работал раньше, в петропавловской партийной организации. Они обрадовались, крепко обнялись.

Вспоминая прошлую совместную жизнь, товарищ спросил Куйбышева:

— А как тебя теперь зовут? Ведь мы работали в Петропавловске под чужими фамилиями и настоящих имен друг друга не знали.

— Андреем, — ответил Куйбышев.

— Я тоже Андрей. А как твоё отчество?

— Степанович.

— Странно! Ведь я тоже Степанович. А как твоя фамилия?

- Соколов.
- Я тоже Соколов. А какой ты губернии?
- Новгородской.
- А какого уезда?
- Череповецкого.
- Так это же мой паспорт!

Действительно, это было так. Соколов оставил свой паспорт в Челябинске, когда был сослан в Оренбургскую губернию. А когда отбыл срок наказания и поехал в Петербург, получил новый паспорт на то же имя.

Положение создавалось опасное. Правда, пока полиция не могла еще обнаружить, что в Петербурге жили два лица с совершенно одинаковыми паспортами. Соколов только недавно приехал в Петербург, и сведения об их паспортах, прописанных в разных районах, еще не встретились в центральном паспортном бюро. Однако эта «встреча» документов была неизбежной, и тогда неминуем арест.

Что делать? Куйбышев мог принять только одно решение: предоставить право на паспорт настоящему его владельцу — Соколову, а самому немедленно скрыться из Петербурга.

Валериан Владимирович решил выехать за границу. Об этом он давно мечтал. Ведь там, за границей, он сможет встретиться с Лениным! Там он сможет получить от Центрального Комитета партии задание для дальнейшей работы в России!

Через день Куйбышеву удалось получить заграничный паспорт. Надо было спешить с отъездом, пока полиция еще не напала на его след. Рано утром уходил поезд. Куйбышев с вечера уложил вещи в чемодан и даже связал подушку с одеялом, считая, что ночью можно подремать и на связанной подушке.

Вдруг кто-то постучал в дверь. Вошел один из товарищей по большевистскому подполью. Он был чрезвычайно взволнован и потому не замечал

необыкновенной обстановки: уложенного чемодана, связанной постели — явных приготовлений к отъезду.

— В чем дело? — спросил Валериан Владимирович.

— Об этом бесполезно говорить. Ведь ты не можешь помочь, — с отчаянием в голосе проговорил тот.

После повторных вопросов Куйбышева он объяснил:

— Сегодня в Петербург приехал один наш товарищ. Ему за участие в московском вооруженном восстании грозит смертная казнь. Необходимо немедленно отправить его за границу, а я не могу найти для него паспорта...

«Паспорт для человека, которому грозит смерть», — с волнением подумал Куйбышев и тотчас же, без колебания, достал из кармана заграничный паспорт.

Бурный восторг охватил товарища. Он хохотал, обнимал Куйбышева, затем, забыв даже спросить Валериана Владимировича, как тот будет жить без паспорта, поспешно выбежал из комнаты.

И вот Куйбышев опять остался без паспорта. В течение двух недель он скрывался у своих товарищей. В июле 1908 года Валериана Владимировича арестовали и отправили в Томск, а затем, после трехмесячного тюремного заключения, вновь возвратили в каинскую ссылку.

В Каинске Куйбышев жил под неослабным наблюдением полиции. Она внимательно следила за его революционной деятельностью. Каинские жандармы доносили томской охранке, а та в Петербург, в департамент полиции: «Когда в Каинск приехал сын местного воинского начальника Валериан Куйбышев... заметно закипела работа в кружке. Начались собрания, чтения, общения с населением, стали ходить по рукам рукописные рефераты на политические темы, сбор денег на приобретение литературы и пр.».

В это время Куйбышев вел оживленную переписку с иногородними большевиками, нередко получая от них

революционную литературу. При этом, чтобы отвлечь подозрения охраны, письма и посылки направлялись на имя отца Куйбышева — Владимира Яковлевича.

Отец уже давно примирился со своим неугомонным сыном. Между ними установились теплые отношения. Отец гордился сыном, его мужеством и стойкостью. Владимира Яковлевича трогала постоянная готовность Валериана идти на любые жертвы, терпеть любые лишения во имя своих убеждений.

Еще раньше, когда Куйбышев жил в Петербурге, к нему приезжал Владимир Яковлевич. С трудом разыскав сына-революционера, скрывавшегося от полиции под фамилией Соколова, отец поднялся на чердак дома, где Валериан Владимирович снимал каморку. Сына он не застал: тот еще не вернулся с песчаного карьера.

С горечью осматривал Владимир Яковлевич убогое жилище. Ему стало больно и жалко сына, вынужденного терпеть такую нужду и нищету.

Но вот послышались шаги по лестнице, и на чердак поднялся Валериан Владимирович, усталый, в рваной, испачканной одежде. Он изумился, увидев отца.

— Папа, разве можно вам приходить сюда? — говорил он, обнимая отца. — Ведь у меня тут так бедно, неудобно. Вам непременно надо поселиться в гостинице.

— Никаких гостиниц мне не надо. Раз ты, мой сын, живешь здесь, поживу и я.

— Но вам, папа, здесь жить не только неудобно, но и опасно. Вы же знаете, что я на нелегальном положении, что за мной следят. И у вас могут быть неприятности с полицией.

— Никакая полиция не может запретить мне жить у сына, — упорствовал Владимир Яковлевич.

Желая убедить его, Валериан Владимирович сказал:

— Но это опасно не только для вас, но и для меня. Шпикам бросится в глаза, что подполковник ходит сюда,

живет на чердаке. Они интересуются нашим домом и таким образом нападут на мой след.

— Ну, если так, — встревожился Владимир Яковлевич, — тогда другое дело. Действительно, надо убираться отсюда. А я-то так стосковался по тебе, так хотелось побыть с тобою, потолковать по душам...

— Ничего, ничего, папа, — успокаивал сын. — Мы будем встречаться в другом месте.

Теперь, встретившись в Каинске, они еще более сблизились. Владимир Яковлевич уже не мог отказать сыну в содействии и разрешил ему направлять нелегальные посылки на свое имя.

По доносу одного провокатора об этом стало известно царской охранке. В квартире воинского начальника Куйбышева был произведен обыск.

В результате обыска и допроса томская охранка сообщила в Петербург, в департамент полиции: «Участие подполковника Куйбышева в деле получения преступной литературы его сыном Валерианом дознанием не устанавливается; тем не менее отправление посылки по его адресу с конспиративным указанием настоящего адресата «Валериану» под обшивкой посылки, что может быть обнаружено лишь по вскрытии ее и по установлении преступности содержимого посылки, если и не рассчитано на непосредственное участие подполковника Куйбышева в деле получения литературы, то, несомненно, основано на знании снисходительного отношения к преступной деятельности своего сына Валериана и сделано в целях более верного получения Валерианом означенной посылки. Предположение это подтверждается также взятым при обыске одним письмом, обращенным к Валериану и помещенным в конверте с адресом отца без всякого указания о передаче его сыну и, несомненно, долженствующим попасть в руки подполковника Куйбышева».

На основании этого сын был арестован, а отец взят под усиленное наблюдение. Как бы в наказание весной 1909 года Владимира Яковлевича перевели из Каинска в Тюмень. Здесь он тяжело заболел и был уволен по болезни в отставку. Вскоре (24 ноября 1909 года) он умер от кровоизлияния в мозг.

На его могилу уложили металлическую плиту с надписью: «Дорогому мужу и любимому отцу. Дети тебя никогда не забудут и будут такими же честными тружениками, каким был ты. В этом твоя награда».

Перед тем как составить эту надпись, Юлия Николаевна советовалась с детьми. Валериан Владимирович вполне одобрил текст надписи. Память об умершем отце и для него была дорога.

В ОДИНОЧНОЙ КАМЕРЕ

После ареста Валериан Владимирович был переведен из каинской в томскую тюрьму. Здесь, в одиночной камере, ему пришлось пробыть около пяти месяцев.

Однообразно и томительно текли дни. Тяжелые мысли роились в мозгу. Тоска и ярость бередили сердце. Кругом было мрачно и глухо. Лишь изредка слышался лязг железного засова, тоскливо скрипела дверь: входил тюремщик с миской прокисших щей и кружкой воды. На миг при открытой двери явственнее проступала плесень на отсыревших стенах, зловонная деревянная параша в углу. На душе становилось еще омерзительнее. Но вот выходил из камеры тюремщик — и снова полумрак, снова удручающее одиночество, снова гробовая тишина. И тогда можно было различить нудное жужжание одинокой мухи, бившейся в оконное стекло.

Утомившись от долгого сидения на маленьком стульчике, Куйбышев пытался ходить. Но не было простора в маленькой камере его размашистому шагу. В безысходной тоске по воле он останавливался перед зарешеченным окошком, из которого был виден лишь клочок неба.

Особенно горькие переживания Валериан Владимирович испытывал по ночам. Почти каждую ночь ему приходилось слышать, как в коридоре громыхали тяжелые сапоги конвойных, лязгали кандалы, раздавались страдальческие возгласы:

— Прощайте, товарищи! Прощайте, братцы!

То уводили на виселицу приговоренных к смерти. Эти возгласы невыносимо терзали сердце, надрывали нервы, возбуждали гнев. Хотелось вырваться из одиночки, броситься на конвойных, отбить у них

обреченных на смерть. Но толстая дверь, окованная железом, была прочна, неприступна.

Мучительные крики «Прощайте, товарищи!» продолжались и на тюремном дворе, а затем затихали. Лишь через некоторое время еле различимо доносился стук от вколачивания гвоздей в доски, потом зловеще грохотала телега с гробами — и все умолкало в ночной тишине.

Раз в неделю в тюрьме разрешались свидания. Друзьям и знакомым иногда удавалось передавать Валериану Владимировичу известия о жизни партии, о революционных событиях. После таких удачных свиданий Куйбышев обычно подходил к открытому окошку своей камеры, чтобы переговорить с заключенными из соседних камер и сообщить им новости, полученные с воли.

Иногда через то же тюремное окошко Валериан Владимирович вступал со своими соседями в споры по политическим и философским вопросам. Одним из таких соседей оказался студент Томского университета, ярый последователь философии Авенариуса и Маха, отрицавших объективную реальность материального мира и доказывавших, что только человеческие переживания и ощущения «мыслимы как существующее».

В годы реакции философия Авенариуса — Маха имела много приверженцев среди русских интеллигентов. Ею были увлечены даже А. В. Луначарский и А. А. Богданов, примыкавшие в 1905 году к большевикам и называвшие себя марксистами. Против Авенариуса, Маха и их сторонников решительно выступил В. И. Ленин. В своем гениальном труде «Материализм и эмпириокритицизм» он доказал всю несостоятельность и порочность их философии.

Куйбышев и в этом философском вопросе придерживался ленинских взглядов.

— Ваш Мах — чистейший идеалист! — убежденно говорил он своему соседу-студенту. — Вся его философия противоречит настоящей науке.

В этом споре с махистом Валериан Владимирович проявлял большую начитанность.

В одиночке Куйбышев много читал, занимался самообразованием, изучал иностранные языки, физику, математику.

Сохранились черновики его упражнений по алгебре, геометрии и тригонометрии, а также подробный конспект лекций по «Общей теории права» Коркунова, составленный Валерианом Владимировичем в тюрьме. Большой интерес он проявлял и к художественной литературе. В одном из своих заявлений на имя начальника томского жандармского управления Куйбышев просил разрешения получить два тома сочинений Г. Ибсена, сборник литературно-художественных произведений «Жизнь» и сборник литературно-критических статей «На рубеже».

Любознательности Валериана Владимировича не было границ. Как-то к нему в одиночку попала книга по медицине. Он заинтересовался и очень внимательно прочел ее. В другой раз тюремный надзиратель передал Куйбышеву учебник по астрономии вместо исторической книги, которую ожидал Валериан Владимирович.

Это сначала огорчило его. Но потом он с утешением подумал:

«Почему бы мне не изучить астрономию? Почему бы не познакомиться с небесными светилами? Большевик должен знать все!»

И он так вдумчиво проштудировал учебник, что впоследствии удивлял других своими познаниями в области астрономии.

Занимался Валериан Владимирович систематически, изо дня в день. Он даже составил для себя расписание дня, отметив в нем определенные часы занятий. Это

расписание сохранилось в той же записной тетради, в которой имеются черновики его математических упражнений.

В томской тюрьме Валериан Владимирович нередко брался за перо и выражал свои настроения в поэтических строках. Там им были написаны стихотворения «Эту ночь я без сна провожу», «Лунная ночь» и другие. Одно стихотворение он посвятил своей матери:

*Замолчи, мое сердце, не думай о воле,
О задумчивом лесе, о солнечном поле.
Слышишь, в камеру входят, грохочут ключи.
Скрой же слабость мечтаний, будь гордо в
неволе.
Замолчи!
Предо мною твой образ любимый и милый,
Не дожидаться меня из застенка-могилы.
Позабудь, позабуду и я как-нибудь,
Ведь на долгие годы мне надобны силы.
Позабудь!
О свободе, о жизни замолкни, рыдания,
Ни оковы, ни стены, ни годы страданья
Не заставят позорной пощады просить.
Не сломить мою гордую стену молчания.
Не сломить!*

Эти стихи до слез тронули Юлию Николаевну. Жалко ей было своего Волю, и вместе с тем она радовалась, что он помнит о ней, гордилась его мужеством и душевной силой.

Юлия Николаевна переписала эти стихи в свой дневник и затем от себя добавила: «Воля избрал себе жизнь мученика. Его судьба напоминает мне судьбу

декабристов. Так страшно сознавать, что он погибнет, не добившись того, к чему стремится».

Расписание дня.

Встреча в 7 часов		20 1/2 ч.
1 час на уединение, работу, гимнастику		20 8 ч.
1/2 часа на чай		20 8 1/2 ч.
0. 8 1/2 до 9 1/2 — записи правды		9 1/2 ч.
1/2 часа прогулка		11 ч.
2 часа зап. ибн из		1/2 ч.
1/2 часа абогд	$2p \sin \frac{B}{2} \cos \frac{C}{2} = 2\sqrt{2} \cos \frac{B}{2} \cos \frac{C}{2}$	1 1/2 ч.
1 час чтения	$\frac{h}{a} \cos \frac{B-C}{2} = \frac{h\sqrt{2}}{p} + \frac{\sqrt{2}}{2} =$	2 1/2 ч.
1 1/2 часа прогулка	$\frac{(2\frac{1}{2} + p)\sqrt{2}}{2p}$	4 ч.
1/2 часа чай		4 1/2 ч.
2 часа записи правды с перепиской /матем./		8 1/2 ч.
2 часа чтения		10 1/2 ч.
1/2 часа гимнастика, абогд, матем.		11 ч.
10 ч. 20	10 ч. 20	10 ч. 20

p - перво, ~~второе~~ и h

**Расписание дня, составленное В. В. Куибышевым в томской тюрьме
25 мая 1909 года.**

Валериан Владимирович из тюремной одиночки вел задушевную переписку с любимой матерью. Зная об ее тревогах, он в своих письмах к ней утешал ее:

«Когда уважаешь себя и сознаешь правду своего пути, то всякое горе лишь согнет, но не ломит, а сознание правды опять выпрямит, и опять смело и гордо смотришь вперед...»

В сентябре 1909 года дело о посылке с нелегальной литературой было прекращено, и Куйбышева без суда освободили из-под стражи. После этого он поступил на первый курс юридического факультета Томского университета. Однако долго ему и здесь не пришлось учиться. Продолжая революционную работу, он по-прежнему беспокоил полицию и приводил в ярость жандармов. В феврале 1910 года его снова арестовали и пытались привлечь по делу местной организации социал-революционеров.

Куйбышев решительно возражал против такого обвинения.

На допросе он отрицал свое участие в революционной борьбе. Так обычно поступали революционеры-подпольщики, стремясь запутать царских следователей. В протоколе дознания Куйбышев собственноручно записал:

«Виновным себя в принадлежности к томской организации с.-р. (социал-революционеров) я не признаю и никогда к таковой не принадлежал. После моего ареста и суда в Омске я ни в какой организации не состоял и никакую деятельность не проявлял. По своим взглядам скорее мог бы разделить некоторые принципы с.-д. (социал-демократов), но ни в коем случае не с.-р. В настоящее время я занимаюсь исключительно учением. Более показать ничего не могу».

Но жандармы хотели во что бы то ни стало предать Куйбышева суду и поэтому решили возобновить дело о посылке с нелегальной литературой.

В это время семья Куйбышевых жила в Томске, куда она переехала после смерти Владимира Яковлевича. Начались усиленные хлопоты родных Валериана Владимировича об его освобождении, но безуспешно. Родные часто навещали его в тюрьме, не пропускали ни

одного дня свидания. Через них-то Валериан Владимирович держал связь с партийной организацией.

Однажды к Елене, сестре Куйбышева, собравшейся к нему в тюрьму на свидание, зашла его приятельница Анна и во время беседы, между прочим, попросила:

— Ты передай Валериану, что я уже напекла блины и вышли они замечательные. Ни одного подгорелого!

Сестра удивилась этой странной просьбе и про себя подумала: «Такая серьезная девушка, революционерка, а занимается такими пустяками да еще просит сообщить об этом Валериану. Нет, не скажу брату».

Анна же, проводив ее почти до самой тюрьмы и прощаясь, еще раз напомнила:

— Только не забудь, обязательно скажи, что ни одного блина не испортила.

Тут только догадалась сестра, что история с блинами — это условный шифр брата и его соучастницы по большевистскому подполью.

Во время свидания с Куйбышевым, вспоминая общих знакомых, сестра вскользь сказала ему:

— Знаешь, Анна вчера пекла блины.

Куйбышев вдруг оживился и спросил:

— Ну и, конечно, они у нее все подгорели?

Брат пристально смотрел на сестру, с нетерпением ожидая ответа.

— Что ты, — успокоила она его. — Нет ни одного подгорелого блина. Анна — такая мастерица!

— Вот здорово! — обрадовался Куйбышев.

Тюремный надзиратель смотрел на него удивленно: разве можно так радоваться удачно испеченным блинам?

А под этими «блинами» подразумевались прокламации, которые Анна отпечатала в подпольной типографии и потом удачно, все до единой, распространила по городу.

Но вот настал и день суда. Во время судебного заседания Куйбышев проявил большую стойкость. Он держался смело, независимо, с достоинством настоящего, мужественного революционера-большевика. Несмотря на все ухищрения прокурора, Куйбышев был признан невиновным и по суду оправдан.

Однако царская охранка могла высылать опасных революционеров в административном порядке. Этим «правом» она и воспользовалась: Куйбышева выслали на два года в далекий, суровый Нарымский край под гласный надзор полиции.

Когда узнали об этом родные, они были очень огорчены.

— Как же так, Воля? — возмущалась мать. — Ведь по суду ты оправдан. Это произвол! Я буду жаловаться царю, подам ему прошение...

— Нет, мама, — возразил Валериан Владимирович, — вы этого не делайте! Из ссылки я скоро вернусь. А просить царя решительно запрещаю.

Пришлось с ним согласиться. Мать знала, что сын не уступит ей.

31 июля 1910 года она проводила его. Долго смотрела Юлия Николаевна печальными, полными слез глазами вслед удалявшемуся пароходу, увозившему ее родного Волю в страшный Нарымский край.

В НАРЫМЕ

Нарым в переводе на русский язык означает «болото». И действительно, этот таежный городок был расположен в болотистой, дикой тайге, вдали от железной дороги. В течение нескольких месяцев, когда реки замерзали, Нарым был совсем отрезан от внешнего мира и превращался в глухую, мрачную тюрьму без решеток.

В город Нарым Куйбышев прибыл на пароходе 8 августа 1910 года и поселился на Крестовоздвиженской улице в доме А. И. Пушкаревой. Это был типичный для севера деревянный шатровый дом из нескольких комнат. Одну из них занял Куйбышев.

В комнате стояла узкая железная кровать, крестьянский деревянный стол, несколько самодельных стульев, чахлые цветы на подоконниках и книги на полке. Они были для Куйбышева неразлучными друзьями и в тюрьме и в ссылке.

В Нарыме в то время насчитывалось около трехсот ссыльных, принадлежавших к различным политическим партиям и направлениям. Крепко сплоченную группу составляли большевики.

Между ними и меньшевиками шла ожесточенная борьба.

Ценой отказа от революционной борьбы меньшевики в то время добивались у царской охранки разрешения на существование легальной якобы «рабочей» партии, но по существу соглашательской, готовой примириться с царским, реакционным режимом. Фактически это была попытка «ликвидировать РСДРП и заменить ее бесформенным объединением в рамках легальности». Сторонников этого течения в меньшевизме тогда называли ликвидаторами.

Другие меньшевики, так называемые отзовисты, наоборот, отказывались работать во всех легальных организациях и настаивали на отзыве, на выводе из них партийных представителей, тем самым обрекая партию на отрыв от рабочих масс, на узкую замкнутость в подполье.

Опираясь на ленинские статьи и высказывания, Куйбышев разоблачал и трусливое примиренчество ликвидаторов и всю фальшь «левого» фразерства отзовистов, фактически отказывавшихся от революционной борьбы за массы. Своих политических противников Куйбышев превосходил не только силой своего убеждения, но и манерой держаться: спокойно, не повышая голоса, он вскрывал несостоятельность их доводов, высмеивал беспринципность ликвидаторов и пустозвонство отзовистов, срывал маску со всех бывших попутчиков революции, ставших на деле пособниками реакции.

Местная полиция пыталась использовать раскол среди ссыльных. Однажды пристав заявил им, что получен приказ о выселении их в деревни, расположенные вокруг города Нарыма. Перетрусившие меньшевики и эсеры стали униженно просить пристава об оставлении их в городе. Иначе поступили большевики.

— Умолять исправника нам не следует, — заявил Валериан Владимирович на собрании большевистской группы. — Мы из города добровольно не уедем. А если пристав захочет заставить нас силой, то пусть попробует...

Приставу пришлось примириться: никого из ссыльных он не смог отправить в деревни. Зато он стал мстить большевикам и прежде всего Куйбышеву: при обысках отбирал письма, книги, тетради. Большевики были вынуждены все это прятать.

Благодаря усилиям Куйбышева было парализовано вредное влияние меньшевиков не только на политических ссыльных, но и на местное население. Большевики-ссыльные успешно вели революционную пропаганду среди крестьян. Многие из них отказывались от уплаты государственных налогов, оказывали сопротивление властям.

Особым уважением Валериан Владимирович пользовался среди крестьян. Он привлекал их симпатии своей сердечностью и отзывчивостью. Казалось, что он постоянно излучал какую-то большую человеческую теплоту и ею согревал всех, с кем общался.

Душевно беседуя с крестьянами, Валериан Владимирович объяснял им, за что борется рабочий класс и его партия большевиков, убедительно доказывал, что и крестьяне должны включиться в эту борьбу, что только в союзе с рабочим классом крестьянство сможет добиться своей свободы и счастья.

С каждым днем крепла дружба Куйбышева с местным населением, особенно с молодежью. Юноши и девушки часто обращались к нему не только за разрешением общественно-политических вопросов, но и за советами по житейским делам. *И* всегда он помогал молодежи. Многих он обучил грамоте, потом давал книги, разъяснял прочитанное.

Желая облегчить тяжелую жизнь крестьян и освободить их от кулацкой кабалы, Куйбышев советовал им объединиться и открыть кооперативную лавку.

— Будете иметь свою лавку — перестанете переплачивать разным Родюхиным, Велижаниным, — убеждал Куйбышев.

Впоследствии в Нарыме организовался кооператив.

Валериан Владимирович развернул в Нарыме среди ссыльных большую культурно-политическую работу. Была организована нелегальная партийная школа. В программу школы входило изучение истории партии и

профессионального движения, политической экономии, русской литературы, истории России. Одним из лекторов был Валериан Владимирович Куйбышев. Вскоре, однако, выяснилось, что у многих слушателей не хватает элементарных знаний. Это затрудняло изучение теоретических вопросов. Тогда Валериан Владимирович организовал общеобразовательный кружок. Этим кружком он не только руководил, но и преподавал в нем.

Нелегальная партийная школа готовила профессиональных революционеров. По окончании школы они должны были совершать побеги, чтобы работать в большевистском подполье. В эти годы черной реакции потребность в партийных кадрах была очень велика, так как многие большевистские организации были разгромлены. Побегам ссыльных всячески помогало местное население. Крестьяне поставляли лошадей беглецам, укрывали их от полиции.

Особая инструкция царской охраны лишала ссыльных в Нарыме всякой свободы. Ссылным воспрещалась педагогическая деятельность, чтение лекций, участие в публичных собраниях и сценических представлениях, содержание библиотек и читален.

Против всех этих лишений решительно выступал Куйбышев. Уже в сентябре 1910 года, вскоре после прибытия в Нарым, он организовал траурный митинг по случаю смерти Льва Толстого. Собрались в «театре» — бревенчатом сарае, построенном политическими ссыльными.

На митинге Валериан Владимирович выступил с обстоятельным докладом о жизни и творчестве великого писателя. Высоко оценив важнейшие произведения гениального мастера художественного слова, Куйбышев говорил о несостоятельности философских и общественно-политических взглядов Толстого. Митинг был успешно проведен, несмотря на полицейский запрет.

Так же энергично Куйбышев боролся за улучшение быта политических ссыльных. Была создана нелегальная библиотека. Она играла большую роль не только в культурном развитии ссыльных, но и в их идейно-политическом сплочении вокруг большевиков. Учитывая это, меньшевики пытались захватить библиотеку в свои руки, чтобы использовать ее для меньшевистской пропаганды. Но эти попытки не удавались.

В Нарыме работала столовая, также организованная Куйбышевым на кооперативных началах. Это было очень важно для ссыльных, терпевших большую нужду: от казны они получали на пропитание и одежду лишь по семи рублей двадцати копеек в месяц, а ссыльнопоселенцы были лишены даже этого небольшого пособия. И вот в своей кооперативной столовой ссыльные могли получать обеды за небольшую плату, а наиболее нуждавшиеся обедали бесплатно.

Но столовая не только облегчала жизнь ссыльных, сохраняла их здоровье, но и способствовала их объединению в коллектив. Большое, просторное помещение столовой служило местом для легальных собраний ссыльных. Здесь они во время обеда получали и читали газеты, журналы. Столовая как бы превращалась в читальный зал.

Валериан Владимирович участвовал в хозяйственном обслуживании коммуны ссыльных.

Однажды он бродил в тайге и встретил там дровосеков, которые заготавливали дрова для столовой. Куйбышев подошел к одному из них и попросил топор.

— Довольно тебе рубить. Дай и нам, интеллигентам-белоручкам, поработать, — пошутил Валериан Владимирович.

И он усердно работал до тех пор, пока полностью не заготовили дров.

Среди суровой природы, в томительной, удручающей неволе, Куйбышев оставался бодрым, жизнерадостным

человеком, верящим в свое правое дело, в его победу.

Эти его настроения прекрасно выражены в стихотворении «Море жизни», написанном в нарымской ссылке:

*Гей, друзья! Вновь жизнь вскипает.
Слышны всплески здесь и там.
Буря, буря наступает,
С нею радость мчится к нам.
Радость жизни, радость битвы
Пусть умчит унынья след.
Прочь же робкие молитвы!
Им уж в сердце места нет.
В сердце дерзость. Жизни море
Вскинет нас в своих волнах,
И любовь, и жизнь, и горе
Скроем мы в его цветах.
Горе выпадет на долю, —
Бури шум поможет нам
Закалить страданьем волю
И не пасть к его ногам.
Будем жить! Любовь? Чудесно!
В бурю любитесь сильнее.
Ярче чувство, сердцу тесно
Биться лишь в груди своей.
Так полюбим! Жизни море
Вскинет нас в своих волнах,
И любовь, и жизнь, и горе
Скроем мы в его цветах.
Наслажденье мыслью смелой
Понесем с собою в бой.
И удар рукой умелой
Мы направим в строй гнилой.
Будем жить, страдать, смеяться.
Будем мыслить, петь, любить.
Буря вторит, ветер злится.*

*Славно, братья, в бурю жить!
Нуте ж в волны! Жизни море
Вскинет нас в своих волнах,
И любовь, и жизнь, и горе
Скроем мы в его цветах.*

Это стихотворение стало вскоре широко известным, и многими разучивалось наизусть. Сам Куйбышев никогда не страдал авторским сомнением. Свои стихи Валериан Владимирович считал любительскими. Тем не менее он был убежден, что даже такие стихи могут иметь общественно-политическое значение. В этом отношении характерен анкетный лист, заполненный им впоследствии, уже в советское время, для Самарского союза советских журналистов. В анкетной графе «Специальность в этой области» Куйбышев написал: «Немного поэт, публицист».

Революционная деятельность Куйбышева в Нарыме заставляла беспокоиться царскую охранку. Уже в ноябре 1910 года прокурор томской судебной палаты доносил министру юстиции: «В. В. Куйбышев работает в образовавшемся среди политических ссыльных социал-демократическом кружке». Вскоре томский губернатор лично приехал в Нарым в сопровождении вооруженных охранников, чтобы разгромить культурно-политические организации ссыльных. Воспользовавшись этим, меньшевики и эсеры вновь попытались исключить большевиков из органов управления библиотекой и кассой взаимопомощи. Но соглашатели встретили большевистский отпор. Культурно-политические учреждения были переведены в подполье, на нелегальное положение.

В конце ноября полиция перехватила письмо одного ссыльного. Из этого письма стало известно охранке о том, что нарымская партийная школа продолжает

работать в подполье. Приехавшие жандармы арестовали Куйбышева вместе с другими активистами школы и решили отправить их в томскую тюрьму. Местные крестьяне, сочувствуя арестованным, отказались дать лошадей. Лишь с большим трудом охранники снарядили несколько подвод и сначала отправили десять арестованных, а на другой день остальных.

Прощаясь, Валериан Владимирович говорил:

— Товарищи, из-за нашей опрометчивости жандармы арестовали шестнадцать человек. Потеря, будем надеяться, временная. Она не должна ослабить нашу революционную борьбу. Нас увозят. Но вы, остающиеся на месте, обещайте не покладая рук работать, бороться, учиться и учиться. Будущее, товарищи, за нами! Никакие невзгоды, встряски не должны колебать нашу веру в грядущие лучшие дни, веру в социализм, веру в успех революционной борьбы и в правоту этой борьбы. Набирайте опыта, закаляйтесь в ссылке, ваши силы понадобятся будущей, свободной России!..

Путь лежал длинный, по трескучему морозу. Вокруг без конца и края простиралась белая пустыня. Повитая легкой студеной дымкой, она мерцала снежными искорками. Иногда дорога пролегла через густые леса. Здесь еще резче скрипели санные полозья по затвердевшему, спрессованному стужей снегу. Спугнутое с насиженных гнезд воронье с пронзительным криком, хлопая черными крыльями, взлетало и кружилось над вершинами вековых деревьев.

На ночлег заезжали в попутные деревни, утопавшие в снежных сугробах. Лишь по сизому дымку, который вился из труб, угадывалось жилье...

В Томске на допросе арестованные стойко держались и наотрез отказались давать какие бы то ни было показания. Так как против них, кроме перехваченного письма, не было других улик, охранка

вынуждена была освободить арестованных из тюрьмы, и они в марте 1911 года возвратились в Нарым.

Куйбышев с еще большей энергией возобновил свою политическую работу по большевистскому воспитанию ссыльных. Были восстановлены нелегальная партийная школа и легальные учреждения политических ссыльных. Возобновились спектакли в «театре».

Вскоре в Нарымский край прибыл Яков Михайлович Свердлов, вторично сосланный сюда. Из первой нарымской ссылки Свердлов бежал в июле 1910 года. Работая в большевистском подполье Петербурга, он снова был арестован и в июне 1911 года выслан в Нарым.

По дороге из Томска в Нарым Яков Михайлович 18 июня 1911 года опять исчез. Несмотря на усиленные поиски, полицейские ищйки не смогли напасть на его след. Однако через несколько дней Свердлов был вынужден добровольно вернуться в ссылку: его побег мог навлечь на других политических ссыльных Нарыма полицейские репрессии.

Но сам Яков Михайлович поплатился за это. На второй же день после добровольной явки Свердлова в местечке Колпашеве полиция арестовала его, а затем 3 июля 1911 года отправила в ссылку, но не в Нарым, а в Максимкин Яр — еще более глухое селение. Царская охранка рассчитывала, что неукротимый, весьма опасный революционер не сможет вырваться оттуда, не выживет там.

В течение семи месяцев нарымские ссыльные вели упорную борьбу за жизнь Свердлова, погибавшего в Максимкином Яру среди гнилых болот в мучительном одиночестве. Ежедневно ссыльные приходили к нарымскому приставу Овсянникову и настаивали на возвращении Свердлова в Нарым. Долго упорствовал охранник, но, наконец, сдался. К этому побудили его еще слухи о том, что Свердлов «мутит народ в

Максимке». 30 декабря 1911 года Овсяников обратился к томскому губернатору с ходатайством о переводе Свердлова из Максимкина Яра. В начале февраля 1912 года Свердлов был возвращен к своим товарищам в Нарым. Именно нарымским ссылкой во главе с Куйбышевым партия и русский пролетариат обязаны тем, что они спасли человека, который потом, в дни Великого Октября, был одним из ближайших соратников В. И. Ленина.

В Нарыме Свердлов впервые встретился с Куйбышевым. Вместе с ним Яков Михайлович читал лекции в подпольной партийной школе, боролся за большевистское руководство легальными учреждениями политических ссыльных. Свердлов помогал не только ссыльным города Нарыма, но и ссыльным, разбросанным по всему Нарымскому краю: было создано «Бюро ссыльных Нарымского края», которое объединяло их для совместной революционной работы.

В 1912 году В. В. Куйбышев, Я. М. Свердлов при участии Ивана Чугурина, Владимира Косарева, Варвары Яковлевой, Николая Кучменко, Бориса Краевского, Ивана Оборина и других ссыльных-большевиков подготовили первомайскую демонстрацию. Но за несколько дней до нее Яков Михайлович по настоянию Куйбышева и других товарищей просил пристава перевести его в соседнее селение и выехал из Нарыма: иначе за участие в демонстрации полиция вернула бы его в Максимкин Яр.

18 апреля (1 мая) с утра ссыльные вышли на улицы с красными бантами на груди. К ссыльным присоединилось много местных жителей. Затем все тронулись из Нарыма к речке Протоке у Колина Яра. Кто-то поднял красный флаг. Запели революционную песню.

Демонстрация проходила открыто, на глазах у стражников. Они оторопели от неожиданности и изумленно наблюдали. Разогнать же демонстрацию не решались: не надеялись на свои силы. Охранники пока

ограничились тем, что переписали фамилии участников демонстрации.

Между тем демонстранты подошли к речке. Начался митинг. Первым говорил Куйбышев. Говорил о значении международного рабочего праздника, о революционном подъеме в стране, о новой грядущей революции.

Возбужденные страстными призывами к борьбе, демонстранты по окончании митинга дружно запели:

*Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе!..*

О демонстрации стражники донесли приставу, а тот — начальнику томского губернского жандармского управления. Было решено создать процесс «по делу о бунте ссыльных в Нарыме». Арестовали Куйбышева и других активных участников демонстрации. Однако все арестованные держались так сплоченно и дружно, что обвинение провалилось.

В мае 1912 года окончился срок ссылки Валериана Владимировича, и он выехал из Нарыма.

Селение Нарым. В первом доме справа жил В. В. Куйбышев

***Я. М. Свердлов и В. В. Куйбышев с группой большевиков в
нарымской ссылке.***

ПО СЛЕДАМ ПОДПОЛЬЩИКА

Куйбышев приехал в Омск. Однако на свободе ему недолго пришлось пожить.

В Омске Валериан Владимирович поселился у своей бабушки. Отдохнув с дороги, он отправился к одному знакомому — соседу — разузнать, что делается в городе, в партийной организации.

Завязалась оживленная беседа. Вдруг в комнату вбежала Либа Яцина, дочь содержателя местной почтовой станции, принимавшая прежде активное участие в революционной борьбе и вместе с Куйбышевым привлекавшаяся к суду по делу омской партийной организации.

— Как я рада, что нашла вас здесь! — задыхаясь от волнения, сказала она Куйбышеву, крепко пожимая его руку. — Как я рада!

— В чем дело? — спросил он ее. — Почему вы так взволнованы?

— Вам угрожает арест, — выпалила она и затем подробно объяснила: — Я только что была у себя дома... читала. Вдруг стук в дверь. Входит полицейский и просит разрешения поговорить по телефону. К нам, на станцию, иногда обращаются с такими просьбами. Я разрешаю и, ничего не подозревая, ухожу в соседнюю комнату. Но невольно слышу разговор. Полицейский по телефону вызвал пристава. Я насторожилась. Полицейский докладывал, что в город прибыл Куйбышев, остановился у своей бабушки и что его легко теперь захватить. И вот, когда полицейский ушел от нас, я немедленно побежала к вам, к вашей бабушке, и, узнав, что вы здесь, бросилась сюда. Как я рада, что смогла вовремя предупредить вас!

Куйбышев был озадачен:

— За что? По какому поводу хотят меня арестовать? Не понимаю. Одно ясно: надо скрываться. Но куда?

— Пойдемте ко мне. Поскольку у меня в квартире говорили о вашем аресте, то, очевидно, моя квартира вне подозрения.

Куйбышев согласился. И вот он в квартире Яциной. За чашкой чаю они вспоминали прошлое, шутили, смеялись над оплошностью полицейского.

Вдруг увидели из окна, как по улице шел жандарм и повернул к их дому. Что делать? Медлить было некогда. Жандарм уже вошел в квартиру. Решили, что Куйбышев пока останется в комнате, а Яцина пойдет в переднюю и там встретит охранника. Если же возникнет опасность для Куйбышева, тогда он должен выбежать через другую дверь в сад и скрыться.

Яцина вышла из комнаты, а Валериан Владимирович стал прислушиваться.

— Что вам угодно? — спросила девушка.

— Скажите, пожалуйста, — слышался голос жандарма, — вы недавно пришли домой?

— Да, часа два тому назад.

— За вами не шел молодой человек?

— Не заметила... может быть...

— Но к вам не заходил молодой человек?

— Нет, не заходил.

В передней немного помолчали, а потом жандарм уже менее уверенно переспросил:

— Итак, к вам никто не заходил?

— Нет, никто.

Послышались звяканье шпор и топот удалявшихся шагов. В комнату возвратилась перепуганная Яцина.

— Очевидно, вас выследили. Вероятно, скоро придут опять жандармы, но уже с ордером на обыск. Как же теперь быть?

Обсудив создавшееся положение, они решили, что Куйбышев сейчас укроется в саду. А если придут

жандармы и в саду оставаться будет опасно, то придется и оттуда уходить, скрываться в городе.

Вскоре действительно появился отряд жандармов, и начался обыск в доме. Что делать? Бежать? Но куда? Куйбышев решил пока остаться в саду и выждать. Прошел час, другой, третий. Наступила полночь. Тогда Куйбышев решил бежать. С трудом он перелез через забор, утыканный сверху гвоздями, и оказался на соседнем дворе купеческого дома. Вдруг на него бросились две большие злые собаки. На их лай явился конюх. Куйбышев быстро открыл калитку и выбежал на улицу. Конюх — за ним. Вскоре к погоне присоединился один из шпигов, оцепивших дом.

— Господин Куйбышев, остановитесь! — кричал шпик.

Но Валериан Владимирович продолжал бежать. Вскоре сзади него раздался свист шпигов: он знал расположение полицейских постов и призывал на помощь.

Из-за угла неожиданно вынырнул городской и преградил Куйбышеву дорогу.

— Ни с места! — прозвучал властный окрик среди ночной тишины. — Вы арестованы!

Куйбышева окружили, схватили и повели в тюрьму, где поместили в общую тюремную камеру вместе с уголовными преступниками.

Тюремное начальство приказало остричь ему волосы и переодеть в арестантский халат. Много издевательств приходилось Валериану Владимировичу переносить в тюрьмах и ссылках, но никогда его не лишали преимуществ, которыми пользовались обычно политические заключенные: быть в своей одежде и не стричь волос.

Куйбышев запротестовал:

— На каком основании? Почему?

— Ах, ты рассуждать! — и его ударили кулаком по лицу.

Он бросился на тюремщика. Но к тому подоспела помощь. Куйбышева схватили сзади за руки и начали избивать. Вздрагивая от острой боли, тело бессильно обвисло. Все кругом завертелось в кровавом вихре, заколебался пол под ногами — и Куйбышев потерял сознание... Он не помнил, как его переодели в арестантскую одежду, остригли и бросили опять в камеру уголовных. Четыре дня он пролежал с поломанными ребрами, разбитым лицом, весь в синяках и кровоподтеках. 19 июня Куйбышева перевезли в томскую тюрьму.

Здесь он встретился со многими товарищами, знакомыми по нарымской ссылке. Им пришлось жить в особенно тяжелых тюремных условиях. Царское правительство беспощадно расправлялось с политическими заключенными. Их притесняли, создавали самые невыносимые условия существования, глумились и издевались над ними. Все это производило тяжелое впечатление на заключенных. Многие из них впадали в уныние. Валериан же Владимирович не только не терял самообладания, но и поддерживал морально товарищей в минуты их отчаяния..

Первое время Куйбышев не знал, за что он на этот раз был арестован. Впоследствии же выяснилось, что, опасаясь Куйбышева, выпущенного «на свободу», томское жандармское управление решило вновь привлечь его к суду по делу первомайской демонстрации в нарымской ссылке.

В марте 1913 года состоялся суд, который признал Куйбышева невиновным и освободил его из тюремного заключения. Это судебное решение было затем опротестовано прокурором, причем судебная волокита затянулась до августа 1916 года, когда дело о

первомайской демонстрации было окончательно прекращено.

Весною 1913 года Валериан Владимирович приехал в Тамбовскую губернию, в село Лысые Горы, где учительствовала его сестра Елена Владимировна. Здесь же после долгой разлуки он встретился с матерью и двумя младшими сестрами — Марусей и Галей.

Приехал он сюда плохо одетый, в ярко-красной рубашке, на голове — старая студенческая фуражка, на ногах — рваные ботинки. Денег на покупку новой обуви ни у него, ни у его родных не было. Мать получала маленькую пенсию после смерти отца, старшая сестра жила на небольшое жалованье, а две другие сестры еще не работали. Пока сапожник чинил ботинки, пришлось ходить в лаптях.

Красная рубашка, длинные волосы, студенческая фуражка и, наконец, лапти — все это производило необычайное впечатление на местного пристава, тревожило его. При встрече с сестрой Валериана Владимировича он просил ее уговорить своего брата-«крамольника» надеть другую рубашку, другого, не красного цвета. После этого наблюдение охранника за семьей Куйбышевых усилилось.

Куйбышев не желал подвергать опасности своих родных, к тому же хотел принять участие в революционной борьбе. Поэтому он поехал в Петербург. Но здесь Валериан Владимирович не смог установить связи с партийной организацией. Не удалось также подыскать службу для заработка.

Вскоре пришлось покинуть столицу и поселиться в ее окрестностях, на станции Озерки Финляндской железной дороги. Преследования полиции и в Озерках вынудили Куйбышева в июне 1913 года уехать в Вологодскую губернию.

Около трех месяцев Валериан Владимирович жил вблизи Вологды, в селе. Общаясь с крестьянами, он вел

среди них революционную пропаганду, не раз участвовал в постановке спектаклей в Народном доме. А осенью переехал в Вологду. Там политическими ссыльными было организовано общество «Просвещение». В этом обществе под видом танцевальных вечеринок собирались ссыльные и местные жители. Здесь среди них велась революционная пропаганда.

Вступив в члены этого общества, Валериан Владимирович стал выписывать для библиотеки произведения передовой, прогрессивной литературы, выступал с лекциями.

Но вскоре Куйбышеву пришлось расстаться с обществом. Проверяя списки его членов, охранка натолкнулась на фамилию Куйбышева и немедленно вычеркнула ее.

Спасаясь от жандармов, Валериан Владимирович скрылся из Вологды.

После долгих усилий ему, наконец, удалось получить явку в подпольную партийную организацию Харькова, к Андрею Сергеевичу Бубнову, находившемуся там в ссылке. Это был опытный революционер-большевик, не раз подвергавшийся полицейским преследованиям.

В Харьков Куйбышев прибыл осенью 1913 года.

К этому времени в России вновь обозначился подъем революционного движения. После кровавых расстрелов в Сибири, на Ленских золотых приисках (4 апреля 1912 года), по всей стране прокатилась волна забастовок.

Вслед за рабочими поднимались и крестьяне. Они нападали на помещичьи имения и кулацкие хутора. Участились революционные выступления солдат. Все это напоминало революционные события 1905 года. Страна шла навстречу новой революции.

Революционная борьба нарастала также и в Харькове, в одном из крупнейших пролетарских центров. Здесь Куйбышев опять окунулся в водоворот

революционных событий. Бесстрашно и умело он выполнял ответственные поручения харьковской большевистской организации, ускользая из рук агентов охраны.

Однако весной 1914 года они напали на его след. Во время первомайской демонстрации он едва избежал ареста. Жандармерия преследовала его теперь по пятам. Дальше оставаться в Харькове было невозможно, и Валериан Владимирович переехал в Петербург.

СРЕДИ БОЛЬШЕВИКОВ СТОЛИЦЫ

В Петербурге Куйбышев установил связь с партийной организацией и поступил рабочим в рессорную мастерскую Мохова.

В это время в политической жизни столицы и всей страны важную роль играла большевистская фракция IV Государственной думы. Для большевиков Государственная дума являлась легальной трибуной. С этой трибуны голос большевистских депутатов звучал на всю Россию. Они разоблачали царское правительство, вносили законопроекты об улучшении жизни трудящихся, призывали рабочих и крестьян к продолжению революционной борьбы. Не ограничиваясь этим, депутаты-большевики вели революционную работу непосредственно на фабриках и заводах, создавая там новые большевистские ячейки и укрепляя старые, проводили собрания рабочих, разъясняя им цели и задачи их борьбы.

Куйбышев вполне понимал значение работы большевистской думской фракции. Вскоре после своего приезда в Петербург он обратился к депутатам-большевикам и просил их давать ему партийные поручения.

Об этом стало известно В. И. Ленину, который из-за границы руководил деятельностью большевистской думской фракции. В. И. Ленин был очень доволен инициативой Куйбышева, считая, что она показательна.

— Оживают и собираются лучшие силы нашей партии, — говорил Владимир Ильич.

Столичная партийная организация оценила Куйбышева, как опытного и глубоко убежденного большевика-ленинца. В декабре 1914 года его избрали

членом Петроградского комитета РСДРП (б), поручив ему руководство пропагандой.

Популярность Куйбышева среди рабочих столицы быстро росла. Он стал одним из самых любимых агитаторов на рабочих собраниях. Его смелая речь увлекала и покоряла слушателей.

Под воздействием большевистской агитации и пропаганды революционная борьба в столице все более обострялась, превращаясь в открытые выступления против царизма. Еще 3 июля 1914 года рабочие Путиловского завода, узнав о всеобщей стачке нефтяников Баку, в знак солидарности по призыву большевиков собрались во дворе завода на митинг.

Рабочие и организаторы митинга вели себя мирно. Ораторы призывали лишь к материальной и моральной поддержке забастовавших бакинцев.

Вдруг появился отряд пеших и конных городских. Полицейский пристав приказал рабочим разойтись. Это распоряжение было явно провокационным: заводские ворота умышленно были закрыты, и потому рабочие не могли выйти. Городовые бросились на путиловцев и стали их избивать нагайками, а тех, кто сопротивлялся, арестовывали. Это вызвало среди рабочих возмущение. Послышались угрожающие возгласы. Тогда полиция открыла стрельбу. В ответ полетели камни. В этой схватке было убито двое и ранено около пятидесяти рабочих.

Весть о кровавой расправе с путиловцами быстро облетела все заводы и фабрики столицы. На другой день с утра свыше девяноста тысяч рабочих вышли на улицы Петербурга и грозно продемонстрировали свой протест. А вечером Петербургский комитет большевиков призвал питерских рабочих к трехдневной всеобщей забастовке и политической демонстрации.

Массовая демонстрация была назначена на понедельник, 7 июля. И не случайно. В этот день

ожидался приезд в Петербург Пуанкаре, президента Франции. Пуанкаре ехал к царю, чтобы сговориться с ним об участии России в войне против Германии, в войне, которая подготавливалась империалистическими государствами, стремившимися к новому переделу мира. И вот в этот тревожный момент питерские рабочие по призыву партии решили выйти на улицы и площади столицы и мощной демонстрацией протеста показать, что российский пролетариат против затеваемой войны, что он готов к борьбе с самодержавием и капитализмом.

В этот день улицы и площади столицы бурлили шумными потоками демонстрантов. Сто тридцать тысяч рабочих с красными знаменами, с пением революционных песен двинулись из окраин к центру. Отряды конной полиции тщетно пытались разогнать их. Оттесненные с одних улиц, рабочие колонны появлялись на других. Усиленные заградительные отряды городских и жандармов оцепили центральный район, чтобы не пропустить рабочих туда, где русская буржуазия и дворянство встречали французских гостей. На Невском проспекте и набережных Невы находилась в томительном ожидании лишь избранная публика: офицерство в блестящих мундирах, именитое купечество, сановное чиновничество, расфранченные дамы.

Однако под могучим напором многотысячной демонстрации охранные заграждения не устояли, и рабочие массы прорвались на Невский проспект. Их встретили обнаженными шашками. Разгорелись ожесточенные схватки на глазах иностранных гостей. Царской охранке не удалось скрыть от французского президента революционных и антивоенных настроений русского пролетариата.

Но если Пуанкаре и его свиту демонстрация питерских рабочих привела в смущение, то на простых

матросов с французской эскадры она произвела иное впечатление. Французские матросы тут же, на улицах и проспектах, открыто выражали свое сочувствие русским демонстрантам. Началось братанье. Смешавшись в общей уличной толпе, французские матросы и русские рабочие шагали вместе, рядом, в обнимку, распевая хотя и на разных языках, но одну и ту же «Марсельезу». И городские жители, не зная, что делать: козырять ли в честь гимна дружественной державы, или же хватать нагайки и пороть рабочих за запрещенную песню?

Еще более разгоралась вооруженная борьба на окраинах столицы, особенно на Выборгской стороне. Во многих местах рабочие строили баррикады: подпиливали и валили телеграфные столбы, опрокидывали трамвайные вагоны, останавливали извозчиков, выпрягали лошадей, а телеги и пролетки укладывали поперек мостовых, оплетая все это телеграфными проводами. Полицейские налетали на баррикады, но их встречали камнями и выстрелами из револьверов. Постепенно окраины столицы превращались в вооруженный лагерь, где хозяевами становились рабочие. В этот день столица напоминала Петербург 1905 года. О первой русской революции напоминали и те бурные волнения, которые широко распространились по всей стране.

Встревоженное этими событиями, царское правительство решило подавить революционное движение и прежде всего расправиться с его руководителями-большевиками. Начались массовые облавы и аресты. Но было очевидно, что одними «чрезвычайными» мерами нельзя приостановить надвигающуюся революцию. Война — вот что могло, хотя бы и временно, задержать ее приход.

Грандиозная июльская демонстрация питерских рабочих, несомненно, повлияла на исход переговоров французского президента с русским царем. Призрак

революции страшил царя. 19 июля 1914 года Германия объявила войну России. Царь решил воспользоваться войной, чтобы подавить революционное движение в стране. Война также была в интересах парижских банкиров, от которых царь получал миллиардные займы, и русской буржуазии, предполагавшей в военное время поправить свои дела: завоевать новые рынки, нажиться на военных заказах и поставках.

Большевистская партия с первых же дней мировой империалистической войны 1914-1918 годов считала, что эта война захватническая и велась она не для защиты отечества, как пыталось убедить народ царское правительство, а в интересах помещиков и капиталистов, с целью грабежа чужих стран и подавления революционного движения. Рабочим же эта война несла лишь страдания, еще большую кабалу и смерть. С такой войной надо вести решительную борьбу. Надо объявить войну войне. Надо империалистическую войну превратить в гражданскую, в войну против царизма и капитализма. К этому призывал написанный В. И. Лениным манифест Центрального Комитета партии большевиков «Война и российская социал-демократия». Партия большевиков считала, что только превращение войны империалистической в войну гражданскую могло остановить мировую бойню, только таким путем можно добиться мира и свободы для народов.

Как член Петербургского комитета партии, Куйбышев организовал антивоенную агитацию среди рабочих столицы. В подпольной типографии печатались и затем распространялись газеты и листовки, в которых большевики призывали к выступлению против войны и разъясняли ленинский лозунг о поражении царского правительства в империалистической войне.

Большую роль в революционизировании рабочих масс играли организованные на многих заводах и

фабриках так называемые больничные кассы. Они не только оказывали материальную помощь рабочим (выдача пособий в случаях болезни), не только защищали их экономические интересы, но и были легальными политическими массовыми организациями. Здесь от надежного человека узнавали адрес подпольной квартиры, здесь устраивались явки, передавались директивы подпольного центра.

Между большевиками и меньшевиками за руководство больничными кассами шла ожесточенная борьба. Она развернулась и при избрании Куйбышева секретарем кассы при фабрике «Треугольник». Предварительно в секретари намечался меньшевик, но эту кандидатуру решительно отклонила рабочая часть правления кассы, выдвинувшая своим кандидатом Куйбышева.

Когда рабочие фабрики пригласили Куйбышева на работу в правление больничной кассы, Валериан Владимирович очень внимательно выслушал их и затем заявил:

— Я даю согласие идти к вам работать и обещаю очистить всю контору больничной кассы от меньшевиков.

Это обещание он выполнил: аппарат больничной кассы вскоре стал целиком большевистским.

Перед каждым заседанием правления больничной кассы Куйбышев предварительно обсуждал все вопросы с рабочими-правленцами и инструктировал их, как защищать интересы рабочих масс:

— Товарищи, завтра будет заседание правления. Вот вам каждому поручение выступить. Но много говорить и доказывать назначенцам^[3] — это напрасная трата времени. Мы вот сегодня предварительно обсудим все вопросы, которые завтра будут решаться на заседании правления, и это для вас есть закон — никакого отступления не может быть от сегодняшнего решения!

Вас шесть членов правления, а назначенцев пять, и меньшинство должно подчиниться большинству. К тому же вы имеете за собой восемнадцатитысячную рабочую массу, которая послала вас и доверила вам защищать ее интересы. А с назначенцами считаться нечего. Пусть они у себя в кабинетах рассуждают, а не в рабочей организации. Надо их приучать к порядку и уважению рабочих организаций. Все эти назначенцы — не что иное, как пыль перед рабочей массой. Не они, а вы должны стать господами положения на заводе. Но для этого вам необходимо привлечь рабочих на свою сторону, необходимо, чтобы на заводе была крепкая партийная организация.

Советы и указания Куйбышева успешно проводились в жизнь.

Заседания обычно проходили хотя и бурно, но очень быстро, так как рабочие не отступали от предварительных решений.

Возмущаясь, назначенцы ворчали:

— Новый секретарь — новые порядки. Не хотят даже выслушать нас.

Куйбышев иронически отвечал им:

— А зачем время убивать напрасно, когда все вопросы ясны и понятны рабочим-правленцам?

Так же организовано проводил он общие собрания уполномоченных больничной кассы. Предварительно собрав рабочих правленцев, Валериан Владимирович проверял их ораторские способности. Каждому товарищу он поручал определенный вопрос, по которому тот должен был выступить.

Однажды перед заседанием Куйбышев наставлял рабочих-правленцев:

— Помните, вы будете выступать не перед назначенцами, а перед рабочей аудиторией. Вы должны доказать правоту своего дела. А если кто выступит

против, вы должны уметь защитить свой доклад и разбить в пух и прах клевету назначенцев.

Сам Куйбышев держался на собраниях и заседаниях спокойно, был скуп на слова. Но его спокойствие приводило противников в бешенство. Они понимали, что он руководит всей политикой больничной кассы, а помешать этому не могли.

Однажды на заседании правления один назначенец предложил уменьшить пособие по болезни. Валериан Владимирович, как всегда, спокойно возразил ему:

— Что же, по-вашему, пособие рабочим сбавить, а деньги класть в кубышку? Нет, этого не будет! Касса организована для того, чтобы во время болезни рабочего помогать ему. Вы, господа назначенцы, попробуйте сами поболеть без гроша в кармане. Мы тогда послушали бы, что бы вы запели...

Один из назначенцев в раздражении стал кричать на Куйбышева. Но тот с невозмутимым спокойствием заметил:

— Вам, как юристу, не к лицу кричать. Вы посмотрите на рабочих — как они спокойны и выдержанны...

Сказав это, он опять нагнулся над протоколом и продолжал писать.

Благодаря настойчивости Валериана Владимировича удалось добиться увеличения пособий семейным с половины заработка до двух третей.

Во время войны царское правительство выпустило очередной военный заем. В больничной кассе в это время накопилось несколько тысяч рублей. Назначенцы настаивали на том, чтобы истратить эти деньги на заем. Этот спорный вопрос передали на окончательное решение собрания уполномоченных кассы. Куйбышев начал подготавливать рабочих к собранию, чтобы сорвать подписку на военный заем.

— Эти сбережения необходимы для оказания помощи нуждающимся. Именно об этом надо говорить рабочим, выступая против подписки на заем, и тогда рабочая масса пойдет за нами.

Живой, умелый инструктаж Куйбышева не пропал даром. Предложение о подписке на военный заем было отклонено.

Куйбышев, не переставая, вел агитацию против войны, разоблачая преступную политику царского правительства. К этой агитации он привлекал рабочих-активистов, передавая им свой опыт подпольной работы. Он советовал им быть осторожными:

— Надо быть начеку, чтобы не вызвать подозрения у полиции и не провалить дело.

Несмотря на то, что революционной борьбе Куйбышев уделял много времени, он все же в часы своего досуга продолжал заниматься и литературно-художественным творчеством.

Но и на литературную работу он смотрел как на партийную. Он знал силу художественного слова, поэтому стремился каждое свое произведение насытить революционным содержанием. Некоторые из его стихотворений, призывавшие к борьбе, распространялись среди рабочих в рукописном виде и революционизировали их.

В Петрограде Валериан Владимирович писал не только стихи, но и рассказы. Рукопись одного из них («Воспоминание») сохранилась. Героем этого рассказа выведен революционер Ветров. Находясь в сибирской ссылке, он давал уроки гимназистке — племяннице местного купца — и знакомил ее с революционной литературой. Девушка вскоре бросила родных, тайком бежала в Петербург и начала самостоятельную, общественно полезную жизнь...

Под влиянием войны и под воздействием большевистской агитации заметно менялись

общественно-политические настроения как в Петрограде, так и во всей стране. Шовинистический угар, охвативший многих в первые месяцы войны, уже улетучился. Царская армия на фронте терпела поражение за поражением. В тылу росла разруха. Усиливались продовольственные затруднения. Трудовые массы, изнывавшие под тяжестью военных лишений и страданий, уже открыто выражали свое недовольство и готовы были на более решительные выступления. В этих условиях большевистская агитация против войны стала для царизма особенно опасной. Полиция усилила наблюдения за большевиками, всячески их преследовала.

Сильно беспокоила полицию революционная деятельность Куйбышева. За ним установили слежку.

Царская охранка имела основание опасаться неисправимого «крамольника». В обвинительном заключении «по делу В. В. Куйбышева» судебные власти так охарактеризовали его выдающуюся роль в петроградской большевистской организации: «Куйбышев являлся одним из наиболее активных представителей местной подпольной руководящей группы ленинцев, ликвидированной в конце апреля и в начале мая 1915 года, выполнявшей функции и носившей наименование Петроградский комитет РСДРП. После получения известий о московских беспорядках, в конце мая 1915 года, Куйбышев совместно с рядом других партийных работников (одновременно с ним арестованных) задался целью объединить в Петрограде социал-демократов всех оттенков и направлений, создать общую для них нелегальную партийную организацию и путем соответствующей агитации подготовить рабочие круги в столице к ряду революционных выступлений и беспорядков, долженствовавших, по предположениям его и его

единомышленников, послужить началом нового революционного вооруженного восстания».

6 июля 1915 года Валериана Владимировича арестовали на улице, вблизи Обводного канала. И хотя при обыске в помещении больничной кассы ничего не было обнаружено, а на допросе Куйбышев отрицал свою принадлежность к организации РСДРП (б) и от показаний по существу дела отказался, все же он был заключен в тюрьму.

Доносившиеся с воли вести о новом революционном подъеме, о росте стачечного движения подкрепляли веру в скорую победу революции. В общей камере среди заключенных были и меньшевики-оборонцы. В ожесточенных спорах с ними Куйбышев упрекал их:

— Вот вы говорите, что революционное движение не может развиваться во время войны. Утверждаете, что нужно дожидаться победы царя над немцами. А массы опрокидывают вверх ногами всю вашу меньшевистскую тактику. *И* революция никогда не простит вам этого вашего контрреволюционного оборончества!

И в этой тюрьме Валериан Владимирович всячески старался приободрить товарищей по заключению. В камере часто пели революционные песни: «Варшавянку», «Замучен тяжелой неволей» и другие. Сам Куйбышев декламировал свои стихи и стихи революционных поэтов. Как и всегда, песни и стихи воодушевляли заключенных, укрепляли их волю к дальнейшей борьбе и победе...

Но вот пришел приказ министра внутренних дел о высылке Куйбышева в административном порядке из Петрограда. И 18 августа 1915 года опасного революционера отправили в Иркутскую губернию на три года.

Уезжал он туда бодрым, жизнерадостным, целеустремленным. Он был убежден, что скоро наступит

революция. В письме к своим друзьям, оставшимся на свободе, он писал:

«Что пожелать? Заразйтесь от нас ликующей радостью и действуйте... Будьте бодры и радостны. Жизнь идет. Живи, ребята! Валериан».

НА ЗОВ ПАРТИИ

До Красноярска ссыльные держались вместе, могли свободно ходить по вагону, разговаривать. Многие из них крепко подружились.

В Красноярске сменилась стража. Новый конвой оказался строже прежнего. Ссыльных рассадили отдельно, им запретили общаться друг с другом. Солдаты грозили прикладами, осыпали женщин грубой бранью. Это возмущало Куйбышева. Он заявил протест. Его поддержали остальные ссыльные. Возмущение было так велико, что конвойным пришлось прекратить издевательства.

Приехали в Иркутск. Снова тюрьма. Когда Куйбышев и другие ссыльные вошли в камеру, то прежде всего бросились к окну, чтобы посмотреть, куда оно выходит: на дорогу или на тюремный двор.

Вдруг они услышали окрик:

— Нельзя подходить к окну, стрелять будут!

Это «старожилы»-заключенные предупреждали об опасности. Они рассказали, что были случаи, когда в арестантов, подходивших к окну, стреляли.

От Иркутска к месту ссылки заключенным нужно было сначала пешком пройти около тридцати пяти километров по грязной, размытой осенними дождями дороге.

В день отправки ссыльных выстроили по четверо в ряд, сковали кандалами рука об руку с соседом. Вокруг — конвой. Двинулись. Идти было тяжело. Навстречу дул резкий, холодный ветер. Под ногами хлюпала слякоть — снег с грязью. А отставать нельзя — солдаты били прикладами. Продрогший в своем стареньком осеннем пальто, Куйбышев шел, поддерживая под локоть ослабевшего соседа, подбадривая его шутками.

В пути один из ссыльных затянул унылую песню сибирских каторжан:

*Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль, —
Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль.
Динь-бом, динь-бом —
Слышен звон кандалный,
Динь-бом, динь-бом —
Путь сибирский дальний...*

Кое-кто стал подтягивать. Куйбышев же, нахмурившись, спросил соседа:

— Почему поют такую грустную песню? Ведь гораздо легче идти под веселый напев.

Вдруг сзади Валериана Владимировича звонко раздалось слова бодрой песни:

*Гей, друзья! Вновь жизнь вскипает.
Слышны всплески здесь и там...*

Валериан Владимирович обернулся. То пел юноша.

— Откуда ты знаешь мое стихотворение? — удивленно спросил Куйбышев.

— В нашей организации его все знали. Я переложил слова на музыку, и потом мы часто распевали эту песню, — объяснил юноша.

Валериан Владимирович стал подпевать юноше. К ним присоединились другие, и скоро пели ее уже хором.

Очень утомленные, до костей промерзшие, ссыльные пришли, наконец, на первую станцию тракта. Их загнали в маленькую темную камеру. Кто лег на нары, а кто — на пол. От большой усталости уснули крепко.

Дальше ехали на лошадях вплоть до села Тутуры — места ссылки, куда добрались 1 декабря 1915 года.

Небольшое село Тутуры Верхоленского уезда Иркутской губернии затерялось среди глухой тайги, примерно в трехстах пятидесяти километрах от железной дороги, на берегу реки Лены. Кругом безлюдье и суровая, жестокая природа. Осень здесь холодная, дождливая, а зима морозная, с лютыми ветрами. Снежные бураны и метели заносили жилье непролазными сугробами. Стужа порою бывала настолько невыносима, что зверье пряталось в норы, залегало в логовах по лесным оврагам, а птицы искали тихого пристанища на гумнах, под крышами сараев и домов. Скованные леденящим морозом, жалобно скрипели могучие деревья.

Куйбышев поселился в небольшой комнате, в одно окно. Кроме деревянной кровати, стола да стула, в ней ничего не было.

Молодой, бодрый, как всегда жизнерадостный, Куйбышев внес большое оживление в колонию ссыльных. Под его редакцией стал выходить журнал. Среди ссыльных Валериан Владимирович сумел разыскать людей, способных писать стихи, рассказы, статьи. Этих-то людей он и сплотил вокруг журнала. Нашлись и свои художники. Они готовили иллюстрации к рассказам и стихам.

В одном из своих стихотворений, помещенных в журнале, Куйбышев, обращаясь к городу, писал:

*Не прими за усталость, не прими за измену,
Ты, вместилище силы, мощный город-магнит.
Завтра снова с тобою, завтра снова надену,
С бодрым криком надену все доспехи для битв.
Но теперь я вне воли, но теперь я мечтаю,
Я мечтаю вдали от друзей и врагов.
Предо мною равнина без предела, без краю.*

Нет предела для солнцем залитых снегов...

Журнал был рукописный. После того как очередной номер прочитывали в Тутурах, его отправляли в другие села к ссыльным, и так он переходил из рук в руки, привлекая новых читателей и корреспондентов, распространяя революционные идеи и среди местного населения.

В ссылке Куйбышев читал очень много. Каждую ценную книгу или брошюру, доходившую сюда, он внимательно перечитывал. А в длинные зимние вечера ссыльные часто собирались у него, и тогда разгорались горячие споры о войне и текущих задачах революционной борьбы, о литературе и искусстве. Большое внимание Куйбышев уделял организации и сплочению большевистских кадров. Он сумел установить связь с ссыльными Верхотенского уезда и организовал первую конференцию ссыльных. На конференции Куйбышев выступил как воинствующий большевик, призывая крепить революционные ряды и готовиться к предстоящим великим боям. В своем докладе он подробно изложил ленинские взгляды на войну и задачи партии.

Как и в Нарыме, Куйбышева очень уважали в Тутурах. Особенно любила его крестьянская молодежь. Юноши и девушки часто обращались к нему и просили его позаниматься с ними по математике, истории. И Куйбышев никому не отказывал. Такие занятия превращались в беседы на политические темы.

Однажды один из юношей попросил его объяснить смысл слов: «Замучен тяжелой неволей». Эту песню местная молодежь часто слышала от ссыльных.

— Вот вы в неволе, а какой веселый, — заметил юноша.

Куйбышев рассказал ему о жестоких полицейских преследованиях, о царских тюрьмах и застенках, о каторге, где гибнут тысячи революционеров.

— Что же, и вас ждет такая же участь? — спросил растроганный юноша.

— Возможно.

— И вы не пугаетесь?

— Нет, не пугаюсь.

— Да, видно, что вы за хорошее дело, за правду боретесь, — промолвил юноша, проникаясь еще большей любовью и уважением к Валериану Владимировичу.

Встречаясь с крестьянами, Валериан Владимирович разъяснял им смысл кровавой бойни, затеянной империалистами:

— Эта война выгодна богатым, а бедным она приносит горе, страдания. Эту войну надо превратить, и она будет превращена в войну гражданскую...

Радостные вести о приближавшейся революции уже доносились в глухие Тутуры. Партия призывала к борьбе. Отрезанный дремучей тайгой от внешнего мира, Куйбышев рвался в Россию. Он не мог больше оставаться в сибирском захолустье и решил бежать.

В марте 1916 года один крестьянин тайно от полиции отвез Куйбышева в Качуг — большое торговое село, расположенное на полпути к Иркутску. А оттуда с попутным обозом Куйбышев двинулся дальше.

О побеге Куйбышева полиция узнала лишь через несколько дней. Обычно два раза в неделю к ссыльным на дом приходил стражник, чтобы проверить, все ли налицо, не убежал ли кто-нибудь. Пришел стражник и в избу, где жил Куйбышев. Но там его не оказалось. Хозяева сказали, что он, вероятно, ушел к товарищам.

— А здесь ли он, в Тутурах? Не сбежал ли? — усомнился стражник.

— Тут, куда денется.

Прошло еще три дня. Снова зашел стражник.

— Где Куйбышев?

Хозяева, встревоженные исчезновением ссыльного, признались стражнику:

— По слухам, в Качуг уехал...

— Как в Качуг! — вскричал стражник. — Да как он смел самовольно отлучиться! Что, он закона не знает?

Бросился стражник в ближайшее село, где был телеграф. Запросил Качуг:

— Прибыл к вам Куйбышев?

— Нет, не видали, — ответили.

Тут стало ясно, что Куйбышев бежал. Сообщили об этом исправнику. Тот вынужден был донести своему начальнику:

«Сообщаю вашему высокоблагородию, что административный Валериан Владимиров Куйбышев, высланный в порядке 34 статьи Положения о государственной охране, с места водворения (село Тутуры) скрылся.

Приметы Куйбышева — 28 лет, рост — 2 арш. 7 ⁵/₈ верш., волосы черные, глаза серые, лицо чистое».

САМАРСКИЙ ФРЕЗЕРОВЩИК

После побега из иркутской ссылки Валериан Владимирович приехал в Самару с явкой к одному товарищу, работавшему в пекарне Неклютина. В этой же пекарне устроили и Куйбышева табельщиком под именем Иосифа Андреевича Адамчика.

Самара к этому времени стала одним из крупнейших городов Поволжья. Расположенная на весьма выгодных водных и железнодорожных путях, Самара быстро росла. Ее население лишь за сорок лет утроилось и в 1916 году превышало полтора ста тысяч человек. Сельскохозяйственное сырье богатейшего края способствовало развитию пищевой промышленности. Это был центр волжских миллионеров — мукомолов и пивоваров. Быстро росли и расширялись также механические и другие заводы. Все это сопровождалось значительным увеличением промышленного пролетариата.

Среди самарских рабочих в 1916 году под влиянием большевистской агитации очень усилились антивоенные настроения. На заводах и фабриках учащались забастовки. Готовый к более решительным революционным выступлениям, самарский пролетариат нуждался в таких политических руководителях, как Куйбышев.

Поселился он в доме № 83 по Предтеченской (ныне Некрасовской) улице. Жил в маленьком темном чуланчике. Никакой мебели в нем не было. Вместо постели на полу лежали два полена и на них дверь. Эта «кровать» была прикрыта тонким одеялом.

Вскоре Куйбышев уволился из пекарни и перешел на работу в кооператив «Самопомощь» конторщиком. В помещении кооператива иногда происходили тайные

собрания рабочих. Это-то и было важно для Куйбышева, искавшего связей с массами.

С той же целью он стремится поступить на Самарский трубочный завод. Этот военный завод вырабатывал снаряды, был крупнейшим в Самаре и являлся центром революционного движения. Там насчитывалось свыше двадцати тысяч рабочих. Среди них было много высланных большевиков. На этом заводе, кроме официального стола найма рабочей силы, существовал неофициальный, подпольный. Он состоял из революционно настроенных высококвалифицированных рабочих, задачей которых было дать квалификацию тем, кто приходил на завод для революционной, подпольной работы.

Конечно, новые, неопытные товарищи часто ломали инструменты. Чтобы из-за этих поломок мастера цехов не могли заподозрить и разгадать деятельность большевиков-подпольщиков, надо было иметь запасные инструменты и быстро ликвидировать неисправности, а также помогать новичкам-подпольщикам овладевать специальностью. Это и делал подпольный стол найма рабочей силы.

Однажды к рабочему завода Дмитриеву, фрезеровщику шестой мастерской, подошел приемщик Быков и, осторожно оглянувшись, сказал:

— Вот что, Дмитриев, я к тебе приведу человека... нашего... Понимаешь? Будешь обучать фрезерному делу.

Вскоре Быков действительно пришел к нему с Куйбышевым-Адамчиком.

«Это, видно, большой человек, — подумал Дмитриев. — Его послала к нам на завод партия. Надо помочь ему...» И начал обучать Адамчика.

Первое время у Валериана Владимировича тоже были поломки. При затяжке гаек на болтах у него часто срывалась резьба, фрезы на оправках разлетались в куски. Приставленный к нему Дмитриев еле успевал

исправлять поломки. Однако вскоре Куйбышев освоил станок и стал не только выполнять, но и перевыполнять норму.

— Ну, как новый подмастерье-то? — спросил приемщик Быков, повстречав Дмитриева. — Успевает?

— Успевает вполне, — ответил тот, хитровато подмигивая. — Ученик толковый.

Вспоминая об этом впоследствии, Валериан Владимирович признавался:

— К концу моей работы на заводе я вырабатывал норму большую, чем любой старый фрезеровщик. Дело доходило до того, что мои партийные товарищи приходили ко мне и просили вырабатывать меньше, чтобы не снижать общий заработок рабочих.

Фрезерный станок был лишь ширмой, за которой скрывалась настоящая, революционная работа Куйбышева. Вскоре он сумел создать на заводе восемь подпольных кружков. Их руководителями стали наиболее передовые рабочие, подготовленные и воспитанные Куйбышевым.

Рабочие завода часто собирались в курилках. Там у них разгорались политические споры и беседы. Курилки заменяли им клуб. Куйбышев тоже заходил туда и беседовал с рабочими. Он говорил о том, как живут рабочие в царской России, как их угнетают и эксплуатируют капиталисты. Осторожно, не открывая сразу своей принадлежности к большевистской партии, он объяснял, кому выгодна кровавая бойня, за что борются большевики, какие требования должны предъявлять рабочие своим хозяевам. Слушать его любили. Говорил он просто, понятно.

— Для кого и для чего мы готовим снаряды? — с этого вопроса Валериан Владимирович обычно начинал беседу и затем разъяснял смысл империалистической, захватнической войны.

Через особо доверенных рабочих он распространял революционные прокламации.

— Раздавайте ребятам, — говорил он, передавая каждому по свертку листовок. — Но смотрите, осторожнее...

Революционная деятельность Куйбышева на трубочном заводе была успешной потому, что вместе с ним здесь работали другие опытные большевики-подпольщики. Таким был Николай Михайлович Шверник. В Самаре он появился в 1915 году после неоднократных арестов и ссылок. Работая в большевистских организациях Петербурга, Николаева и Тулы, Н. М. Шверник приобрел большой опыт революционной работы. И этот опыт он умело применял в подпольной большевистской организации трубочного завода, поднимая рабочих на борьбу против царизма и капитализма.

На трубочном заводе в то время работал слесарем-электромонтером Алексей Петрович Галактионов, талантливый организатор рабочих масс. В 1905 году семнадцатилетний юноша Галактионов вступил в большевистскую партию и с тех пор самоотверженно боролся за свободу трудового народа. В мрачные годы столыпинской реакции царская охранка всячески преследовала А. П. Галактионова. Но ни аресты, ни тюрьмы, ни ссылки не смогли сломить волю молодого большевика к борьбе. В 1915 году он вернулся в свой родной город Самару и возобновил революционную работу. На трубочном заводе он вербовал рабочих в подпольные кружки и руководил нелегальной страховой кассой, которая помогала семьям рабочих, подвергавшихся полицейским преследованиям.

Почти одновременно с Н. М. Шверником и А. П. Галактионовым в Самару приехали из ссылки нелегально, под фамилией Левандовских, большевики Франциск Иванович Венцек и его жена Серафима

Ивановна Дерябина. Они также активно вели революционную работу среди рабочих трубного завода и в кооперативе «Самопомощь».

Здесь же, в Самаре, В. В. Куйбышев встретился со своим старым партийным товарищем А. С. Бубновым. В то время он был одним из руководителей самарской большевистской организации.

Вместе с этими боевыми партийными друзьями Куйбышев проводил подпольные сходки, вел борьбу с меньшевиками и эсерами, влияние которых на рабочих благодаря этому стало значительно ослабевать. Рабочая масса шла теперь за большевиками. Особенно ожесточенная борьба велась по вопросу о революции, о том, как обеспечить ее победу: должны ли рабочие с оружием в руках захватить власть или достаточно им проголосовать и мирно получить власть от буржуазии. Куйбышев убедительно доказывал, что без борьбы достичь этого невозможно. В подтверждение он приводил примеры из истории. Рабочим становилась ясна и понятна необходимость вооруженного восстания.

На заводе готовились к забастовке. Предварительно должен был состояться общезаводской митинг. Накануне Куйбышев собрал большевиков-рабочих. Он говорил им о том, как нужно выступить на митинге:

— Главное, не поддавайтесь на провокации. Этого начальство и жандармы только и ждут, чтобы приступить к расправе. Отпора мы им пока дать не сможем, не в силах.

И действительно, когда начался митинг, полиция и войска окружили рабочих. Начальник завода генерал Зыбин стал угрожать:

— Расходитесь немедленно, иначе прикажу стрелять...

Солдаты взяли ружья на изготовку. Но рабочие продолжали спокойно стоять. Они внимательно выслушали речи Галактионова, Куйбышева и других

товарищей и- только после этого стали расходиться. Забастовка была объявлена.

Куйбышев активно участвовал и в общегородской партийной жизни. Он помог восстановить разгромленный жандармами городской комитет РСДРП (б). 6 августа 1916 года в тридцати километрах от Самары, около Красной Глинки, собрались руководители фабрично-заводских большевистских организаций. На этом собрании были избраны городской комитет партии, организационный комитет по созыву Поволжской конференции большевиков и пропагандистская коллегия. Председателем коллегии избрали Куйбышева, а в числе избранных в организационный комитет были А. С. Бубнов, В. В. Куйбышев и Н. М. Шверник.

Необходимость в созыве конференции большевиков Поволжья уже давно чувствовалась. Нужно было установить во всех поволжских губерниях общую тактику по многим вопросам, связанным с войной, избрать областной комитет для руководства всеми большевистскими организациями Поволжья.

Жандармы, предупрежденные провокатором Соловьевым-Сапожковым о созываемой конференции, установили усиленную слежку за самарскими большевиками, особенно за членами организационного комитета. С большим трудом Куйбышеву удалось наладить связь с иногородними большевистскими организациями, согласовать с ними повестку дня, договориться о месте и времени конференции.

Конференция собралась в Самаре вечером 13 сентября 1916 года в доме № 13 по Вознесенской улице (в настоящее время улица Степана Разина). Здесь были представлены большевистские организации Самары, Саратова, Нижнего Новгорода, Пензы, Оренбурга.

Валериан Владимирович условился, что он придет на конференцию последним, чтобы убедиться, не следят ли шпики за домом, в котором собрались делегаты. Он

осторожно подошел к месту конференции и, проходя мимо угла квартала, где был расположен дом, заметил подозрительного человека, который, взглянув на него, посмотрел на часы. Против этого квартала был расположен Александровский сад. Вместо того чтобы прямо идти на конференцию, Куйбышев прошел в сад и оттуда стал наблюдать. Вскоре он увидел, что мимо дома прошел другой подозрительный человек, помахивая тросточкой и пристально вглядываясь в окна дома. Затем этот человек снова прошел уже в обратном направлении, так же помахивая тросточкой и всматриваясь в окна. Это окончательно убедило Куйбышева в том, что конференция провалилась.

«Надо во что бы то ни стало предупредить товарищей», — подумал Валериан Владимирович.

Он поднялся с садовой скамейки и в тот момент, когда шпик завернул за угол, одним прыжком перемахнул через садовую ограду и бросился в дом, где его с нетерпением ожидали делегаты конференции.

— Немедленно разойтись! — проговорил Куйбышев, вбежав в комнату. — За нами следят шпики...

Некоторые запротестовали:

— Все это пустяки, ложная тревога...

Убеждать и доказывать не было времени. Куйбышев почти силой выпроводил всех из квартиры. Партийные документы и дела он заставил сжечь, а некоторые спрятал в надежном месте.

Едва все разошлись, явились шпики и жандармы. Они никого уже не застали.

Но через несколько дней А. С. Бубнов, П. А. Стяжкина и другие участники конференции были арестованы. Куйбышева арестовали в ночь на 18 сентября и заключили в тюрьму. Позже в той же тюрьме оказался А. П. Галактионов, Яков Бауэр, Жан Бауэр и другие активисты самарской большевистской организации.

Куйбышева арестовали по паспорту Адамчика. В паспорте значилось, что он сын крестьянина. Это показалось подозрительным: Адамчик не был похож на крестьянина. Жандармы подумали, что они поймали особо важного преступника-каторжанина. Жандармский полковник Познанский на допросе прямо заявил Куйбышеву:

— Вы не Адамчик. Вы бежали с каторги, и, следовательно, мы должны снова угнать вас туда.

Но арестованный продолжал утверждать, что он — Адамчик.

Через несколько дней на очередном допросе Валериан Владимирович признался, что он действительно не Адамчик, а бежавший из ссылки Куйбышев и что никакой каторги ему не смогут дать.

Негодованию жандарма не было удержу. Он кричал на Куйбышева:

— Вы врете! Мы вас разоблачим!

— Господин полковник, не волнуйтесь. Посмотрите ваши архивы. Вы там, наверное, разыщете мои фотографии и убедитесь, что я действительно Куйбышев.

Через несколько минут Познанский вернулся с пачкой фотографий и с точными сведениями о Куйбышеве. Полковник был огорчен: ему не удалось угнать Валериана Владимировича на каторгу. Однако озлобленный жандарм все же отомстил: он добился ссылки Куйбышева в Туруханский край на пять лет, в то время как большинство остальных арестованных пошло в иркутскую ссылку, менее суровую и на меньший срок.

Но прежде чем отправиться в ссылку, Куйбышеву пришлось провести много томительных дней в тюремном заключении. Сколько он передумал за это время! Как часто он вспоминал тех, кто остался там, на воле, и продолжал революционную борьбу! Иногда ему удавалось послать им весточку о себе.

Как-то декабрьским вечером Куйбышев сидел в общей камере. За окованной жестью дверь в глухой тишине порою раздавались резкие, грубые окрики тюремщиков, ответные голоса заключенных, то робкие, пугливые, то смелые, раздраженные. Иногда к двери приближались шаги и кто-то заглядывал в волчок. Куйбышев встал, подошел к оконцу. За окном стояла нудная темнота. Лишь изредка сквозь рваные облака выглядывала луна.

Куйбышев присел к столику, взял лист бумаги и, низко склонившись над ним при тусклом освещении, начал писать своему товарищу по самарскому подполью:

«Сильно мне захотелось побеседовать с вами на прощанье. Скоро ссылка. Тысяча верст, суровая мачеха моя — Сибирь, долгие месяцы и годы ссылки — все это стоит между мною и моими здешними друзьями, с которыми я пережил немало светлых минут. Выдержит ли дружба эти испытания?..»

Валериан Владимирович задумался, перестал писать. Он встал и начал шагать по камере, потом снова принялся писать:

«Сейчас ходил по камере, курил свою неизбежную папиросу (превращенную здесь в козью ножку)...

Что вам сказать о нашей здешней, так сказать, жизни? Я здоров и бодр. Большого при данных условиях от меня требовать нельзя, я думаю...

Внешне моя жизнь последнее время идет так. В половине шестого встаю. Напившись чаю, иду на работу в столярную мастерскую; в 12 часов обед, потом опять работа до 6 часов. После работы и ужина читаешь и засыпаешь с книгой. Время идет быстро с тех пор, как стал работать, и едва успеваешь зачеркивать в календаре прожитые дни».

Послышались приближающиеся шаги. Кто-то подошел к камере. Заскрежетал железный засов.

Куйбышев как бы очнулся и быстро набросал еще две, последние строчки:

«Надо сдавать письмо. Целую Вас и всех.
Валериан».

Куйбышев всячески пытался разузнать, что же происходит там, за тюремными стенами. Иногда доходили до него радостные вести о нараставшей революционной борьбе по всей стране, на фронтах. И он рвался на волю, туда, где так нужен был каждый боец.

Однажды Валериан Владимирович попытался организовать побег. Но этому помешал еще неразоблаченный провокатор Соловьев-Сапожков. Его преднамеренно посадили в тюремную камеру вместе с арестованными большевиками. Узнав от них о готовившемся побеге, провокатор донес об этом в охранку. Тюремщики еще более усилили надзор за заключенными, особенно за Куйбышевым...

Но вот наступил и день отправки в ссылку.

Когда заключенным объявили об этом, Валериан Владимирович написал стихотворное обращение к своим друзьям, оставшимся на свободе:

*Тянулась нить дней сумрачных, пустых,
Но мысль о вас, о милых и родных,
Тоску гнала. Улыбка расцветала,
И радость бурная по камерам витала.
Мы светло грезили о счастье дней былых.
Мы в путь пошли под звуки кандалов,
Но мысль бодра и дух наш вне оков,
Когда увидели мы лица дорогие,
Заботы милые, улыбки молодые,
Веселый смех и ласку милых слов.
И там вдали, в снегах страны чужой,
Ваш образ милый, бодрый, дорогой
Растопит лед суровой, злой неволи*

*И воскресит мечту о светлой, гордой доле,
О днях грядущих, наполненных борьбой.*

Валериан Владимирович подозвал к себе товарищей по камере и прочитал им эти стихи. Они очень хорошо выражали настроение заключенных, и потому все охотно подписали их и переслали на волю своим партийным друзьям.

Перед отправкой в ссылку заключенным стали выдавать отобранные при аресте часы, деньги, документы. Тюремный надзиратель, выдавая документы, тщательно выверял анкетные сведения о каждом заключенном. Когда он прочел: «Валериан Владимирович Куйбышев, сын полковника», то добавил:

— Жаль, был бы теперь офицером...

— У нас он будет генералом, — слышалось в ответ.

Из Самары ссыльных отправили 25 января 1917 года, когда уже чувствовалось приближение революции. Поэтому тюремное начальство несколько ослабило строгости. Воспользовавшись этим, к высылаемым в тюремную камеру пришли попрощаться многие рабочие-партийцы.

И у тюремных ворот толпились сотни рабочих, пришедших проводить своих товарищей. Несмотря на трескучий мороз и снежную вьюгу, все терпеливо ожидали появления ссыльных.

Кто-то запел «Сижу за решеткой», и сотни голосов подхватили эту печальную мелодию.

Но вот из ворот стали выводить ссыльных. Звenea кандалами, они строились в ряды, а затем в окружении конвойных тронулись к вокзалу.

По дороге толпа провожавших настолько увеличилась, что полиция была бессильна разогнать ее. Где-то раздобыли цветы и бросали их ссыльным. А те

подхватывали букеты и бережно несли в руках, предохраняя цветы от январского мороза.

«Да, значит, мы дороги рабочим, — думал про себя Куйбышев, слыша приветственные, сочувственные возгласы. — Они с нами... Мы теперь сильны, как никогда... И победа будет за нами!»

Пришли на вокзал. Ссылных подвели к поезду и стали рассаживать по вагонам. Туда же конвойные вносили подарки ссылным от рабочих: караваи хлеба, булки, калачи, колбасу, сало, одежду, книги, журналы. Подарков было так много, что их до вокзала везли на санях.

Поднимаясь по ступенькам арестантского вагона, Куйбышев оглянулся и ласково, благодарно посмотрел на провожавших, прокричав им бодро, приветливо:

— До свидания, товарищи! До свидания, друзья! Мы скоро вернемся к вам. Вернемся с цветами!

А затем, когда его ввели в вагон и поезд тронулся, он еще раз взглянул на провожавших сквозь оконные решетки и крикнул им:

— Не горюйте, друзья, скоро увидимся!..

«В. В. Куйбышев у станка на трубочном заводе в Самаре»

С картины художника В. Сварога.

«Приезд В. В. Куйбышева из ссылки в Самару».

С картины художника В. В. Соколова.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Потянулись длинные дни и ночи езды в душном арестантском вагоне, переполненном ссыльными. Ночью наверху мигала свеча. Внизу, под полом, монотонно гроыхали колеса. За окном одна за другой проплывали станции, мелькая тусклыми фонарями.

Кое-кого из ссыльных страшила глухая, суровая Сибирь, где они будут обречены на холод и голод, на тяжкие испытания.

Наблюдая за душевными страданиями этих товарищей, Валериан Владимирович чувствовал, что многие из них нуждаются в нравственной поддержке. Он часто беседовал с ними, уверял, что Сибирь не так страшна, как она кажется им:

— Вот я побывал в ссылке и не в одной, а в трех: в Каинске, в Нарыме и в Иркутской губернии. Но, как видите, не погиб там, выжил... Выживете и вы, тем более что недолго придется быть там: ведь скоро, скоро революция...

Однажды, беседуя с товарищами, Куйбышев сказал им:

— Вот послушайте — прочту вам свое стихотворение.

*Скоро свобода! И сердце невольно
Трепетно бьется и жадно и больно...
Искры мечты о неведомой дали
В сердце больном так светло засверкали.
Будет ли отдых глухому страданью?
Будут ли силы отдаться желанью?
Хватит ли силы забыть дни позора?
Сердце вместит ли потоки простора?
Поезд стучит монотонно до боли...
Годы страданий, глухой, злой неволи*

*Так приучили к больному ненастью...
Силы нет верить ни жизни, ни счастью.
Ветер ворвался с просторных полей.
Бодростью, силой, свободой своей
Он воскресил светлых грез красоту,
Страстную жажду, святую мечту.
Путник усталый! Кручину развей!
Свергни кошмар долгих, тягостных дней!
Верь: не убили всех сил палачи!
Не говори же надежде: «Молчи!»
Верь: будет счастье, придет и любовь.
Силой и жизнью наполнится кровь.
Смело и дерзко бокал жизни пей!
Шире раскрой грудь для счастья лучей!*

Это стихотворение Валериан Владимирович написал 16 февраля 1917 года, в поезде, по пути в ссылку. В поэтических строках удачно выражены не только чувства самого Куйбышева, его твердая вера в скорое освобождение, но и настроения тех ссыльных, которые не были так крепки духом, нуждались в теплом, товарищеском, ободряющем слове...

Путь в туруханскую ссылку лежал через пересыльные тюрьмы в Оренбурге, Челябинске, Ново-Николаевске, Красноярске. Сколько лишений и оскорблений пришлось изведать ссыльным!

Но все невзгоды и притеснения Куйбышев переносил стойко и мужественно.

До красноярской тюрьмы партия ссыльных добралась 25 февраля, накануне Февральской буржуазно-демократической революции, не подозревая о том, что делается в центре, в Петрограде.

Из Красноярска до места ссылки надо было идти пешком. Узнав, что очередная группа ссыльных выходит через день, Куйбышев, Бубнов и другие товарищи стали

настаивать на включении их в эту группу, так как иначе им пришлось бы сидеть в тюрьме несколько месяцев в ожидании отправки следующей партии ссыльных: весной и летом болотистая тундра становилась непроходимой.

Начальник тюрьмы решительно отказал в их просьбе.

Тогда ссыльные потребовали прокурора. Но начальник тюрьмы и это требование отклонил. Они стали выражать резкий протест — шуметь, стучать. На следующий день, 26 февраля, прокурор все же появился. Ссыльные заявили ему:

— Отправьте нас завтра же с этой партией. Мы ссыльные. Какое имеете право держать нас в тюрьме несколько месяцев?

И вдруг неожиданно для всех прокурор охотно согласился:

— Хорошо. Если вы хотите — завтра же отправляйтесь.

Ссыльные не знали, что уже началась революция и что прокурор решил угнать их подальше от революционных событий.

Их погнали в тот страшный, отрезанный от всего культурного мира Туруханский край, откуда выбраться, бежать невозможно. Это был край безлюдный: на огромном пространстве его необозримых тундр в то время жило всего около трех тысяч русских и около восьми тысяч якутов, ненцев, эвенков, хантов. Даже село Монастырское — «столица» этого обширного края — состояло лишь из тридцати пяти домов с населением в сто восемьдесят пять человек. При такой малолюдности края беглецу надо было пробираться от жилья к жилью неделями, летом — по топким болотам, зимою — по непролазным сугробам. Побег при таких условиях был выше человеческих сил.

Но Куйбышев не унывал и не отчаивался. Отправляясь в туруханскую ссылку, он надеялся, что революция освободит его.

Империалистическая война, предпринятая царем в расчете на подавление революции, привела к падению русского самодержавия. Небывалая хозяйственная разруха в стране, порожденная войной и обрекавшая трудовые массы на нищету и голод, невыносимые страдания на фронте и бессмысленная смерть, опустошавшая солдатские окопы, тяжелые поражения русских армий как следствие бездарности и измены царских генералов и министров — все это вызывало ненависть трудящихся к царизму. Недовольна была и буржуазия. Она опасалась, что царское правительство, явно неспособное вести победную войну, заключит сепаратный мир с немцами и тем самым лишит ее военных прибылей и возможности захватить новые рынки. Опасались заключения царским правительством сепаратного мира также правительства Соединенных Штатов Америки (США), Англии и Франции.

Царизм, оставшийся без поддержки и в своей стране и за рубежом, был низвергнут. 27 февраля 1917 года власть перешла к Временному комитету Государственной думы. Был создан Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, первое заседание которого состоялось вечером 27 февраля. Через два дня было сформировано Временное правительство из представителей буржуазных и мелкобуржуазных партий.

Куйбышев и его товарищи, не зная, что царизм уже свергнут, 27 февраля вышли из красноярской тюрьмы, скованные попарно рука в руку.

Во время одного из привалов в пути конвойный начальник попросил Валериана Владимировича выделить кого-нибудь из ссыльных для занятий с ним по

алгебре и геометрии. Куйбышев посоветовался с товарищами. Решили помочь начальнику, но за это потребовали для себя льгот: снимать кандалы на привалах и покупать продукты в попутных селах. Начальник согласился. Заниматься с ним поручили Валериану Владимировичу.

Пройдя около двухсот километров, 6 марта партия ссыльных пришла в село Бобровка. Расположились на отдых. Политических расковали. Они начали завтракать, пить чай.

Вдруг к Куйбышеву подбежал конвойный солдат:

— Вас требует начальник конвоя.

Валериан Владимирович подумал, что начальник вызывает его заниматься, и потому недовольно ответил:

— Вот напьюсь чаю и приду.

Через несколько минут конвойный опять появился:

— Начальник требует вас немедленно.

Куйбышев рассердился:

— Что я, разве обязан заниматься? Скажите ему, что я не нанялся к нему, а занимаюсь добровольно.

Солдат ушел, но вскоре возвратился:

— Вас господин начальник просит не для занятий. Другое, срочное дело у него к вам.

Недоумевая, Куйбышев пошел в караульное помещение. Там начальник сидел за длинным столом в окружении солдат. Он протянул Куйбышеву какую-то бумажку и сказал:

— Прочтите и разъясните.

Валериан Владимирович пробежал глазами бумажку. Это была телеграмма, извещавшая о свержении царя, о формировании Временного правительства и об амнистии политическим. Валериан Владимирович хотел бежать к товарищам, чтобы сообщить им радостную весть. Но начальник конвоя задержал его:

— Объясните!

— Что же объяснять? Произошла революция. Мы амнистированы. Мы свободны.

— Нет, вы объясните как следует... Почему это? Без этого мы вас не выпустим отсюда.

Куйбышеву пришлось подчиниться, тем более что и ему было интересно, важно рассказать солдатам о происшедших событиях.

— Ну, а теперь идите. Только никому не говорите, — предупредил начальник конвоя, отпуская Куйбышева.

— Что вы, с ума сошли? Революцию в кармане не спрячешь.

— Значит, расскажете?

— Конечно, расскажу.

— Ну, хорошо, только имейте в виду, что если вы попытаетесь организовать побег, задержу вас... будем стрелять.

— На каком основании? Какое вы имеете право?

— Я присягал царю и пока не буду убежден в том, что действительно царь свергнут, до тех пор я вас не отпущу.

Когда Куйбышев вернулся к товарищам, те, ничего не подозревая, продолжали спокойно отдыхать.

— Товарищи, революция!

Все с недоумением и недоверием посмотрели на Куйбышева.

— Да, товарищи, революция!

И Куйбышев рассказал о случившемся. Ссылные друг друга поздравляли, торжественно запели «Марсельезу».

Затем начали обсуждать, как быть, что предпринять. Вызвали начальника конвоя и потребовали освобождения. Но тот отказался:

— Я не знаю, может быть, власть действительно сменилась. Я буду всякой власти служить. Но я присягал царю, и, пока твердо не узнаю, что царь свергнут, я не могу вас освободить.

— Что же делать? — совещались между собою ссыльные. — Если мы попытаемся освободиться силой, то, может быть, половина из нас будет убита. А между тем через день-два и так будем освобождены.

На следующее утро ссыльные позволили заковать себя в кандалы и двинулись дальше.

8 марта, подходя к ближайшему селению Казачинскому, они издали увидели людей с красными флагами. Это шли демонстранты, чтобы освободить их. Но начальник конвоя опять предупредил, что он прикажет солдатам стрелять в ссыльных, если они попытаются уйти из-под конвоя. И на этот раз пришлось подчиниться насилию. Конвойный начальник запер ссыльных в «этапку», а сам ушел разузнавать, действительно ли сменилась власть в столице.

Ушел — и пропал, скрылся. Часа через три какой-то солдат открыл дверь и освободил заключенных.

Валериан Владимирович решил немедленно направиться в Россию, туда, где он был нужен, где его ожидала революционная борьба за полное освобождение трудящихся.

Куйбышев договорился с Бубновым ехать вместе. В их пальто были зашиты деньги. Теперь они оченьгодились. Куйбышев и Бубнов на эти деньги наняли подводу и поехали в Красноярск, а оттуда вместе с группой других ссыльных выехали по железной дороге в Самару.

В день их приезда, 17 марта 1917 года, на вокзал пришли со знаменами рабочие всех фабрик и заводов. Подошел поезд. Первым из вагона вышел Куйбышев. Его краткая речь прозвучала бодрым призывом к победной борьбе.

Центральный Комитет партии оставил Куйбышева в Самаре для руководства революционной борьбой самарского пролетариата. Бубнов же вскоре был отозван в Москву, а затем в Петроград. Там он принял участие в

подготовке и проведении Великой Октябрьской
социалистической революции.

В БОРЬБЕ ЗА ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ

Узнав о свержении царизма в Петрограде, самарская буржуазия и чиновничество пытались удержать власть в своих руках. 1 марта 1917 года городская дума сформировала «особый временный городской комитет безопасности». В него вошли миллионер-мукомол Башкиров, помещик Осоргин, князь Кугушев, редактор буржуазной газеты «Волжское слово» Ветров и другие. Через несколько дней этот комитет для маскировки переименовался в «комитет народной власти».

Но это было явным обманом. «Комитет народной власти», по существу, хотел сохранить старую, антинародную власть, установив полный контакт с губернатором князем Голицыным и другими царскими чиновниками, остававшимися на своих местах. И комитет и губернатор призывали население города к «благоразумию и спокойствию».

Однако самарские рабочие не пожелали быть «благоразумными и спокойными». На всех предприятиях происходили бурные собрания. Заводы и фабрики прекратили работу. Городские улицы и площади наполнились демонстрантами. Рабочие разоружали полицию и жандармерию, освобождали политических заключенных из тюрьмы, арестовывали представителей старой, царской власти. Прежде всего подвергся аресту жандармский полковник Познанский, который еще так недавно отправил Куйбышева и других большевиков в ссылку.

В противовес буржуазному, контрреволюционному комитету рабочие 1 марта сформировали свой «временный рабочий комитет» и обязали его немедленно провести на заводах и фабриках собрания

для избрания Совета рабочих депутатов. Выборы состоялись на второй же день — 2 марта 1917 года.

Но в Совете составилось эсеро-меньшевистское большинство. Наиболее опытные самарские большевики томились в сибирской ссылке. Воспользовавшись их отсутствием, меньшевики и эсеры сумели обмануть многих рабочих и навязали своих кандидатов. Поэтому Совет рабочих депутатов на первых порах стал проводить соглашательскую политику, поддерживал «комитет народной власти» и даже послал в него своих представителей.

Куйбышев быстро разобрался в создавшейся обстановке. Он понял, что для успеха революции необходимо решительно, без остатка уничтожить все охвостье царизма и вместе с тем разоблачить до конца предательскую роль соглашателей, высвободить рабоче-крестьянские массы из-под эсеро-меньшевистского влияния, направить их на путь революционной, пролетарской борьбы. К разрешению этих неотложных политических задач Валериан Владимирович приступил немедленно.

В этом ему помогали его партийные друзья по самарскому подполью — Н. М. Шверник, Ф. И. Венцек, С. И. Дерябина, вернувшийся из сибирской ссылки А. П. Галактионов и новые боевые соратники.

Одним из них был Александр Александрович Масленников. Еще в 1905 году, будучи пятнадцатилетним гимназистом, он участвовал в ученических политических кружках, распространял листовки среди рабочих Путиловского завода. Позже он прошел серьезную школу в большевистском подполье. Аресты, тюремные заключения, ссылки закалили его волю. В 1915 году А. А. Масленникова отправили в туруханскую ссылку. Он отбывал ее вместе с Я. М. Свердловым, И. В. Сталиным и другими большевиками. Общение с этими людьми еще более

укрепило в нем революционный дух. Из ссылки, после Февральской революции 1917 года, А. А. Масленников приехал в Самару вполне сложившимся партийным деятелем.

Февральская революция также вернула из ссылки Александра Арсеньевича Буянова, ветерана рабочего движения в Самаре, бывшего председателя Самарско-комитета РСДРП, и Александра Дмитриевича Кузнецова, которого царская охранка в 1906 году арестовала и приговорила к восьми годам каторжных работ, а затем сослала в Сибирь на вечное поселение за боевое участие в революционной борьбе самарского пролетариата.

Ближайшим соратником Куйбышева стал и Владимир Петрович Мяги, известный самарским рабочим по революционному подполью 1914-1915 годов и теперь вернувшийся в Самару из сибирской ссылки.

Таким образом, в Самаре собралась значительная группа опытных большевиков. Самарские рабочие оказали им полную поддержку и доверие. Уже через несколько дней после возвращения Куйбышева из ссылки они, несмотря на сопротивление меньшевиков и эсеров, послали его своим депутатом в Совет, а затем вскоре Куйбышев был избран председателем президиума Совета, а заместителем — А. П. Галактионов. Одновременно самарские большевики ввели Куйбышева и в состав партийного руководства. На первой губернской партийной конференции, состоявшейся в апреле 1917 года, Куйбышева избрали членом губернского комитета и членом редколлегии большевистской газеты «Приволжская правда».

С неиссякаемой энергией работал Валериан Владимирович в эти дни. Ежедневно он проводил долгие часы в губернском комитете большевиков, расположившемся в двух маленьких комнатках бывшего ресторана «Аквариум». Здесь Валериан Владимирович инструктировал агитаторов и

пропагандистов, которых затем комитет большевиков рассылал по всем заводам и фабрикам, в рабочие общежития и воинские казармы. Здесь же, в помещении ресторана, приютилась и редакция «Приволжской правды». Сюда Куйбышев обычно заходил поздним вечером, чтобы написать очередную передовицу.

По инициативе Валериана Владимировича с 20 апреля была проведена «Красная неделя». В течение этой недели на самарских заводах и фабриках выступали большевистские агитаторы. Они призывали рабочих к борьбе против Временного правительства, разоблачали предательскую политику соглашателей — эсеров и меньшевиков.

Куйбышев руководил также агитационной работой военной комиссии, организованной при губернском комитете партии. Выступая на солдатских собраниях, агитаторы-большевики постепенно завоевывали доверие солдатских масс. Если в апреле во всех частях самарского гарнизона было только несколько большевиков, то к концу мая лишь в одном 143-м полку насчитывалось тридцать восемь членов большевистской партии, а к июлю этот полк почти полностью стал на большевистские позиции: во вновь избранный полковой комитет вошло пять коммунистов и один сочувствовавший; эсеры же удержали за собой только одно место.

Иногда крупная, выделявшаяся среди других фигура Куйбышева мелькала в уличной толпе. Валериан Владимирович внимательно приглядывался к людям, прислушивался к их разговорам, сам вступал в беседу. Как-то он увидел на главной площади у памятника царю группу солдат. Среди них был штатский. Он что-то доказывал им. Куйбышев подошел, послушал: шла агитация за войну. Солдаты смущенно и хмуро молчали, лишь изредка подавая неопределенные реплики.

— Да что вы слушаете этого краснобая? — обратился Куйбышев к солдатам. — Он вас уговаривает идти на фронт. А вы спросите его, кого вам там защищать? За что и за кого нужно вам проливать свою кровь?

И Куйбышев начал разъяснять солдатам правду о войне. А возле них уже собрались еще люди. Многие слушали сочувственно. Но кое-кто время от времени злобно обрывал Куйбышева:

— Долой немецкого шпиона!

— Скажи, за сколько миллионов большевики продали Россию немцам?

И Куйбышеву приходилось отбиваться уже от нескольких противников. На каждый их провокационный вопрос он находил нужный ответ, каждую их ложь опровергал, каждую клевету разоблачал. Один за другим они замолкли и незаметно исчезли, а Куйбышев, провожаемый одобрительными возгласами, пошел дальше.

Появляясь на заводах и фабриках, в казармах и театрах, Куйбышев выступал там на многолюдных митингах. Свою речь он обычно начинал сдержанно, спокойно, знакомя слушателей с событиями в стране и на фронте. Когда же Куйбышев напоминал о контрреволюционных силах, о кознях буржуазии, его голос звучал взволнованно, наполняясь гневом. Валериан Владимирович вдохновенно говорил о грядущей победе, о великой партии большевиков и ее вожде — Ленине. Страстная речь покоряла рабочих и солдат. Куйбышев разъяснял им то, что они сами переживали, но пока не могли выразить. Рабочие и солдаты расходились с митингов еще более уверенными в своих силах, готовыми с еще большим упорством продолжать борьбу.

Борьба за влияние на рабочие массы, за влияние в выборных органах все обострялась. Меньшевики и эсеры

прибегали к различным уловкам, чтобы привлечь рабочих на свою сторону.

Во время очередной выборной кампании меньшевики на заборах и тротуарах размазывали жирной краской призывы: «Голосуйте за меньшевиков!»

Сообщив об этом Куйбышеву, рабочий Маринин из большевистского актива жаловался:

— Пробовали смывать, скоблить — не помогает. Уж очень крепкая, въедливая краска!

Валериан Владимирович задумался, а потом посоветовал:

— Надо сделать так, чтобы этот призыв меньшевиков звучал по-нашему, был направлен в нашу пользу... и против них... Ну-ка, подумайте, как это сделать...

Вскоре Маринин опять пришел к Куйбышеву и, удовлетворенно улыбаясь, сообщил:

— Теперь, товарищ Куйбышев, действительно получилось по-нашему... Везде к меньшевистским призывам-надписям мы прибавили по две буквы «не», и теперь всё в порядке... Прохожие читают: «Не голосуйте за меньшевиков!»

Валериан Владимирович рассмеялся и, дружески обняв рабочего, похвалил:

— Молодец! Сообразительность — обязательное качество большевиков...

События развивались стремительно. Революционные настроения рабочих усиливались с каждым днем. Большевистские ряды быстро росли. Уже к середине апреля 1917 года самарская партийная организация стала одной из самых крупных в стране: она насчитывала до двух тысяч семисот человек, в то время как, например, в саратовской организации было около тысячи семисот партийцев, а в казанской — лишь около ста сорока.

Ширилось и крепло также влияние большевиков на рабочие массы Самары. Успешно проходила

большевизация профессиональных союзов. Руководство союзами металлистов, строителей и швейников перешло к большевикам. Забастовки участились. Требования рабочих становились более настойчивыми и революционными. Не прекращались и уличные демонстрации.

Особенно мощной была первомайская демонстрация, прошедшая под большевистскими лозунгами. По этому поводу буржуазная газета «Волжский день» с тревогой писала: «Толпа растянулась в длинную змеевидную линию. Отдельных групп нельзя было различить, они сливались между собою, и их можно было отличить только по знаменам. Не видно было знамен с девизами «Война до победы», которыми были в прошлую манифестацию расцвечены войска. Зато изобиловали девизы партии социал-демократов: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Да здравствует социал-демократическая республика!» Очень немного знамен партии социалистов-революционеров. Отсутствовали почему-то знамена общественных организаций, земства...»

Сила большевистского влияния проявилась и при обсуждении так называемой «ноты Милюкова». 18 апреля 1917 года министр иностранных дел Временного правительства Милюков заявил союзникам о всенародном стремлении довести мировую войну до победы. Против такой лжи решительно запротестовали петроградские рабочие. 20-21 апреля они провели демонстрацию.

Когда об этом стало известно в Самаре, было созвано в ночь на 22 апреля чрезвычайное объединенное совещание исполкомов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Совещание длилось до четырех часов утра. 23 апреля состоялось второе совещание.

Большинство выступавших возмущалось «нотой Милюкова». С гневной речью выступил и Куйбышев.

Разоблачая контрреволюционную империалистическую политику Временного правительства и ложь милюковской ноты, он заявил, что рабочие, солдаты и крестьяне Самарской губернии будут решительно поддерживать Петроградский Совет против Временного правительства. От имени самарских большевиков Куйбышев потребовал, чтобы Временное правительство ознакомило представителей Петроградского Совета со всеми тайными договорами, заключенными царским правительством.

Меньшевики и эсеры пытались защищать Временное правительство. Они яростно нападали на Куйбышева. Однако предложение Куйбышева было принято: за него голосовали двести пятьдесят депутатов против трех при девятнадцати воздержавшихся.

Эти успехи самарских большевиков объяснялись тем, что они под руководством Куйбышева и его соратников проводили правильную, ленинскую тактику революционной борьбы.

Выступая на апрельской губернской партийной конференции, Валериан Владимирович сказал:

— Ходом исторических событий в России целиком и полностью подтвердилась ленинская теория и тактика пролетарской революции.

Эта конференция делегировала Куйбышева на VII Всероссийскую конференцию большевиков.

Организацию этой конференции Центральный Комитет партии поручил Я. М. Свердлову, приехавшему в Петроград с Урала. Он подготовлял конференцию, устраивал и проводил предварительные совещания.

На конференцию со всех концов России прибыли большевики. Многие из них только что вернулись из далекой ссылки и каторжных тюрем. Среди делегатов были К. Е. Ворошилов, Ф. Э. Дзержинский, И. В. Сталин и другие.

Конференция открылась 24 апреля 1917 года. Ее работами руководил В. И. Ленин, возвратившийся в Россию 3 апреля 1917 года после долгого пребывания в эмиграции, за границей.

С основным докладом о текущем моменте на конференции выступил В. И. Ленин. Вождь партии развивал положения, высказанные им в Апрельских тезисах еще раньше, на второй день по возвращении из-за границы в Петроград. В результате Февральской революции трудящиеся России добились значительных демократических свобод. Учитывая это, В. И. Ленин в своих Апрельских тезисах выдвинул лозунг взятия власти рабочим классом мирным путем, путем завоевания большинства в Советах.

В полном соответствии с предложениями В. И. Ленина конференция приняла решение взять курс на подготовку социалистической революции. Перед партией была поставлена задача осуществления перехода от первого этапа революции, давшего власть буржуазии, ко второму этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

Ближайшей же задачей партии было осуществление лозунга «Вся власть Советам!». Это означало, что необходимо покончить с двоевластием, с разделением власти между Временным правительством и Советами. Нужно передать всю власть Советам, изгнав из органов власти представителей помещиков и капиталистов.

Конференция приняла также важное решение о необходимости конфискации помещичьих земель с передачей их крестьянам.

На апрельской конференции Куйбышев впервые увидел В. И. Ленина. Исполнилась давняя мечта Валериана Владимировича: он услышал Ленина!

Не отрывая глаз от знакомой до того лишь по фотоснимкам фигуры невысокого, коренастого Ильича,

Куйбышев жадно ловил горячие слова и призывы вождя партии. Куйбышева и прежде целиком покоряла неотразимая сила ленинских статей, глубоко волновала их страстность. Но теперь, слушая Ленина, Валериан Владимирович еще сильнее чувствовал неоспоримую правоту и величие ленинских идей.

Как-то Владимир Ильич посмотрел в сторону Куйбышева, и они встретились глазами. Куйбышев всматривался в проницательные глаза, полные глубокого ума, страсти и упорства. И эти темно-карие, с острым прищуром глаза запомнились Куйбышеву на всю жизнь...

Возвратившись из Петрограда, Валериан Владимирович с восторгом говорил своим самарским товарищам:

— Я видел Ильича! Я слышал его речи! Теперь я чувствую в себе новые силы... Теперь стало яснее, как нужно бороться...

Установив личную связь с центральным руководством партии, Куйбышев еще более решительно и твердо стал проводить в жизнь большевистские решения. Самарские рабочие еще дружнее стали откликаться на события в столице, оказывая петроградскому пролетариату поддержку в борьбе против контрреволюционного Временного правительства.

18 июня 1917 года Временное правительство, выполняя волю империалистов США, Англии и Франции, погнало русских солдат в наступление на широком фронте. Это закончилось бессмысленным кровопролитием, вызвавшим возмущение петроградских рабочих и солдат. 3 июля они тысячами вышли на улицы с протестом. В ответ на это Временное правительство, в составе которого в то время были также меньшевики и эсеры, приказало расстрелять мирную демонстрацию и арестовать Ленина.

Расстрел мирной демонстрации вынудил партию большевиков изменить свою тактику. VI съезд партии, собравшийся в Петрограде 26 июля 1917 года, решил снять лозунг мирного развития революции: обстановка изменилась. Демократические свободы были попорчены контрреволюционным Временным правительством. И потому на насилие буржуазии и ее приспешников — эсеров и меньшевиков надо было ответить насилием, взять власть путем вооруженного восстания, свергнув Временное правительство. В опубликованном манифесте VI съезд партии призвал рабочих, солдат и крестьян готовить силы для вооруженного восстания.

Узнав о кровавом июльском побоище в Петрограде, самарские рабочие собрались на митинг и приняли большевистскую резолюцию о необходимости передачи) власти революционному народу. Рабочих поддержали и солдаты местного гарнизона.

Так же решительно выступил самарский пролетариат против государственного совещания, созванного Временным правительством в Москве 12 августа 1917 года для мобилизации всех сил контрреволюции. В день открытия этого совещания рабочие трубочного и других самарских заводов в знак протеста объявили забастовку.

25 августа генерал Корнилов, главнокомандующий русской армией, подстрекаемый зарубежными империалистами, двинул с фронта войска на Петроград, чтобы ликвидировать Советы и создать правительство военной диктатуры.

В Самаре в дни корниловского мятежа была получена телеграмма генерала Корнилова, призывавшего поддержать его выступление. Эту телеграмму оппортунисты пытались скрыть от самарских рабочих и солдат. Но Куйбышев добился немедленного оглашения провокационной телеграммы. Состоялось заседание Совета. Куйбышев выступил с

обличительной речью. Выражая волю самарских рабочих, он потребовал ареста Корнилова и всех участников заговора, расформирования верховной ставки, смены всего контрреволюционного командования русской армии. Затем состоялся многолюдный митинг в театре «Триумф».

Выступая на митинге, Валериан Владимирович заявил:

— Пролетариат и его партия должны не упускать из виду две цели: с одной стороны, все силы, а если потребуется — и жизнь, должны быть отданы на отражение корниловско-калединского нашествия, с другой стороны, пролетариат не должен да объективно и не может перестать вести борьбу с причинами, порождающими корниловщину, с контрреволюционной буржуазией и политикой соглашательства с нею.

Была принята резолюция, предложенная Куйбышевым:

«В грозные дни, когда над революцией занесен меч корниловского мятежа, когда решается вопрос: быть или не быть революции, мы заявляем, что все силы революционной демократии, все силы рабочего, солдата и крестьянина должны быть направлены на отражение контрреволюционного натиска... Мы требуем перехода всей власти в руки революционной демократии».

Вскоре контрреволюционный мятеж Корнилова был подавлен народными силами под руководством партии большевиков. Временное правительство, вынужденное считаться с требованиями рабочих Петрограда, а также Самары и других пролетарских центров, арестовало Корнилова и его приспешников.

Разгром корниловщины наглядно показал, с одной стороны, явное бессилие врагов трудового народа и всю обреченность их контрреволюционных попыток, а с другой стороны — возросшую мощь трудовых масс. Вместе с тем борьба с корниловщиной еще более

убедила в том, что Советы рабочих и солдатских депутатов, в которых с каждым днем возрастало большевистское влияние, способны сыграть важную роль в освобождении трудящихся от капиталистического рабства, в свержении контрреволюционного Временного правительства. С каждым днем нарастал и повышался всенародный революционный подъем. Фактически власть на местах постепенно переходила к Советам.

Это наблюдалось в Самаре. Это происходило и во многих других городах. И это послужило В. И. Ленину доказательством того, что наступило время для успешного, победного восстания. Сопоставляя июльские события с политической обстановкой после корниловского мятежа, В. И. Ленин в сентябре 1917 года писал: «Не было тогда всенародного революционного подъема. Теперь он есть после корниловщины. Провинция и взятие власти Советами во многих местах доказывают это»^[4].

Революционная борьба разгоралась с каждым днем. По всей стране шла усиленная подготовка к вооруженному восстанию. В Самаре были созданы отряды Красной гвардии. В начале октября Валериан Владимирович разработал и написал устав Красной гвардии. Собирались и проверялись пролетарские силы, теперь уже политически окрепшие и численно возросшие. Так, на трубочном заводе количество рабочих, поддерживавших партию большевиков, повысилось с шестнадцати процентов в мае до шестидесяти шести процентов в октябре. Наступили последние дни перед решающим штурмом.

17 октября Куйбышев писал в передовице «Приволжской правды»:

«С небывалой остротой встает вопрос о передаче центральной власти в руки Советов.

Власть Советов, власть рабочих, солдат и крестьян или смерть революции и торжество злорадно хихикающего мещанства. Третьего пути нет».

Куйбышев внимательно следил за революционными событиями в центре, в Петрограде, поддерживал непрерывную связь с Центральным Комитетом партии.

16 октября состоялось расширенное заседание Центрального Комитета. Был избран партийный центр по руководству вооруженным восстанием. Против решения о вооруженном восстании возражали Зиновьев и Каменев. Эти капитулянты революции через два дня опубликовали в меньшевистской газете «Новая жизнь» заявление о том, что они считают авантюрой подготовляемое большевиками восстание. Таким образом, секретное партийное постановление о восстании стало известно врагам революции. Решив разгромить петроградскую большевистскую организацию и тем самым предотвратить революцию, Временное правительство стало постепенно стягивать к Петрограду контрреволюционно настроенные войска.

Однако дни и часы существования Временного правительства были сочтены. 24 октября (6 ноября) началось вооруженное восстание петроградских рабочих, солдат и матросов. На следующий день оно продолжалось с нарастающим успехом. Красногвардейские отряды и революционные войска стремительно захватывали вокзалы и электростанции, Главный почтамт и Центральную телефонную станцию — все важнейшие учреждения и предприятия столицы. К утру в руках контрреволюционного Временного правительства оставались лишь здание штаба военного округа и Зимний дворец. На громаду дворца уже были наведены жерла грозных орудий Петропавловской крепости и крейсера «Аврора», стоявшего на якоре у Николаевского моста.

По улицам и площадям восставшего Петрограда все сильнее разгорались костры красногвардейских пикетов. Осенний, порывистый, влажный ветер налетал на костры, будто пытаясь загасить их. Хлопьями падал мокрый снег и таял...

Из Смольного — штаба вооруженного восстания — В. И. Ленин и его ближайшие соратники отдавали боевые распоряжения о подготовке к решительному штурму последних твердынь российской контрреволюции.

Днем, в два часа тридцать пять минут, открылось экстренное заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Избранники народа, пришедшие на это заседание, восторженно приветствовали сообщение Военно-революционного комитета о последних событиях победоносной революции.

В зал вошел Владимир Ильич Ленин. Это было его первое открытое появление после июльских событий.

Депутаты поднялись с мест и устроили бурную овацию. В лице Владимира Ильича Ленина они горячо приветствовали героическую партию большевиков. Когда В. И. Ленину было предоставлено слово для доклада, ликующие овации вспыхнули с новой силой.

Но вот гул приветствий начал затихать, и как добрая, желанная весть прозвучали первые слова великого вождя:

— Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась^[5].

В тот же вечер, в десять часов сорок пять минут, в Смольном открылся II Всероссийский съезд Советов. От имени съезда в особом воззвании к народу было объявлено о переходе всей власти к Советам. Выполняя волю советского народа, В. И. Ленин с трибуны съезда обратился ко всем воевавшим народам и их правительствам с предложением заключить мир. Съезд

утвердил проект Декрета о мире, написанный вождем партии. Съезд также принял Декрет о земле, по которому все помещичьи, удельные и монастырские земли передавались в безвозмездное пользование трудящимся.

На II Всероссийском съезде Советов был образован Совет Народных Комиссаров во главе с председателем В. И. Лениным.

Так сорок лет тому назад свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, самая бескровная в истории революций и самая грандиозная по своим масштабам и значению. Эта революция осуществила вековые чаяния трудящихся, возвестила начало новой эры в истории человечества, эры крушения империализма и утверждения нового, социалистического общества.

Начавшаяся в Петрограде революция вскоре победила в основном по всей стране.

За Советское правительство решительно выступили рабочие и солдатские массы не только в Петрограде, но и в других крупных городах.

20 октября состоялось экстренное заседание Самарского Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором Куйбышев сделал доклад о текущем моменте. Докладчик призывал рабочих, солдат и крестьян спланироваться вокруг своих Советов и ждать боевого приказа к вооруженному восстанию.

Через два дня, 22 октября, состоялось объединенное заседание губернского и городского комитетов большевиков. По предложению Куйбышева было принято решение начать вооруженное выступление в Самаре немедленно, как только станет известно о восстании в Петрограде.

Вечером 25 октября (7 ноября) пришла в Самару желанная весть о свержении Временного правительства. Первым узнал об этом Валериан Владимирович из

зашифрованной телеграммы, которую ему доставил рабочий-большевик И. Козырьков, выполнявший специальные задания на самарском телеграфе.

Прочитав телеграмму, Валериан Владимирович подошел к рабочему и, крепко пожав ему руку, поздравил:

— Это замечательная телеграмма, товарищ! Зимний дворец занят большевиками, Керенский сбежал, а Владимир Ильич Ленин вернулся из подполья в Петроград...

В радостном возбуждении Куйбышев взял телефонную трубку и стал вызывать на срочное совещание членов губкома партии. Обратившись к Козырькову, сказал:

— Об этом надо оповестить всех, всех! Надо рассказать всем трудящимся о великом событии!..

После непродолжительного совещания с членами губкома Куйбышев созвал экстренное заседание Совета рабочих и солдатских депутатов совместно с Советом крестьянских депутатов. Председательствовал Куйбышев. Он сообщил о революционном перевороте в столице и предложил провозгласить власть Советов и в Самаре. Однако предложение не было принято в этот день. Меньшевики и эсеры сорвали заседание. Было решено созвать на другой день вторичное расширенное собрание Советов совместно с представителями профессиональных и военных организаций.

Первоначально предполагали собраться в небольшом театре «Триумф». Но наплыв рабочих и солдат был так велик, что пришлось перенести собрание в более обширное помещение театра «Олимп». Настроение у большинства собравшихся было торжественное, радостно приподнятое. Все чувствовали величие и значение переживаемого момента.

Собрание открылось около восьми часов вечера кратким вступительным словом Куйбышева. Он

призывал присоединиться к трудящимся столицы и признать советскую власть. Затем были зачитаны сообщения о последних событиях в Петрограде и других городах России, а также постановления воинских частей и рабочих организаций Самары, требовавших немедленного перехода власти к Советам. Развернулись горячие, страстные прения. Было решено дать слово представителям всех партий и фракций.

Первым выступил большевик Масленников. Любимца самарских рабочих и солдат встретили дружными аплодисментами. Одобрительные возгласы и аплодисменты несколько раз прерывали речь Масленникова.

— Да здравствует советская власть! — сотни голосов поддержали Масленникова, когда он окончил свою речь призывом установить новую, народную власть в Самаре.

Большевику Масленникову возражал меньшевик Слоним. Его речь также неоднократно прерывалась, но не аплодисментами, а возмущенными криками:

— Довольно, Слоним! Нам с лакеями не по пути! Слоним пытался оклеветать большевиков, обвинял их в авантюризме, доказывал, что рабочие не смогут удержать власть, не смогут управлять государством. Но, не встретив сочувствия, меньшевик был вынужден покинуть трибуну, заявив раздраженно:

— Мы в этой аванюре не участвуем.

Так же безуспешно возражал и правый эсер Фортунатов. В ответ на его клеветнические заявления отовсюду раздавались протесты. С каждой минутой в театре нарастал шум, заглушающий голос Фортунатова.

— Вы авантюристы! — в бессилии кричал он.

Капитулянты революции явно оставались в меньшинстве.

Куйбышев предложил утвердить резолюцию о передаче власти Советам. Эта резолюция была принята подавляющим большинством голосов: 441 против 140.

На этом же собрании, затянувшемся до утра 27 октября (9 ноября), был создан революционный комитет.

Советская власть в Самаре была провозглашена и установлена мирно, без кровопролития, по воле рабочих и солдат.

Избранный ревком во главе с В. В. Куйбышевым принял срочные меры для укрепления советской власти. Немедленно была закрыта контрреволюционная газета «Волжский день». Во все важнейшие учреждения города назначены комиссары: комиссаром милиции — А. Д. Кузнецов, комиссаром печати — В. П. Мяги, комиссаром при начальнике гарнизона — В. К. Блюхер, комиссаром Самаро-Златоустовской железной дороги — П. А. Вавилов, комиссаром почты и телеграфа — И. Козырьков.

В комиссары Куйбышев предложил наиболее надежных, проверенных товарищей, известных ему по большевистскому подполью. Некоторые из них отказывались, опасаясь, что не справятся с работой. Но Валериан Владимирович ободрял их.

— Ничего, Алексей, губернаторствуй! — говорил он А. П. Галактионову, которого ревком назначил комиссаром внутренних дел. — Пусть хоть раз увидят умного, порядочного человека на губернаторском месте. А то все были князья и графы — изверги рода человеческого...

Комиссары из рабочих постепенно осваивались на непривычной, незнакомой им работе и при поддержке опытных большевиков справлялись с нею.

Особое внимание ревком уделял местному гарнизону. В частях гарнизона были избраны большевистские комиссары, выполнявшие волю ревкома. Надежной силой явилась Красная гвардия, состоявшая главным образом из рабочих трубного завода.

Большую заботу ревком проявил о нуждах трудящихся города. Было издано обязательное

постановление о переселении бедноты из сырых подвалов в дворянские и купеческие особняки. Другими постановлениями было запрещено повышать квартирную плату и цены в магазинах на продовольствие.

В первую же ночь после провозглашения советской власти в Самаре ревкому пришлось заняться разоружением контрреволюционного казачьего отряда и проходивших мимо Самары ненадежных эшелонов.

Советская власть в Самаре была установлена. Однако прежние органы власти — городская дума и земские учреждения — начали подрывную работу против Советов. В городской управе состоялось совещание представителей самарской буржуазии совместно с меньшевиками и эсерами. Был организован «Комитет спасения родины и революции» для руководства всей антисоветской работой и свержения советской власти.

Вначале контрреволюционеры добились успеха. Под влиянием их агитации стали злостно саботировать служащие городских и государственных учреждений. Саботажники объявили политическую забастовку. Тогда ревком опубликовал предостерегающее воззвание:

«Против забастовщиков, приносящих огромный вред населению, будут приняты самые решительные меры. Все, кто запятнает себя участием в политической забастовке против новой власти, объявляются изменниками революции и народа. Они будут немедленно отправлены к воинскому начальнику, а те, которые пользуются казенными квартирами, будут немедленно выселены из этих квартир. Лица, призывающие к забастовке, будут арестовываться революционным комитетом. Так поступят со штрейкбрехерами революции».

Саботаж был сломлен. Большинство служащих приступило к работе.

Однако контрреволюционеры не унимались. В городе участились террористические акты. Жертвой одного из них едва не стал и Куйбышев.

В то время ревком помещался в так называемом «Белом доме». Прежде, до революции, когда в нем жил губернатор, это был тихий барский особняк, где появлялась лишь избранная публика. Теперь же в нем кипела жизнь. Ранним утром сюда тянулись рабочие в промасленных блузах — посланцы фабрик и заводов, крестьянские ходоки с мешками и сумками за плечами, красногвардейцы в ватниках, перехваченных солдатскими ремнями, советские служащие, партийцы, просто горожане. Все шли в ревком за советом и помощью, с жалобами и донесениями. Новая жизнь ежедневно и ежечасно ставила перед людьми все новые вопросы, требовавшие немедленного ответа, и каждый стремился получить его у своей, советской власти. Приходивших в ревком принимали, выслушивали, с ними беседовали, вникали в их нужды, оказывали им содействие.

Жизнь была ключом в ревкоме. И душой его был Куйбышев, или, как его в те дни самарские большевики попросту называли, Валериан.

С утра у подъезда ревкома и по всем его комнатам и коридорам раздавалось:

— Валериан в ревкоме?

— Куда ушел Валериан?

— Как бы нам добраться до товарища Куйбышева?

В кабинет Куйбышева заходили посетители в одиночку и группами. И всех Валериан Владимирович внимательно выслушивал, всем давал советы. Беседы с посетителями чередовались совещаниями, заседаниями. И так каждый день с утра до глубокой ночи работал Куйбышев, работал, увлекаясь и увлекая других, работал без отказа и, казалось, без усталости. Лишь иногда, освободившись от очередного посетителя, он

закуривал папиросу, вставал из-за стола и, слегка сутулясь, в задумчивости тихо шагал по кабинету. А потом, как бы отгоняя усталость, встряхивал пышноволосой головой и вновь принимался за работу.

Но если трудящиеся шли в ревком с надеждой и доверием, то для буржуазии он был грозой. Ведь здесь принимались решения, направленные против купцов, заводчиков и фабрикантов, отсюда шли распоряжения новой, ненавистой для них власти.

В декабре было издано постановление ревкома о принудительном размещении пятимиллионного займа среди самарских капиталистов. Большинство из них отказалось от займа. Тогда наиболее упрямых, злостных арестовали. Среди них были богачи— пивовар Вокано, мукомол Неклютин.

— Пусть, пусть посидят, — сказал Валериан Владимирович, когда ему доложили об аресте саботажников-толстосумов. — Пусть узнают, как нашему брату приходилось страдать в царских тюрьмах. — И потом, оживившись, добавил: — Ведь только представьте себе: Вокано в кутузке! Неклютин в кутузке! Ведь им и во сне никогда не снилось это!

Озлобленная буржуазия попыталась отомстить ревкому и его председателю. На другой день после ареста капиталистов их приспешники-контрреволюционеры обстреляли здание ревкома и убили красногвардейца, стоявшего на посту.

В ночь на 15(28) декабря шло заседание ревкома. Вдруг неожиданно послышался гул, электричество погасло, раздались выстрелы. Ревком работал во втором этаже. Комната, в которой происходило заседание, повисла над подорванными стенами вестибюля и лестничной клетки.

Внизу, на первом этаже, начался пожар. Огонь скользил вверх по уцелевшим деревянным перекрытиям.

— Товарищи, спокойно! — слышался властный голос Куйбышева.

Он подошел к письменному столу и вынул из ящика веревку.

— Быстро, по одному! — командовал Куйбышев, когда веревку привязали к чугунной ограде балкона. Паника улеглась, и все благополучно спаслись, спустившись по веревке.

Почему же произошел взрыв? Внизу была размещена дружина максималистов^[6], а рядом с ней находился небольшой склад бомб и другого оружия. Этим и воспользовался один контрреволюционер. Он подкрался к окну и бросил бомбу. Боеприпасы, хранившиеся на складе, взорвались. Было разрушено три четверти здания, убито и ранено свыше пятидесяти человек. Только случайно Куйбышев и другие члены ревкома остались в живых.

После этого ревком принял еще более решительные меры. В городе было объявлено военное положение. Городская и земская управы распущены. Банки и все кредитные учреждения национализированы.

Почувствовав пролетарскую твердость советской власти, меньшевики и эсеры присмирели. Они стали держаться иной тактики и попытались склонить большевиков к уступкам, к соглашению.

Однажды к Куйбышеву пришел вожак местных меньшевиков Кабцан и сообщил:

— Мы решили работать вместе с вами.

— Работать совместно можно, но надо принять нашу программу, — возразил Куйбышев.

— Я за этим и пришел. Надо обсудить нашу программу и вашу.

— Вашу программу обсуждать мы не хотим, а нашу пересматривать не позволим, — твердо заявил Валериан Владимирович.

После такого резкого отпора меньшевики окончательно убедились в большевистской непреклонности Куйбышева. И хотя борьба продолжалась, в городе все же стало спокойнее. Военное положение было отменено. 30 декабря 1917 года ревком передал свои полномочия губисполкому, избранному на I губернском съезде Советов.

Губисполком под председательством Куйбышева теперь стал уделять особое внимание хозяйственной жизни города и губернии. Война сильно подорвала народное хозяйство и материальное благополучие трудящихся. Многие заводы и фабрики бездействовали из-за недостатка сырья и топлива. Появились тысячи безработных. Приостановились мельницы. Опустели полки булочных. В магазинах не стало продуктов. Воспользовавшись этим, на базарах открыто преуспевали и обогащались спекулянты. Надо было принимать чрезвычайные меры, чтобы облегчить положение трудящихся.

Губисполком срочно направил особые отряды в села и деревни для принудительного изъятия хлеба у кулаков. Энергично изыскивалось сырье и топливо для заводов и фабрик. В целях борьбы с безработицей организовали общественные работы. Для безработных открыли бесплатные столовые. Со спекулянтами беспощадно боролись. У крупных торговцев конфисковали на двадцать миллионов рублей товаров. Капиталистов обложили большой контрибуцией.

До февраля 1918 года Самарский губернский Совет крестьянских депутатов действовал обособленно от Совета рабочих и солдатских депутатов. Для укрепления советской власти в Самарской губернии необходимо было объединить все Советы и тем самым устранить эсеро-меньшевистское влияние в исполкоме Совета крестьянских депутатов.

С этой целью 12 января был созван V губернский съезд крестьянских депутатов, который и принял решение о слиянии с Советом рабочих и солдатских депутатов, а также одобрил все декреты советской власти. Председателем исполкома объединенного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов был избран Куйбышев.

Чтобы укрепить советскую власть в селах и деревнях, Валериан Владимирович направлял туда опытных агитаторов, снабжая их революционной литературой.

— Распространяйте это среди крестьян, — говорил он агитаторам на прощанье, показывая на мешки с листовками, газетами и брошюрами. — Да и сами почаще почитывайте. Вы должны быть вооружены идейно, чтобы отвоевать крестьян у эсеров...

21 февраля 1918 года открылся II губернский съезд партии большевиков. На нем обсуждался вопрос о мирных переговорах, которые в это время вела в Брест-Литовске советская делегация с представителями Германии и Австро-Венгрии. Съезд высказался против заключения мирного договора с немцами, ошибочно примкнув в этом вопросе к группе «левых коммунистов». С таким наказом выехал в Москву Куйбышев, избранный делегатом на VII Всероссийский съезд партии, который должен был окончательно решить вопрос о мире. Одновременно Куйбышев возглавил и самарскую делегацию на IV Всероссийский съезд Советов, созываемый для разрешения того же вопроса о мире.

Мир, во что бы то ни стало мир — такова была воля народа, таково было решение ленинского большинства в Центральном Комитете партии. Было очевидно, что в обстановке полной разрухи народного хозяйства невозможно продолжать войну. Это угрожало самому существованию молодой, еще не окрепшей Советской республики. Встала необходимость пойти на тяжелые

условия мира, чтобы получить передышку, укрепить советскую власть и создать новую, Красную Армию, способную защищать социалистическую Родину от всех ее врагов. Такова была позиция большевистской партии и ее вождя В. И. Ленина.

Против этой единственно правильной позиции повели ожесточенную атаку «левые коммунисты». Они настаивали на продолжении войны, хотя это могло спровоцировать наступление немцев и тем самым поставить нашу страну под смертельный удар.

«Левые коммунисты» продолжали ожесточенную борьбу против В. И. Ленина и Центрального Комитета большевистской партии даже после того, как был подписан мирный договор с Германией. Они требовали возобновить военные операции на фронте, хотя это явно угрожало существованию молодой Советской республики, не имевшей еще крепкой армии. Вот почему VII съезд партии и IV Всероссийский съезд Советов были созваны в марте для окончательного решения вопроса о мирном договоре.

VII съезд партии решительно отверг предложение оппозиционеров и тридцатью голосами против двенадцати, при четырех воздержавшихся принял ленинскую резолюцию о мире.

Поддерживая ошибочное мнение самарской партийной организации, Куйбышев на VII партийном съезде при голосовании присоединился к «левым коммунистам». Однако он вскоре разобрался в своем заблуждении. В соответствии с решением партийного съезда Куйбышев на IV Всероссийском съезде Советов голосовал за ратификацию мирного договора.

Возвратившись в Самару, Куйбышев выступил с отчетным докладом на губернском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Он заявил, что в настоящее время самарские большевики считают принятое на Всероссийском съезде Советов

решение о ратификации мира мнением подавляющего большинства российского пролетариата и деревенской бедноты, а потому целиком поддерживают это решение.

С мест слышались раздраженно злобные выкрики «левых» эсеров:

— Вы предали революцию!

— Загубили Россию!

— Позор трусам!

— Какое вы имели право голосовать за мир, если губернский съезд Советов дал вам мандат голосовать против?

— Вы нарушили волю трудящихся губерний!

Один за другим поднимались на трибуну «левые». Они обвиняли Куйбышева, клеветали на него, всячески пытались склонить депутатов на свою сторону, предлагая осудить ратификацию мирного договора и не подчиняться центральной власти.

Однако губернский съезд Советов принял резолюцию, предложенную большевистской фракцией. Лишь восемнадцать «левых» эсеров голосовали против.

На этом же заседании Куйбышев призывал готовиться к дальнейшей борьбе:

— Несмотря на заключение мира, необходимо создать боеспособную Красную Армию.

Губернский съезд Советов призвал трудящихся к мобилизации, к организации боевых отрядов новой, Красной Армии.

В ОГНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОИНЫ

Организация вооруженных сил была крайне необходима для защиты завоеваний Великого Октября. Разгоралась гражданская война, навязанная врагами советской власти.

Коммунистическая партия всячески стремилась избавить народ от бедствий и страданий гражданской войны. Еще в сентябре 1917 года В. И. Ленин писал: «Взяв всю власть, Советы могли бы еще теперь — и, вероятно, это последний шанс их — обеспечить мирное развитие революции, мирные выборы народом своих депутатов, мирную борьбу партий внутри Советов, испытание практикой программы разных партий, мирный переход власти из рук одной партии в руки другой»^[7].

В октябре 1917 года II Всероссийский съезд Советов — верховный законодатель победившего народа — провозгласил переход всей государственной власти к Советам и образовал рабоче-крестьянское правительство.

Так законные избранники народных масс установили новую, советскую власть.

Но эсеры и меньшевики были против мирного развития революции. Они убедились, что путем выборов им не удастся захватить власть. Вот почему эти партии начали вооруженную борьбу против советской власти. К ним присоединились все, для кого власть рабочих и крестьян была ненавистна. Лишенные капиталов, земель, заводов, фабрик, лишенные права на паразитическую жизнь, свергнутые классы повели яростную атаку на молодую Советскую республику. Их всячески подстрекали к этому зарубежные империалисты, готовые прийти к ним на помощь.

Внутренняя контрреволюция в союзе с иностранной военной интервенцией угрожала самому существованию Советского государства. Необходимо было организовать его защиту. Первые удары стойко выдержала и отразила героическая Красная гвардия, покрывшая себя неувядаемой славой в дни Октябрьских боев и в первые месяцы существования советской власти. Но вооруженная борьба затягивалась и обострялась. Нужно было немедленно создавать регулярную Красную Армию для решительного разгрома врагов.

15 (28) января 1918 года В. И. Ленин подписал декрет Совета Народных Комиссаров об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Однако пока формировались и укреплялись первые красноармейские части, белогвардейским бандам удалось добиться временного успеха на отдельных фронтах гражданской войны. Белогвардейцы захватили несколько крупных городов и губерний.

Весной 1918 года возникла непосредственная угроза и Самаре.

К этому времени генерал Дутов, стоявший во главе контрреволюционного оренбургского казачества, начал свой второй поход на Оренбург.

Дутов был ставленником генерала Корнилова и Антанты, контрреволюционные задания которых он выполнял еще до прихода большевиков к власти. Когда же в Оренбурге было получено сообщение об Октябрьской революции, Дутов, объявив себя диктатором, поднял открытое восстание против советской власти. Ему удалось вскоре разгромить пролетарские организации в Оренбурге; город был освобожден советскими войсками лишь в конце января 1918 года. Решающую роль в освобождении Оренбурга сыграли красногвардейские отряды и рабочие дружины, организованные Куйбышевым и посланные им на помощь оренбуржцам.

Дутова изгнали из Оренбурга, но его живая сила не была уничтожена. Очаги дутовщины сохранились во многих казачьих станицах. Это позволило Дутову за короткое время вновь объединить крупные белогвардейские части и повести их снова на Оренбург, а затем на Самару и другие города. Тогда в Самаре был создан Чрезвычайный военно-революционный штаб, во главе которого партия поставила Куйбышева.

Борьба с надвигавшимися на Самару белоказачьими полками Дутова затруднялась тем, что в городе в это время усилили свою работу контрреволюционеры всех мастей. В марте 1918 года на очередном губернском съезде Советов «левым» эсерам и максималистам удалось путем демагогии захватить большинство в губисполкоме. Однако фактическим хозяином города был горисполком, в котором преобладали большевики во главе с его председателем А. А. Масленниковым. Чувствуя свое бессилие в открытой борьбе, губисполком, опираясь на всех контрреволюционеров, организовал подпольный штаб — тройку в составе эсера Брушвита, кадета^[8] Кудрявцева и полковника Галкина. Усилилась антисоветская агитация. 17 мая вспыхнул контрреволюционный мятеж.

По команде подпольной тройки на улицах Самары появились и стали бесчинствовать вооруженные банды анархо-максималистов, эсеровская дружина и спровоцированный на мятеж матросский отряд, стоявший в городе. Мятежники произвели налет на тюрьму, выпустили из нее арестованных контрреволюционеров, заняли телеграф, захватили милицейские участки, арестовали многих большевиков — видных советских и партийных работников. Некоторые из них были убиты. Мятеж мог перекинуться и в другие города, охватить всю губернию.

В этот грозный для советской Самары день коммунисты, руководимые Куйбышевым, проявили

непоколебимое мужество и героизм. На защиту советской власти они сумели поднять и вдохновить рабочих. Совместно с революционными войсками рабочие отряды самоотверженно, не щадя жизни, бились с мятежниками, изгоняли их из захваченных ими зданий и беспощадно истребляли на улицах и площадях. На другой день, 18 мая, мятеж был подавлен, а разгромленные мятежники опять ушли в глубокое подполье.

В подавлении мятежа боевое участие приняли войска Урало-Оренбургского фронта, штаб которого находился в Самаре.

Стало очевидно, что невозможно дальше терпеть подрывную деятельность губисполкома — организатора мятежа. 20 мая по приказу командующего войсками Урало-Оренбургского фронта В. В. Яковлева губисполком был распущен, а вместо него вновь сформировали ревком. С 25 мая во главе ревкома стал Куйбышев.

В тот же день Куйбышев предложил ликвидировать американскую миссию, которая в дни мятежа оказывала самарской контрреволюции содействие. Американская миссия организовала и открыла на железнодорожной станции Самара свой «питательный пункт» для военнопленных и населения. Под маской этого «благотворительного» учреждения сотрудники американской миссии заводили связи с контрреволюционным подпольем, собирали секретные, оборонного значения, сведения, подбивали мятежников к вооруженному выступлению. Ревком постановил закрыть «питательный пункт» американской миссии и отказаться от ее помощи.

Как председатель Самарского ревкома, Куйбышев основное внимание уделил организации отпора дутовщине. Срочно были мобилизованы все самарские партийцы, способные носить оружие, сформированы и отправлены на фронт боевые отряды.

Дутов стремился прорваться к сибирской железнодорожной магистрали с целью отрезать центры революции — Москву и Петроград — от сибирского и южноуральского хлеба. Основная оперативная задача советских войск состояла в том, чтобы не допустить этого. Были приняты также меры в районе Бузулука для борьбы с Дутовым на Оренбургском фронте.

Оставаясь в Самаре, Куйбышев взял на себя чрезвычайно тяжелую задачу — комплектовать, снабжать, снаряжать и вооружать отряды и осуществлять общее руководство боевыми операциями. В моменты острого напряжения и опасности Валериан Владимирович устанавливал связь с Москвой, информируя центр о положении на фронте.

В конце мая Куйбышев, связавшись по прямому проводу с В. И. Лениным, докладывал ему:

— Товарищ Ленин, в Оренбурге снова подняла голову дутовщина; получено донесение, что за двадцать верст от Оренбурга наступают казачьи отряды. Илецк окружен казаками, казаки мобилизуют все станицы, чинят страшные зверства, убиты три члена исполкома, председатель казачьей секции Совета Захаров. Оренбургская буржуазия принимает активное участие. Оренбург просит Совет Народных Комиссаров помочь уничтожить в корне авантюру Дутова, иначе снова образуется пробка, которая погубит с голоду двенадцать миллионов жителей Туркестанского края. Один отряд, посланный из Оренбурга к Илецку, окружен и поголовно уничтожен; полагают, что погиб правительственный комиссар Цвиллинг. Самара напряжет все силы, чтобы помочь Оренбургу, но для окончательной ликвидации дутовщины местных сил недостаточно, необходима помощь из центра. Я окончил, жду ответа.

Владимир Ильич ответил:

— Сейчас же приму все меры для немедленного извещения военного ведомства и оказания вам помощи^[9].

Вскоре помощь была оказана. Подошли подкрепления. В Самаре обосновался штаб члена Высшего Военного совета Н. И. Подвойского.

Эта помощь тем более была неотложна, что на Самару надвигалась новая угроза. В середине мая стало известно о первых мятежных выступлениях войск чехословацкого корпуса в Челябинске и об угрозе занятия ими Пензы.

Чехословацкие части были сформированы в России во время первой мировой империалистической войны из чехов и словаков — солдат австро-венгерской армии, не желавших сражаться за интересы своих извечных угнетателей и потому добровольно сдавшихся в плен. При Временном правительстве чехословацкие части были сведены в корпус численностью в сорок-пятьдесят тысяч бойцов. После Великой Октябрьской социалистической революции англо-франко-американские империалисты при активном содействии меньшевиков и эсеров решили использовать чехословацкие войска для свержения советской власти.

Советское правительство учитывало стремление чехословацкого народа к национальной независимости и потому пошло навстречу пожеланиям Чехословацкого национального совета о переброске чехословацких воинских частей из России во Францию для борьбы за независимость Чехословакии. Однако правом выезда чехословацких войск через Владивосток воспользовались англо-франко-американские империалисты. Они подкупили контрреволюционное офицерство чехословацкого корпуса, снабдили его оружием. Только президент США Вильсон отпустил пять миллионов долларов на организацию мятежа.

По приказу империалистов чехословацкие офицеры расположили эшелоны своих войск по железнодорожной магистрали от Пензы до Владивостока и спровоцировали чехословацких солдат на мятеж: среди них распространялись провокационные слухи о том, будто большевики намереваются выдать чехословаков Германии и Австро-Венгрии.

Мятеж вскоре вспыхнул и стал быстро распространяться. К концу мая 1918 года чехословацкие отряды захватили много городов. Возникла непосредственная угроза и для Самары, тем более что в это время дутовские отряды наступали со стороны Оренбурга и уральских степей, стремясь захватить Самару и соединиться с чехословацкими войсками.

Необходимо было напрячь все силы для отпора наступавшей контрреволюции. 31 мая за подписью Куйбышева было выпущено воззвание к рабочим и трудящимся Самарской губернии с призывом встать на защиту социалистического Отечества.

В ответ на этот призыв многие рабочие добровольно приходили в военно-революционный штаб и вступали в ряды Красной Армии. Городская организация большевиков объявила мобилизацию своих членов. А. П. Галактионов, Н. М. Шверник, А. А. Масленников, П. А. Вавилов, В. П. Мяги, Ф. И. Веицек, С. И. Дерябина, А. Д. Кузнецов и другие большевики дни и ночи находились в армейских казармах, разъезжали по заводам и фабрикам, призывали рабочих и солдат подняться на защиту родного города. Быстро был сформирован двухтысячный отряд из металлистов, кожевников и других рабочих. Началось строительство оборонительных рубежей. Все силы и средства были сосредоточены для отпора наступавшим дутовцам и мятежникам.

И все же, несмотря на героические меры, революционные силы не могли задержать наступавшего

врага, который был во много раз сильнее и по своей численности и по технической оснащенности. Угроза захвата Самары чехословаками нарастала.

Город жил тревожно. По улицам двигались нестройными рядами наспех вооруженные красногвардейцы. На каждом углу скапливались кучками обыватели. Все чаще мелькали люди с военной выправкой, в шинелях и френчах, на которых еще были видны следы офицерских погонов. Эти люди держали себя вызывающе, не скрывая своих контрреволюционных настроений и намерений.

Когда чехословацкие войска подошли к Иващенкову (теперь Чапаевск), рабочие создали особый отряд в помощь сражавшимся там красноармейцам. Ночью перед отправлением на боевые позиции Куйбышев напутствовал бойцов страстной речью:

— Если вы убежденные революционеры, настоящие большевики и советские люди, то это нужно доказать именно сейчас, когда революция находится в серьезной опасности. Во что бы то ни стало надо задержать неприятеля. Каждая минута задержки дорога, так как республика собирает силы для посылки нам подкреплений. А кто малодушен, боится, пусть сейчас выйдет не рядов...

Но таких не было.

В Самаре Куйбышев объезжал заводы, поднимая рабочих на защиту родного города. Днем и ночью, рискуя своей жизнью, Валериан Владимирович лично проверял передовые посты.

Чехословаки приближались к самой Самаре. На помощь им выступили все контрреволюционеры, скрывавшиеся в городе. Для установления контакта с чехословаками в Пензу выехал представитель самарского контрреволюционного подпольного штаба Брушвит. Он настаивал на скорейшем продвижении чехословацких эшелонов на Самару. Другой вожак

самарского контрреволюционного подполья полковник Галкин переслал своим чехословацким союзникам план всех самарских укреплений. В самой Самаре эсеры и меньшевики повели усиленную подрывную работу, убеждая рабочих сдать Самару без боя. Всюду распространялись контрреволюционные листовки. Духовенство организовало крестный ход, превратив его в открытую демонстрацию. Белогвардейские отряды напали на тюрьму и выпустили арестованных врагов советской власти.

Особенно активно действовал белогвардейский отряд под командованием корнета Карасевича. Карасевич, видный самарский эсеровский вожак, после Октябрьского переворота был изгнан Куйбышевым из Совета рабочих и солдатских депутатов и ушел в контрреволюционное подполье. Когда же чехословацкие мятежники стали приближаться к Самаре, Карасевич выступил открыто. Под пулеметным и оружейным обстрелом его отряда красноармейские части вынуждены были отступать, оставляя одну улицу за другой.

7 июня в полдень Куйбышев выехал на автомобиле на окраину города, к мосту через реку Самару, где шли жаркие, последние, решающие бои. Необходимо было хотя бы на несколько часов задержать чехословаков, рвавшихся в город.

Машина ехала вдоль набережной. Район был под артиллерийским обстрелом противника. За рекой бухала вражеская батарея. Орудийные выстрелы доносились с короткими, но томительными перерывами. Кругом рвались снаряды. Вот послышался нараставший свист в воздухе — и совсем рядом раздался взрыв. Снаряд ударил в телеграфный столб, стоявший на обочине дороги. Он закачался, повис на проводах и с треском рухнул вблизи автомобиля, загородив дорогу.

— Может быть, на себе дотащим? — спросил Куйбышев шофера, вылезая из машины. — Ведь теперь до окопов недалеко...

Они вытащили из автомобиля два деревянных ящика с патронами.

— Бери вот этот... Он как будто полегче, — сказал Валериан Владимирович шоферу. А сам взвалил на плечи другой ящик и, согнувшись под тяжестью, произнес: — Этот пудиков пять будет...

Скрываясь за приречными зданиями, они двинулись к красноармейским окопам. Тяжело дыша, шофер с трудом поспевал за Куйбышевым.

Их заметили чехословаки и открыли пулеметный огонь.

— Как бы не зацепили вас, товарищ председатель ревкома, — с тревогой в голосе предупреждал шофер.

До окопов они добрались благополучно. Красноармейцы радостно встретили их, быстро раскрыли ящики и разобрали патроны.

— Разве так можно рисковать? — с упреком обратился к Куйбышеву командир красноармейцев.

Но Валериан Владимирович, как бы не расслышав, сам спросил командира строго:

— Сколько времени сможете продержаться?

— До вечера, товарищ председатель ревкома.

— Мало, — решительно возразил Куйбышев. — Необходимо до утра! Мы сейчас эвакуируем женщин и детей. За ночь нужно успеть отправить все пароходы на Симбирск. Продержитесь? — опять спросил Куйбышев, сурово посмотрев на командира своими воспаленными от бессонницы глазами.

— Есть! — отрапортовал командир и отправился к бойцам отдавать приказ.

А Куйбышев вместе с шофером выбрался из окопа. Пригибаясь, они добежали до автомобиля.

— Ну, теперь нажимай! — приказал Валериан Владимирович, забравшись в машину. — Едем на пристань!..

Там шла погрузка золотого фонда Советской России, хранившегося в Самаре. Нужно было немедленно отправить его в более надежное, безопасное место.

Под наблюдением Куйбышева погрузка закончилась вовремя. От самарской пристани в Казань отшвартовался пароход. На нем в ящиках и свертках были уложены около пятидесяти восьми миллионов рублей золотом и свыше тридцати миллионов рублей бумажными деньгами.

Весь день Куйбышев объезжал участки обороны и лишь вечером приехал на Заводскую улицу (в настоящее время улица Венцека) в клуб коммунистов. Тут собралось около пятидесяти человек из партийного актива. Они должны были отступать последними.

В клубе все были наготове, так как знали, что сопротивление на исходе и что скоро придется пробиваться к пристани.

С улицы заходили красногвардейцы, быстро набивали свои сумки патронами, торопливо закусывали в клубной кухне и вновь уходили сражаться. Несмотря на угрозу окружения, никто не впадал в панику. Куйбышев своим спокойствием и мужеством подавал пример.

В эту ночь клуб коммунистов был одновременно и военным штабом и штаб-квартирой самарского ревкома. После короткого разговора с начальником штаба Куйбышев тут же открыл заседание ревкома. Незаметно наступил рассвет. Участились телефонные звонки в штаб. Стало известно, что железнодорожный мост через реку Самару захвачен неприятелем. Отряд железнодорожников не смог отстоять и вокзал: отряд был разгромлен, а его командир П. А. Вавилов взят в плен. Чехословаки ворвались в город. Начались уличные

бои. Из разных концов города сообщали об усилившейся стрельбе. Ближайший от клуба пост доложил, что уже замечена вражеская цепь, наступавшая по направлению к клубу.

Куйбышев встал и объявил спокойно:

— Заседание ревкома считать прерванным ввиду активных действий противника. О времени следующего заседания будет сообщено особо. А участники заседания поступают в распоряжение начальника штаба.

Между тем клуб уже был окружен неприятелем. Пришлось уходить. Пробирались по крышам соседних домов, спускались по водосточным трубам на пустынные в этот час дворы, перепрыгивали через заборы и снова взбирались на крыши.

Не всем удалось спастись. Обезоруженный Ф. И. Венцек был схвачен и растерзан. Вместе с Венцеком погибли рабочие Алеев и Елагин. Зверскому избиению подверглись также А. А. Масленников и другие коммунисты. Их отправили в тюрьму, а затем как заложников повезли в Сибирь. В дороге их жестоко пытали, мучили. Многих расстреляли. Вот почему поезд, в котором ехали самарские заложники, назывался «поездом смерти».

Среди погибших в Сибири был А. А. Масленников. Там ему сначала удалось вырваться из рук палачей. Но потом он опять был арестован колчаковцами и после зверских пыток 18 апреля 1919 года расстрелян.

Из клуба коммунистов спаслись лишь немногие. Прорвавшись сквозь вражеское окружение, некоторые (В. П. Мяги, А. П. Галактионов) скрылись и ушли в глубокое подполье. По решению губкома партии и ревкома для нелегальной работы в Самаре также остались К. Левитин, П. Звейнек, С. Груздев, С. Василевская, Ф. Щуцкевер, Я. Кожевников, Челышев, Карцев. Им была передана печать губкома партии и небольшая сумма денег.

Вместе с горсточкой других храбрецов В. В. Куйбышев и А. Д. Кузнецов с большим трудом и риском для жизни добрались до Волги. Здесь стояло несколько пароходов. Со всех сторон к пристани стекались красноармейцы, рабочие, советские служащие, их семьи. Куйбышев руководил погрузкой и посадкой на пароходы под огнем неприятеля. Сгибаясь под тяжестью тюков и ящиков, он помогал грузчикам.

Наконец флотилия отчалила от берега. Последним ушел из Самары пароход «Межень», на котором выехал Куйбышев по направлению к Симбирску.

— Мы вернемся! Мы скоро вернемся! — убежденно говорил Валериан Владимирович товарищам, находившимся на пароходе.

В Ставрополе во время короткой остановки с парохода сошел А. Д. Кузнецов с группой других товарищей. Они получили задание вернуться в Самару для подпольной работы.

Прибыв в Симбирск, Куйбышев продолжал руководить деятельностью Самарского ревкома. В его состав тогда входили, кроме Куйбышева, Егоров, Дубинский, Струппе и Тронин. О деятельности ревкома Валериан Владимирович телеграммой уведомил В. И. Ленина и Я. М. Свердлова:

«Самарский губернский революционный комитет после взятия Самары переехал в Симбирск... и возобновил свою деятельность по управлению губернией. Возобновляют деятельность комиссариаты финансов, продовольствия, военный, труда, юстиции, земледелия, обеспечения, просвещения, совнархозов, почтель. Неизвестна судьба губкомвнудел Галактионова. Просим все сношения с губернией производить Симбирск, Самарский губревком, бывший кадетский корпус».

От имени ревкома Куйбышев разослал обращение к трудящимся Самарской губернии с призывом

мобилизовать все силы на подавление чехословацкого мятежа. Валериан Владимирович установил и поддерживал постоянную связь с товарищами, оставшимися в Самаре для подпольной работы. В архиве Куйбышевского музея революции сохранился кусочек полотна, на котором напечатано: «Самарский комитет РКП (большевиков) направляет товарища Пархоменко Е. в места, оккупированные белогвардейцами, для связи с партийными организациями, для информации их о внутреннем и международном положении Советской России и оказания им всяческой помощи».

Самарская подпольная организация повела ожесточенную борьбу против «Комитета членов Всероссийского учредительного собрания» (КОМУЧ). Контрреволюционная организация КОМУЧ была сформирована в Самаре из эсеров — членов бывшего буржуазного Учредительного собрания, распущенного советской властью в январе 1918 года. КОМУЧ был послушным орудием Антанты, выполнял ее контрреволюционные задания. Он объявил себя правительством России и пытался кровавым террором подавить сопротивление трудящихся.

Руководя подпольной работой в Самаре, Куйбышев в то же время был занят фронтовыми делами. Боевая жизнь захватила его. Недаром он когда-то в детстве так увлекался суворовскими походами. Пригодились теперь и те военные познания, которые он получил в кадетском корпусе. Но еще в большей степени пригодился ему тот большой революционный опыт борьбы, который он накопил в годы большевистского подполья.

В Симбирске Куйбышев опять столкнулся с подозрительной деятельностью американской миссии. Здесь, на Волге, она организовала плавучий шпионский пункт под видом сельскохозяйственной выставки. Куйбышев приказал закрыть «выставку», а американцев арестовать и отправить в Москву.

Куйбышев часто выезжал на фронт. Большую заботу он проявлял о бойцах, сражавшихся на передовых позициях. Каждый его приезд был праздником для них. Валериан Владимирович всегда стремился привезти с собой все, что было необходимо на фронте: боеприпасы, продовольствие, папирсы, махорку.

Как-то Куйбышев приехал в Сенгилей, которому угрожали чехословацкие мятежники. Они уже захватили село, расположенное вблизи Сенгилея, но связь между этим селом и городом еще не была прервана. Ночью Куйбышеву доложили, что его вызывает к проводу известный ему корнет Карасевич.

— Что вам угодно? — сурово спросил Куйбышев.

— Твои красноармейцы обрезали уши двум моим солдатам, — отвечал белогвардеец. — Имей в виду, что за это ты ответствен и если ты сейчас не прикажешь своим войскам прекратить борьбу, то...

— Я шел к телефону, — перебил его Куйбышев, — предполагая, что ты хочешь сдаться. Если у тебя нет более интересной темы для разговора, то разговор излишен. Я предлагаю тебе сдаться.

В ответ слышалась ругань Карасевича. Куйбышев приказал порвать провод.

В боях под Сенгилеем Валериан Владимирович принимал самое непосредственное участие. Однажды он приехал в деревню Климовку на похороны убитых накануне в бою красноармейцев. Во время похорон на Волге появились неприятельские вооруженные пароходы. Они подошли довольно близко и, построившись в боевую колонну, начали обстреливать деревню из пулеметов. Приказав советской батарее немедленно открыть ответный огонь, Валериан Владимирович во главе отряда коммунистов поспешил к берегу Волги. Расположившись под кустами и поливая вражеские пароходы свинцом из пулеметов, коммунисты преградили путь врагу вверх по реке. Неприятельская

флотилия была вынуждена прекратить бой и повернуть обратно.

В этом бою Куйбышев был контужен. Его отвезли на машине в Сенгилей, а оттуда он вскоре уехал на станцию Инза.

Здесь формировался штаб 1-й. армии Восточного фронта. По указанию В. И. Ленина политическим комиссаром этой армии 1 июля 1918 года был назначен Куйбышев, уже выздоровевший после контузии.

Против этого назначения пытался возражать Муравьев, «левый» эсер, бывший царский подполковник. Добившись доверия советской власти, Муравьев пробрался в Красную Армию и стал командующим советскими войсками на Восточном фронте. Вскоре Муравьев оказался предателем. Вот почему он был против назначения Куйбышева в 1-ю армию, так как видел в нем своего опасного противника. Однако вопреки Муравьеву Куйбышев стал политическим комиссаром этой армии.

В борьбе с чехословаками и войсками КОМУЧа 1-я армия сыграла важную роль.

Однако вначале она была далеко не такой боеспособной, как впоследствии. К моменту назначения Куйбышева политкомиссаром фактически еще не было организованной армии. Имелись лишь разрозненные отряды, плохо вооруженные, разбросанные по всему Поволжью. Они находились и за Бугульмой, и южнее Сенгилея, и у Сызрани, причем на каждом из этих направлений были «группы», «фронты», «сводные отряды», неизвестно кому подчиненные. Настоящей военно-революционной дисциплины не было. 1-я армия переживала начальный период развития, когда отдельные проявления отваги, удали и героизма чередовались со случаями беспричинной паники и беспорядочных отступлений.

Куйбышев энергично взялся за реорганизацию армии. В обстановке продолжавшегося наступления противника эта работа была сложная и тяжелая. На долю Валериана Владимировича выпала ответственная задача — обеспечить разрозненные воинские части политическим руководством, расставить коммунистов по полкам и дивизиям, укрепить политические органы, поднять дисциплину. Уже к августу 1918 года в 1-й армии насчитывалось более двухсот политических работников. На его же плечи легли обязанности по налаживанию снабжения частей боеприпасами, обмундированием и продовольствием.

Требовалось огромное напряжение сил, чтобы в кратчайший срок укомплектовать армию и сделать ее способной к предстоящему наступлению. Пришлось прибегнуть к мобилизации определенных возрастов населения тех губерний, в которых находились части 1-й армии.

В результате этого разрозненные отряды, пополненные вновь мобилизованными бойцами, были сведены в полки, бригады и дивизии. Были сформированы органы снабжения и связи, а также штаб.

Организация разрозненных отрядов в регулярные части, проведенная в 1-й армии под руководством Куйбышева, послужила образцом для других армий Восточного фронта.

В напряженной работе по созданию крепкой, боеспособной 1-й армии Куйбышев опирался на своих ближайших помощников, политработников, таких, как Н. М. Шверник.

Куйбышев считал необходимым привлечь на сторону советской власти старых специалистов и, в частности, военных работников. Когда некоторые из близких ему товарищей выражали сомнение в способности офицеров — выходцев из враждебных классов — стать честными

командирами рабоче-крестьянской армии, Валериан Владимирович убежденно заявлял:

— Во-первых, у нас есть институт комиссаров. Являясь представителями партии, комиссары будут зорко наблюдать за командирами. Во-вторых, надо офицеров заставить служить нам. А заставить — это значит умело подойти к человеку, дать ему возможность осознать необходимость его работы на службу революции, воздействовать на его мировоззрение, перевоспитать его.

И, подавая пример другим, Куйбышев часто вступал в беседу с бывшими офицерами, разъяснял им события, политически просвещал их. Многим помог он изменить свои убеждения, из многих он сделал честных командиров, преданных советской власти, самоотверженно, героически сражавшихся с белогвардейцами и интервентами, уверовавших в могучую, непобедимую мощь освобожденного народа.

Однажды начальник штаба армии Н. И. Корицкий, докладывая о тяжелом положении на фронте, особенно сетовал на то, что между красноармейскими частями иногда нет связи.

— Это, конечно, плохо, — согласился Валериан Владимирович. — Без связи трудно управлять войсками. Но вы напрасно думаете, что между нашими частями нет никакой связи, что они действуют вслепую, разрозненно. Да, действительно часто нет ни телеграфа, ни телефона. Но зато наших советских бойцов накрепко связывает единство воли, их объединяет общая цель, ими руководят коммунисты. А коммунистами управляет единый центр — партия. Вот почему, даже утратив телеграфную связь между собой и штабом, наши части нередко одерживают победу над врагом...

Куйбышев знал, что фронт только тогда крепок, когда надежен его тыл, армия только тогда сильна и непобедима, когда она чувствует поддержку населения.

Поэтому Куйбышев строго следил за тем, чтобы население, в частности крестьянство, не было обижено, чтобы оно чувствовало кровную связь со своей родной армией.

Однажды к Валериану Владимировичу, находившемуся в штабной столовой, подошла крестьянка из соседнего поселка.

— Родимый, — сказала она, — как звать-то тебя, не знаю. Ваши намеднишь ведро у меня взяли, так я насчет ведра...

— Какое ведро? — резко спросил кто-то из присутствовавших командиров.

Но Валериан Владимирович строго, с укором посмотрел на командира, а сам внимательно, терпеливо выслушал крестьянку.

— Какие-то красноармейцы зашли, попили молока, заплатили — жаловаться не могу, — рассказывала она. — А потом попросили ведро — коней напоить, обещали сейчас же принести и пропали. А без ведра-то в хозяйстве разве можно?

Валериан Владимирович распорядился немедленно разыскать виновника и вернуть крестьянке ведро. Затем, выступив перед строем бойцов, сказал:

— Наша армия — армия народная и воюет за интересы народа. Нет более тяжкого проступка для красноармейца, чем насилие над трудящимся человеком.

Объявив строгое взыскание бойцу, взявшему ведро, Валериан Владимирович приказал ему натащить воды крестьянке в благодарность за ее доброту.

Жестокою борьбу вел Куйбышев с нарушителями революционной дисциплины, изменниками Родины.

В начале июля 1918 года «левые» эсеры подняли мятеж в Москве. Они убили германского посла Мирбаха,

пытаясь спровоцировать войну Германии против Советской России.

«Лево»-эсеровские главари возлагали большие надежды на Муравьева. По директиве центрального штаба мятежников Муравьев вместе со своими приверженцами, тайком покинув Казань, приехал на штаб-яхте в Симбирск, чтобы отсюда повести вооруженную борьбу против советской власти. При этом Муравьев предполагал в первую очередь использовать войска симбирской группы, которыми командовал муравьевский приспешник — «левый» эсер Клим Иванов.

Советское правительство объявило Муравьева изменником и врагом народа. В. И. Ленин разослал радиogramму «Всем, всем, всем», в которой Муравьев объявлялся вне закона. «Всякий честный гражданин, — приказывал В. И. Ленин, — обязан застрелить его на месте».

Выполняя ленинский приказ, Куйбышев лично руководил подавлением мятежа в Симбирске.

В Симбирск Куйбышев приехал из Инзы 10 июля, чтобы обезвредить Клима Иванова и других местных «лево»-эсеровских вожаков. Приехавший в тот же день Муравьев узнал об этом и решил арестовать Куйбышева. Отряд мятежников ворвался в вагон Реввоенсовета 1-й армии, но там Куйбышева уже не оказалось: он находился в одном из номеров нижнего этажа Троицкой гостиницы вместе с членами Самарского ревкома. Об этом Муравьев не знал, хотя сам помещался в той же гостинице, на верхнем этаже.

В ночь на 11 июля в Симбирске создалась очень сложная обстановка. Захватив при содействии Клима Иванова город, Муравьев приказал оцепить здание кадетского корпуса, где заседал Симбирский губисполком.

Там же находились руководящие работники Симбирского губкома партии большевиков во главе с его

председателем И. М. Варейкисом. Также изолированным оказался в Троицкой гостинице и Самарский ревком вместе с Куйбышевым и другими военными из Реввоенсовета 1-й армии.

Между тем Муравьев, вызвав в ту же гостиницу на совещание «левых» эсеров, максималистов и анархистов, сформировал «правительство» так называемой «Поволжской республики». Объявив себя «главковерхом российских войск», Муравьев предъявил Симбирскому губисполкому ультиматум о признании «правительства» этой «республики».

Таким образом, наверху гостиницы был штаб мятежников, а внизу — штаб по ликвидации мятежа.

Как же быть? Что делать? Прежде всего Куйбышев решил выяснить настроение в воинских частях и установить связь с губисполкомом. Воспользовавшись тем, что выставленные у гостиницы муравьевские патрули ушли на площадь, где в это время мятежники жгли костры и пьянствовали, Валериан Владимирович через окно нижнего этажа гостиницы послал своих разведчиков. Вскоре они донесли, что в распоряжении губ-исполкома имеются надежные войска — взвод красногвардейцев и команда пулеметчиков, что в других воинских частях начались колебания: действия Муравьева и его приспешников казались бойцам странными, подозрительными. Стало также известно, что железнодорожники-телеграфисты приняли по телеграфу приказ В. И. Ленина о расстреле изменника Муравьева.

После этого Куйбышев через своего лазутчика-связного предложил Симбирскому губисполкому затянуть переговоры с Муравьевым, чтобы тем временем путем агитации отвоевать у Муравьева обманутых им бойцов. Была отпечатана и распространена в воинских частях листовка, разоблачавшая подлого изменника. Эту

листовку из осторожности в типографии набирали в темноте, на ощупь.

Симбирские большевики, руководимые И. М. Варейкисом, и агитаторы-коммунисты из политотдела 1-й армии посещали воинские казармы и разоблачали перед красноармейскими массами предателя Муравьева. Агитаторы выступали также и на площади, у кадетского корпуса и в других местах скопления народа. А это было небезопасно. Многие красноармейцы, находившиеся еще под влиянием мятежников, сначала встречали агитаторов враждебно, угрозами. Только страстное, смелое, правдивое слово могло разоблачить обман, сорвать маску с предателя.

— Муравьев — изменник нашей Родины, — убеждали большевики бойцов. — И ваш долг уничтожить его! Таков приказ Ленина!..

Под воздействием большевистской агитации красноармейцы начали отходить от мятежников. К зданию кадетского корпуса стали подтягиваться боевые отряды, сформированные из коммунистов и преданных советской власти бойцов.

После этого Симбирский губисполком отправил Муравьеву телефонограмму с приглашением на совместное заседание для обсуждения создавшейся обстановки.

Считая, что изолированный губисполком хочет капитулировать, Муравьев в сопровождении «свиты» и личного конвоя явился в кадетский корпус.

В три часа ночи 11 июля началось заседание губисполкома. Первым выступил Муравьев с высокопарной декларацией. Его поддержали другие мятежники. Разоблачая их, коммунисты огласили изменнические телеграммы Муравьева. Атмосфера в зале накалялась. Из соседних комнат, где находились в засаде преданные советской власти красноармейцы,

стали доноситься крики, шум. Встревоженный этим Муравьев поднялся и, направляясь к двери, сказал:

— Пойду успокою бойцов.

Но дверь распахнулась, и перед мятежником блеснули острые штыки красноармейцев. Муравьев схватился за маузер, свисавший с боку у пояса, но один из бойцов удержал его руку. Вырвавшись, Муравьев выхватил из кармана браунинг и начал стрелять. Раздались ответные выстрелы — и Муравьев был убит наповал.

Муравьевская авантюра весьма отрицательно сказалась на боеспособности советских войск Восточного фронта. Мятежные приказы Муравьева внесли разложение, смущали многих. А тайные сторонники расстрелянного авантюриста продолжали подрывную работу в красноармейских частях, распускали антисоветские слухи, сеяли панику. Контрреволюционеры умышленно обнажили фронт и оставили город без всякого прикрытия с юга, откуда белогвардейцы и чехословацкие мятежники подготавливали главный удар. Из Симбирска вывезли всю артиллерию. Десантный отряд, который должен был прибыть на помощь Симбирску из Казани, долго задерживался.

Вследствие этого 22 июля 1918 года город был захвачен контрреволюционными войсками. Вместе со штабом 1-й армии Куйбышев выехал на станцию Инза.

Лютые враги советской власти торжествовали. Подстрекаемые американскими, английскими, французскими и прочими империалистами, эсеры готовили заговор. Его целью было свержение Советского правительства, убийство В. И. Ленина и его ближайших соратников. 30 августа 1918 года эсерка-террористка Каплан выстрелами из револьвера тяжело ранила В. И. Ленина.

Когда печальная весть о злодейском покушении на вождя партии и советского народа дошла до Куйбышева, он немедленно созвал митинг. На этом митинге Валериан Владимирович призывал красноармейцев освободить от белых Симбирск — родину Ильича.

Бойцы дали клятву выполнить призыв любимого комиссара.

10 сентября 1-я армия стремительно перешла в наступление, а еще через два дня Симбирск был освобожден.

В тот же день Куйбышев телеграфировал В. И. Ленину:

«Симбирск после трехдневного боя занят войсками 1-й армии».

Вскоре в Москву на имя В. И. Ленина полетела вторая телеграмма от бойцов армии-освободительницы:

«Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара!»

Отвечая красноармейцам, Владимир Ильич телеграфировал Куйбышеву:

«Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы»^[10].

Вскоре обещание, данное В. И. Ленину, было полностью выполнено. 1-я армия отомстила за все раны дорогого вождя. Были освобождены Ставрополь и затем Сызрань. 1-я армия стремительно наступала, приближаясь к Самаре. Наступление велось вдоль железной дороги Сызрань — Самара, а часть сил была переброшена на пароходах по Волге. С юга в это время подходила к Самаре 4-я армия, членом Реввоенсовета которой был Куйбышев. На этот пост его назначили в

начале сентября 1918 года. Реввоенсовет Восточного фронта считал целесообразным, чтобы Куйбышев, проявивший в 1-й армии большие военно-политические организаторские способности, использовал свой накопленный опыт и помог укрепить также и 4-й армии.

Под напором красноармейских частей противник бежал из Самары. Вечером 7 октября на улицах Самары показались отряды 4-й армии. Затем подошли части 1-й армии. Трудящиеся устроили грандиозную манифестацию в честь освобождения города от власти эсеровского КОМУЧа и от террора чехословацких мятежников. Центральные улицы города переполнились народом, радостным и ликующим. По мостовым стройными рядами шли под алыми стягами советские бойцы с красными лентами на груди. Победно гремели революционные песни и гимн международного пролетариата.

Четыре месяца тому назад Куйбышев отступал из Самары вместе с малообученными, плохо вооруженными, разрозненными красноармейскими отрядами. Теперь он вступил в освобожденный город во главе победоносной армии.

Убегая из Самары, генерал Галкин — начальник штаба белогвардейской армии — оставил в штабной комнате записку: «Красные... мы скоро вернемся».

— Вряд ли! — усмехнувшись, промолвил Куйбышев, прочитав эту записку.

***«Заседание Самарского губкома и горкома партии под руководством
В. В. Куйбышева 22 октября 1917 года».***

С картины И. Ф. Борисова.

«Провозглашение В. В. Куйбышевым советской власти в Самаре 26 октября (8 ноября) 1917 года».

С картины художника И. Ф. Борисова.

ПРОТИВ КОЛЧАКА

10 октября был опубликован приказ Реввоенсовета 4-й армии о переходе всей власти в Самаре и Самарской губернии к Самарскому революционному комитету. Его председателем назначили Куйбышева.

19 ноября 1918 года было созвано чрезвычайное заседание Самарского Совета рабочих и красноармейских депутатов. На этом заседании Куйбышева избрали председателем губисполкома, а затем обсудили вопрос о Брестском договоре. Этот договор Советское правительство аннулировало 13 ноября 1918 года, после революции в Германии, свергшей правительство императора Вильгельма II.

Выступив с докладом об этом, Куйбышев заявил:

— ...Многим королям этот документ (постановление об аннулировании договора. — *П. Б.*) будет стоять трона, а некоторым партиям — политической смерти. Таковы, например, левые эсеры и максималисты, ездившие на брестском коньке. Правые меньшевики и правые эсеры, опираясь на Брестский договор, обманывали трудовую Россию. Теперь у них больше нет аргументов, они политические банкроты... И мне хочется сказать, что я, когда-то противник Брестского мира, ошибался в своих заключениях. Тактика товарища Ленина восторжествовала. Брестский тяжелый, позорный мир сыграл революционную роль и в Германии. Брестский мир — определенно грабительский — показал германским рабочим всю сущность германского империализма.

* * *

Германские империалисты потерпели поражение. Но на смену им пришли империалисты других капиталистических стран. При их содействии гражданская война расширялась и обострялась. Особенно ожесточенной она становилась на Восточном фронте, важнейшем фронте, на котором, по заявлению В. И. Ленина, решалась судьба революции, судьба Советской республики. В связи с этим значительно повышалась роль 4-й армии Восточного фронта.

В декабре 1918 года командование этой армией было поручено Михаилу Васильевичу Фрунзе. Это был испытанный большевик-ленинец, уже в то время завоевавший репутацию крупного, талантливого военного деятеля. Работая военным комиссаром Ярославского военного округа, Фрунзе за короткий срок сумел сформировать и обучить несколько боеспособных частей для усиления советских армий, сражавшихся на фронтах гражданской войны. Партия и Советское правительство высоко оценили его выдающиеся военно-организаторские способности и теперь направили на Восточный фронт.

В штаб армии, в Самару, Фрунзе прибыл 31 января 1919 года и в тот же день встретился с Куйбышевым. Валериан Владимирович увидел человека в простой полувоенной форме. Его округлое добродушное лицо с румянцем, проступавшим сквозь тонкую кожу, было привлекательно. Темно-русые волосы, поднятые кверху и подстриженные ежиком, открывали большой выпуклый лоб. Серые глаза лучились внутренним блеском и оттого казались темнее.

Куйбышев и Фрунзе быстро, с первой же встречи, сошлись, полюбили друг друга. У них оказалось много общего. Были они почти земляками, долгие годы жили в Средней Азии: один — в Кокчетаве, другой — в Пишпеке. Позже, в период первой русской революции, они, будучи студентами, жили в Петербурге и принимали активное

участие в революционной борьбе. Затем оба были в ссылке в одной и той же Иркутской губернии, неподалеку друг от друга: один — в Тутурах, другой — в Манзуркс. Оба удачно бежали из ссылки. Но особенно сближали их, роднили одинаковые убеждения и взгляды, их большевистская принципиальность и стойкость, непоколебимая преданность партии и ее вождю В. И. Ленину. И вот теперь они встретились в Самаре, чтобы вместе работать.

Куйбышев ознакомил Фрунзе с общим положением в 4-й армии в прифронтовом районе. Положение было тяжелое, угрожающее. Углублялась разруха народного хозяйства. В деревнях усиливалось кулацкое влияние. Все чаще вспыхивали контрреволюционные мятежи.

Пробравшись с коварной целью в красноармейские штабы, контрреволюционеры принимали в ряды Красной Армии кулаков и прочих антисоветских людей. Под их зловредным влиянием боеспособность отдельных красноармейских частей ослабевала. Дисциплину часто нарушали не только рядовые бойцы, но и командиры. Иногда при обсуждении боевых приказов такие командиры отказывались выполнять их. Другие требовали смены своих частей и отвода их в тыл, угрожая самовольным уходом. Были даже случаи открытых мятежей и кровавые расправы. Так, 20 января 1919 года на станции Озинки мятежники убили члена Реввоенсовета 4-й армии Г. Д. Линдова и политического комиссара армии В. П. Мяги.

Вследствие этого и положение на фронте было непрочным. Правда, незадолго до приезда Фрунзе в Самару 4-я армия одержала крупную победу: был освобожден от белогвардейцев город Уральск. Однако закрепить и развить этот боевой успех с такой армией было невозможно. К тому же ее фронт оказался очень растянутым и во многих местах открытым для вражеских прорывов. Не было ни окопов, ни укреплений.

То красноармейские отряды прорывались далеко вперед, то белогвардейцы совершали дерзкие броски в тыл советских войск.

4-я армия сражалась на южном участке Восточного фронта против белогвардейских полчищ бывшего царского адмирала Колчака.

В то время Колчак был самым опасным противником Советского государства, так как его поддерживали не только кулаки и прочие внутренние враги советской власти, но и зарубежные империалисты, объединившиеся против молодой Советской республики с первых дней ее существования.

Американский президент Вильсон, которого В. И. Ленин считал «главой американских миллиардеров, прислужником акул капиталистов»^[11], и английский министр Черчилль были главными вдохновителями и организаторами вооруженного нападения на Советскую республику. Им особенно был обязан Колчак. «Считаю отрадным долгом, — писал Колчак Черчиллю, — выразить вашему превосходительству глубокую признательность за ту материальную помощь и сердечную поддержку, которую Великобритания неуклонно оказывала нашей армии».

Большую помощь колчаковцы получали также и от Вильсона. Из американских военных складов отправляли Колчаку винтовки, пулеметы, орудия, самолеты, патроны, снаряды, обмундирование.

Помогая Колчаку, империалисты в то же время наживались. За их помощь Колчак расплачивался золотом, украденным у русского народа. Только американским и английским империалистам Колчак передал свыше ста тонн золота. Кроме того, из Сибири и Дальнего Востока интервенты в уплату за военное снабжение вывозили хлеб, мясо, масло, меха.

При поддержке своих зарубежных хозяев Колчак сумел посредством обмана и угроз мобилизовать

огромную, четырехсоттысячную армию. Охрану колчаковского тыла взяли на себя интервенты. Их войска (около ста пятидесяти тысяч солдат и офицеров) захватили Дальний Восток и Сибирь, держали в своих руках железные дороги, хозяйничали в городах и селах, подавляли партизанское движение, помогая колчаковским полчищам продвигаться дальше к Волге.

Советской России угрожал опасный враг.

Конечно, Куйбышеву было известно о теснейшей связи Колчака с его зарубежными покровителями. Борьба с Колчаком осложнялась еще и тем, что положение внутри страны и в армии было весьма тяжелое.

Зимой 1919 года ожесточенные бои шли на юге Урала, где надо было добить белое казачество. Борьба велась в трудных зимних условиях. На фронте свирепствовали лютые морозы и бураны. Красноармейские части находились далеко от железной дороги, что сильно затрудняло их снабжение.

В январе 1919 года 4-я армия заняла Уральск, а в марте — Лбищенск. В рядах казачества началось разложение. Тысячи казаков сдавались в плен. Соппротивление было сломлено.

В боях за Лбищенск отличилась знаменитая Чапаевская дивизия. Куйбышев уже давно оценил выдающиеся способности ее командира Василия Ивановича Чапаева, недюжинный талант этого народного полководца, его отвагу и природную сметку. Когда Фрунзе принял командование 4-й армией, Валериан Владимирович порекомендовал ему назначить именно Чапаева командиром Александрово-Гайской бригады, а затем командиром 25-й стрелковой дивизии и, как впоследствии оказалось, не ошибся.

Впервые познакомился Куйбышев с Чапаевым во фронтовой обстановке. Как-то, объезжая воинские части, Валериан Владимирович зашел в избу, где

находился красноармейский штаб. За простым крестьянским столом сидел сухощавый человек, среднего роста, одетый во френч защитного цвета и синие брюки. Куйбышев сразу заметил его светлосиние глаза, острые, умные. Это был Чапаев. Склонив голову на руки, он пел вполголоса грустно, почти жалобно:

Сижу за решеткой в темнице сырой...

— Что так грустно поешь, товарищ? — с удивлением спросил его Куйбышев. Он знал, что недавно закончился победно бой, и потому эта песня показалась странной, неуместной.

Чапаев, недовольно посмотрев на незнакомца, продолжал свою печальную мелодию. За Чапаева ответил его неразлучный друг — порученец Петя Исаев. Высунувшись из другой комнаты, он шепотом объяснил Куйбышеву:

— Василий Иванович на разные голоса пост эту песню. Если плохо ему, он на грустный голос поет, если хорошо — на веселый.

— О чем же грустить? Врага отбросили — радоваться надо.

— Боеприпасов мало, продовольствие кончается, — угрюмо промолвил Чапаев, услышав разговор.

— Так я же привез вам и боеприпасы, и продовольствие, и обмундирование, и даже махорку, — весело заявил Валериан Владимирович.

— Привез? — недоверчиво спросил Чапаев. — А кто вы такой?

— Я Куйбышев.

— Ой! Неужто! — воскликнул Чапаев, вскакивая с места и здороваясь с Валерианом Владимировичем.

Чапаев проникся большой любовью и доверием к Куйбышеву, часто обращался к нему за помощью, зная, что тот его поддержит в любую, трудную минуту. А Куйбышев, в свою очередь, познакомившись ближе с Чапаевым, еще более оценил его.

У Чапаева было немало врагов. Троцкий обвинял его в партизанских замашках, привлек к судебной ответственности. Однако Куйбышев решительно выступил в защиту народного полководца и настоял на прекращении судебного дела.

Бывая в районе Чапаевской дивизии, Валериан Владимирович изучал ее личный состав, вел душевные беседы с ее прославленным командиром. Не раз подвергая свою жизнь смертельной опасности, Куйбышев разъезжал по позициям, занятым полками Чапаевской дивизии, и своими пламенными речами воодушевлял бойцов на дальнейшую борьбу. После его отъезда чапаевцы были уверены, что обещанные патроны, сапоги, гимнастерки, шинели вовремя будут доставлены на фронт.

Но Валериан Владимирович знал, что, несмотря на большую помощь, которая оказывалась красноармейским частям, они еще во многом нуждаются. Всякое благодушие, всякая попытка приуменьшить трудности, скрыть армейские недостатки возмущали Куйбышева.

Однажды к нему явился корреспондент Российского телеграфного агентства. Валериан Владимирович коротко рассказал о положении на фронте. Каково же было удивление и возмущение Куйбышева, когда появилась большая статья этого корреспондента, в которой Куйбышеву приписывалось то, чего он не говорил.

— Но это было бы еще с полбеды, — негодовал Валериан Владимирович, обращаясь к политработникам. — Беда в том, что в статье есть

мысли, которые я не только не высказывал, но и не мог высказывать. Разве я, член Реввоенсовета, ответственный за операции на огромном участке Восточного фронта, мог утверждать, что все обстоит благополучно, что можно быть спокойным?!

Куйбышев взял газету и в раздражении ткнул в нее пальцем:

— Смотрите. Статья буквально так, по-обывательски, и кончается: «Самарцы могут быть спокойны: Красная Армия их в обиду не даст». Я краснею от одного предположения, что кто-нибудь из товарищей подумает, что я мог это сказать. У Красной Армии, борющейся с лютым врагом — Колчаком, нет будто бы другой цели, как заботиться о «спокойствии самарцев»...

Валериан Владимирович привстал и, нервно ероша рукой свои волосы, зашагал.

— Я сроднился с самарским пролетариатом, — продолжал он. — Дорожу доверием, которое он мне оказывает. Но я совершил бы преступление против общей борьбы — и этого не простил бы мне сознательный самарский пролетариат, — если бы я в своей деятельности руководствовался исключительно его спокойствием. «Самарцы могут быть спокойны»! Если тут имеются в виду обыватели, то я предпочел бы, чтобы они успокоение находили в приеме валерьяновых капель, а не из моих уст. Рабочие же Самары знают, что они должны беспокоиться за судьбы революции...

На другой день в «Революционной армии», газете политотдела 4-й армии, было опубликовано письмо Куйбышева с негодующим протестом против лживой статьи корреспондента.

«...Быть спокойным, — писал Куйбышев, — в момент, когда происходит решительная схватка с ожесточенным и напрягающим все свои силы врагом, не удел пролетария. Бездеятельность в такое время недопустима, спокойствие преступно, и еще в десять раз

преступнее звать к спокойствию и преуменьшать грозящую опасность.

Ложь, что мы уже создали для армии человеческие условия. Ложь, что у нас нет разутых и раздетых. Стыдно говорить это перед лицом страданий, переживаемых армией. Не самохвальство облегчит борьбу Красной Армии, а самодеятельность широких организованных рабочих масс при сознании грозности положения. Не спокойствие приведет рабочий класс к победе, а величайшее напряжение энергии и священная тревога за судьбы мировой революции!»

Проявляя повседневную заботу о Красной Армии, укрепляя ее мощь, Куйбышев одновременно с этим продолжал руководить всей советской и партийной жизнью в Самарской губернии. Под его председательством проходят съезды Советов и партийные конференции; его назначают председателем ревтрибунала, избирают делегатом на VI Всероссийский съезд Советов, председателем губисполкома и горисполкома. Почти ежедневно он выступал на рабочих собраниях и митингах, всюду вел беспощадную борьбу с врагами революции, мобилизовывал массы, знакомил их с положением на фронте, развертывал плодотворную работу по восстановлению народного хозяйства губернии, разрушенного белогвардейцами.

28 февраля 1919 года Самарская губернская партийная конференция избрала Куйбышева своим делегатом на VIII съезд партии.

По докладу В. И. Ленина партийный съезд утвердил новую программу партии, а также определил новую политику по отношению к среднему крестьянству — политику прочного союза с середняком при сохранении в этом союзе руководящей роли рабочего класса. Это важное решение VIII съезда партии сыграло большую роль в успешной борьбе против интервентов и белогвардейцев.

Такое же значение имело постановление съезда по военному вопросу. Партийный съезд решительно осудил «военную оппозицию», которая защищала пережитки партизанщины в армии, боролась против создания регулярной Красной Армии и против использования старых военных специалистов бывшей русской армии.

Решения съезда по военному вопросу способствовали повышению боеспособности Красной Армии, что было очень важно тогда ввиду смертельной угрозы со стороны колчаковских полчищ. Этими решениями стал руководствоваться и Куйбышев, которого партия вскоре вновь назначила военным комиссаром.

Весною 1919 года снова разгорелась ожесточенная борьба за Среднее Поволжье. Колчак хотел захватить Среднее Поволжье — эту почти единственную в то время житницу Советской республики, зажать пролетариат в тисках голода, прорваться к Москве. Отстоять Среднее Поволжье от белогвардейцев, уничтожить их, дать хлеб Москве и другим важнейшим городам — такие задачи предстояло разрешить Красной Армии.

На захват Среднего Поволжья Колчак бросил три белые армии. Одна из них, так называемая Западная армия, под начальством генерала Ханжина, действовала против нашей 5-й армии в направлении на Уфу. Вторая белая армия, под командованием Дутова, признавшего над собой власть Колчака, действовала против 1-й, 4-й и Туркестанской армий в районе Оренбург — Орск — Актюбинск. Третья колчаковская армия, в состав которой входили уральские казаки, оперировала в районе Уральска.

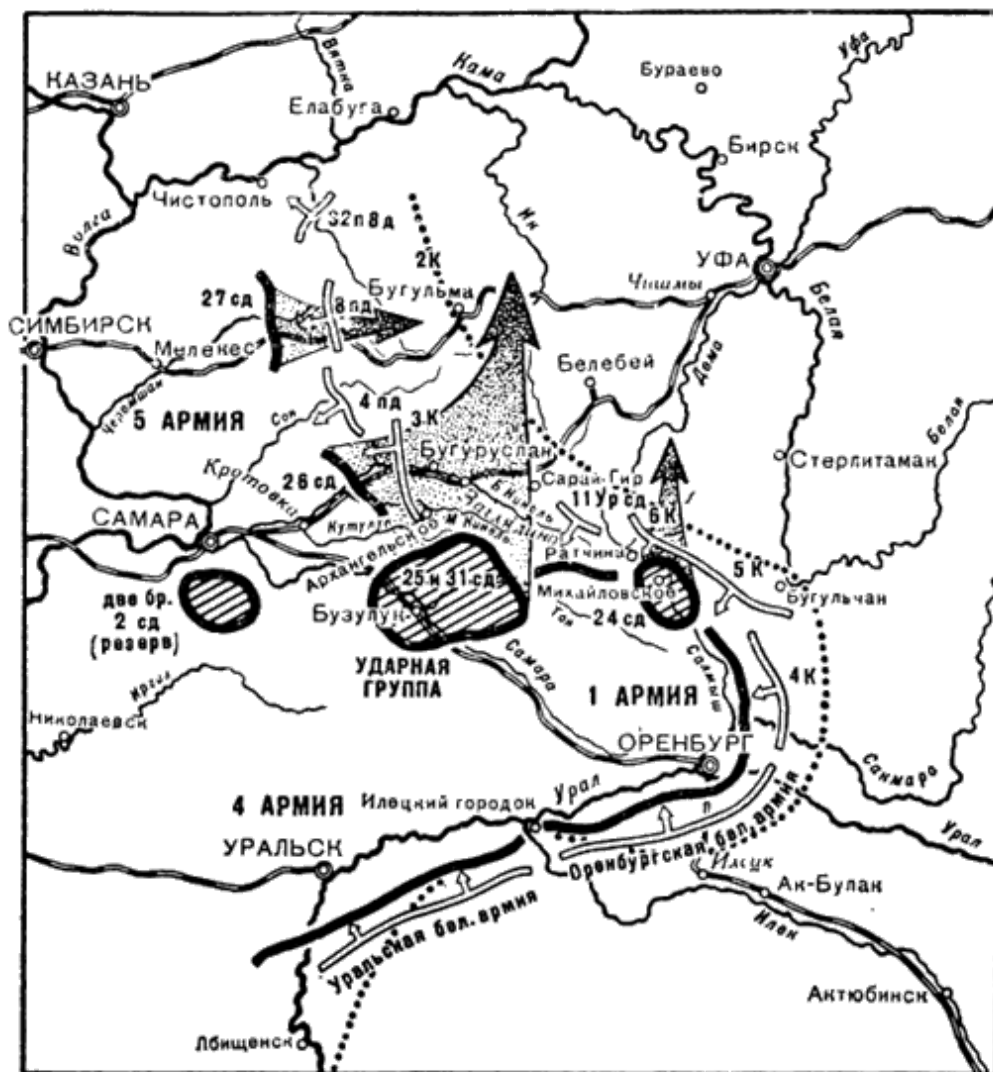
Части Красной Армии были утомлены постоянными переходами и боями и потому в начале борьбы с Колчаком терпели неудачи. Пользуясь значительным превосходством своих сил, генерал Ханжин 6 марта нанес поражение 5-й армии и заставил ее отступить к

Волге. А это, в свою очередь, повлекло за собой отступление 1-й и Туркестанской армий. Одновременно с продвижением белых армий агенты Колчака и эсеры подняли кулацкое восстание, которое охватило почти всю Самарскую и Симбирскую губернии. Колчак захватил ряд городов — Уфу, Белебей, Бугуруслан, Бугульму, Орск и Актюбинск. Белогвардейские полчища двигались уже к Самаре и Симбирску. Они предполагали через Среднюю Волгу прорваться к Москве.

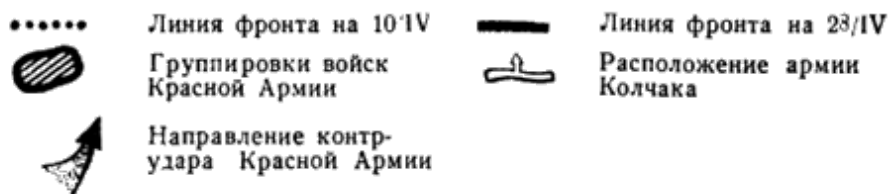
В этот трудный момент, в марте 1919 года, была сформирована Южная группа армий Восточного фронта. Командующим группой был назначен М. В. Фрунзе, а членами Реввоенсовета — В. В. Куйбышев и Ф. Ф. Новицкий. Сначала эта группа состояла из двух армий — 4-й и Туркестанской, а затем, в апреле, в нее дополнительно включили 1-ю и 5-ю армии.

Состояние этих войск было тяжелое. Туркестанскую армию, по существу, приходилось заново формировать в боевой обстановке. В тылу 4-й армии кулаки и белогвардейцы разжигали контрреволюционные мятежи. 1-я и 5-я армии под натиском колчаковцев отступали, порою беспорядочно. Надо было быстро, на ходу, под непрекращающимися ударами врага произвести коренную перестройку войсковых частей, поднять в них боевой дух, укрепить их волю к борьбе и победе. Одновременно с этим нужно было подавлять контрреволюционные восстания в тылу Красной Армии.

Под руководством Фрунзе и Куйбышева закипела работа штаба Южной группы. Была проведена широкая мобилизация для пополнения частей и для создания необходимых резервов. В наиболее уставшие полки вливались свежие роты из рабочих и коммунистов. Из тыла на фронт непрерывным потоком направлялось вооружение — орудия, пулеметы, винтовки, снаряды, патроны. Накапливались запасы продовольствия.

План контрнаступления Южной группы:

Значительно были усилены оборонительные сооружения Самарского укрепленного района. Строительство этих сооружений непосредственно осуществлял выдающийся инженер Д. М. Карбышев, которого Валериан Владимирович сумел привлечь на

сторону советской власти и политически воспитал. В своих воспоминаниях Д. М. Карбышев писал: «Большое внимание укреплению позиций уделял Валериан Владимирович Куйбышев. Перегруженный административной и партийно-политической работой, В. В. Куйбышев объезжал вместе со мною отделы строительства не только днем, но и в ночное время. Ряд ночей ему приходилось работать без сна. Объезжая район, Куйбышев на месте знакомился с состоянием оборонительных работ, делал необходимые замечания, давал указания и санкционировал мои распоряжения». Впоследствии, за подвиги в период Великой Отечественной войны, Д. М. Карбышеву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Воодушевляемые Куйбышевым и Фрунзе, сотрудники Реввоенсовета напряженно работали, сознавая огромную ответственность перед Родиной. Решалась судьба Советской России!

Фрунзе и Куйбышев были всюду вместе. Часто можно было наблюдать, как их головы сближались над одной и той же оперативной картой, утыканной булавками с разноцветными флажками, испещренной карандашными значками. Изучив подробно расположение неприятельских частей, Фрунзе и Куйбышев намечали наиболее верные пути для наступления Красной Армии. Они вместе руководили оперативными совещаниями, диктовали боевые приказы. Здесь, на работе в Реввоенсовете Южной группы, Фрунзе и Куйбышев еще более оценили друг друга, привыкли понимать с полуслова, на ходу советовались и тут же, без промедления, принимали важные решения. Нередко они вместе выезжали на передовые позиции и принимали непосредственное участие в сражениях, поднимая боевой дух красноармейских масс. И каждый из них добивался этого по-своему. Фрунзе был горяч в бою. и своей пылкостью увлекал других. Куйбышев же даже в

пылу ожесточенных схваток оставался непоколебимо спокойным. И это спокойствие, разлитое по всей его богатырской фигуре, действовало ободряюще.

Стратегическое руководство разгромом белогвардейцев и интервентов осуществлял Центральный Комитет партии. Из пяти фронтов гражданской войны главным был признан Восточный фронт. Перед его армиями партия поставила боевую задачу — разбить Колчака и отвоевать Заволжье, Урал, Сибирь и Дальний Восток.

На основе директивных указаний Центрального Комитета партии, Реввоенсовет Южной группы разработал оперативный план разгрома Колчака. В то время войска Южной группы на участке между Оренбургом, Самарой и Симбирском образовали выступ в сторону противника, угрожая главным силам Колчака, наступавшим на Самару. В свою очередь, намечавшийся прорыв белых к Волге угрожал разгромом всей Южной группы советских армий.

Учитывая это, Фрунзе и Куйбышев пришли к убеждению, что остановить наступление Колчака можно лишь посредством контрнаступления. Для этого было решено сосредоточить лучшие войска в районе Бузулука и отсюда нанести удар по левому флангу белогвардейской армии Ханжина, наступавшей от Бугуруслана на Самару.

Перед началом боевых операций 10 апреля 1919 года Куйбышев и Фрунзе в обращении к своим войскам писали:

«Солдаты Красной Армии!

Внимание трудовой России вновь приковано к вам. С затаенным вниманием рабочие и крестьяне следят за вашей борьбой на востоке...

Чуя близость позорного конца, видя рост революции на Западе, где одна страна за другой поднимает знамя восстания, колчаковцы делают последние усилия.

Собрав и выучив на японские и американские деньги армию, заставив ее слушаться приказов царских генералов путем расстрелов и казней, Колчак мечтает стать новым державным венценосцем.

Этому не бывать!..

Помощь идет. Вперед же, товарищи, на последний решительный бой с наемником капитала — Колчаком!

Вперед за счастливое и светлое будущее трудового народа!»^[12]

А через день после этого приказа были опубликованы составленные В. И. Лениным «Тезисы ЦК РКП (б) в связи с положением Восточного фронта», сыгравшие решающую роль в организации разгрома колчаковщины. Центральный Комитет партии указал на то, что «победы Колчака на Восточном фронте создают чрезвычайно грозную опасность для Советской республики. Необходимо самое крайнее напряжение сил, чтобы разбить Колчака»^[13].

Исходя из этого, Центральный Комитет партии призвал весь советский народ оказать максимальную помощь Восточному фронту. Согласно директивным «Тезисам» повсеместно была проведена широкая мобилизация в Красную Армию, в прифронтовой полосе вооружены поголовно все члены профсоюзов, повсюду организованы комитеты содействия мобилизованным, усилена работа продовольственных отрядов для обеспечения армии продовольствием. Все эти мероприятия способствовали коренному перелому на фронте Южной группы и обеспечили успех подготавливавшегося контрнаступления на армии Колчака.

Уверенность в успехе контрнаступления еще более укрепилась после того, как 18 апреля разведчики из 25-й дивизии Чапаева перехватили два приказа колчаковского командования. Из этих приказов стало известно, что между двумя колчаковскими корпусами

образовались широкие разрывы, достигавшие сорока-пятидесяти километров. В эти незащищенные разрывы были брошены ударные соединения Южной группы.

Общее наступление было назначено на 28 апреля. Однако на отдельных участках бои завязались раньше, причем сразу же определился успех советских войск. У белогвардейцев были захвачены тысячи пленных, отбиты большие обозы. Но особенно важно было то, что наступление колчаковцев почти повсеместно было приостановлено. Это позволило войскам Южной группы успешно развернуть контрнаступление на широком фронте — в двести сорок километров.

Наступление на армию Колчака завершилось полным разгромом белогвардейщины на востоке в результате трех блестяще проведенных боевых операций: бугурусланской, белебеевской и уфимской.

Первая, бугурусланская, операция, длившаяся шестнадцать дней (с 28 апреля по 13 мая), сопровождалась ожесточенными боями, в результате которых советские войска одержали много крупных побед и отбросили колчаковцев на сто двадцать — сто пятьдесят километров к востоку, освободив значительную территорию и много городов, в том числе Бугуруслан (4 мая) и Бугульму (13 мая). С этого времени колчаковцы, утратив инициативу, вынуждены были перейти к обороне, в то время как советские войска с каждым днем наращивали силу и стремительность контрнаступления. В красноармейских частях явно обозначился боевой подъем. В колчаковских же войсках, наоборот, усиливалось разложение и распад.

Однако, добившись большого боевого успеха, Реввоенсовет Южной группы в период бугурусланской операции все же не смог полностью осуществить свой основной замысел — окружить и целиком уничтожить противника. Виной этому были отчасти путанные директивы из штаба Восточного фронта, против которых

Фрунзе решительно возражал. Так, 12 мая в разговоре с командующим Восточным фронтом Самойло он заявил: «Сегодня утром я прибыл в Самару и ознакомился с вашей директивой, а одновременно и с вашей запиской. Должен откровенно сознаться, что директивой и запиской я сбит с толку»^[14]. Эта директива фактически расформировывала Южную группу и лишала Фрунзе возможности выполнить план разгрома армии Ханжина, отступавшей к Бугульме.

Вторая, белебеевская, операция также не увенчалась полным успехом: колчаковские войска еще сохраняли боеспособность, хотя под напором красноармейских частей все более стремительно откатывались на восток, неся огромные потери в людях и боевой технике. 17 мая, после освобождения Красной Армией Белебея, разбитый враг в беспорядке стал отступать к реке Белой, на Уфу. Вслед за колчаковцами двигались армии Южной группы.

Но эти победы советских войск давались нелегко. Приходилось не только преодолевать ожесточенное сопротивление колчаковских полчищ, но и вести упорную борьбу против ошибочных распоряжений Реввоенсовета Восточного фронта. По его директиве сначала предполагали расформировать Южную группу, а затем 17 мая, в самый разгар победоносного наступления, командование Восточного фронта отдало приказ приостановить дальнейшее продвижение с тем, чтобы часть войск перебросить на другие фронты.

Фрунзе и Куйбышев забили тревогу. Потребовалось вмешательство Центрального Комитета партии и лично В. И. Ленина. 29 мая В. И. Ленин телеграфировал Реввоенсовету Восточного фронта: «...Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной. Напрягите все силы...»^[15]

Теперь Южная группа получила свободу действий и вновь перешла в наступление. Началась третья,

наиболее важная и трудная уфимская операция. Взрывая за собой переправы, белогвардейцы укрылись за рекой Белой — крупным водным рубежом. В это время после половодья река еще не вошла в свои берега. Подошедшие красноармейские части остановились перед этой широкой (до трехсот метров) водной преградой. А за нею, на восточном берегу, враг ошестинился жерлами своих батарей, выставил вперед свои отборные офицерские полки. Предстояла трудная переправа через реку под смертоносным орудийным и ружейно-пулеметным огнем. Уфа казалась неприступной крепостью.

«Красные обломают свои зубы об Уфу», — хвастливо доносил генерал Ханжин адмиралу Колчаку.

Но и на этот раз надежды белогвардейцев не оправдались.

По плану советского командования 25-я дивизия Чапаева должна была переправиться севернее Уфы и обойти город слева. 2-й и 24-й дивизиям было приказано переправиться южнее Уфы и затем отрезать отход колчаковцев по железной дороге на Челябинск. Войска соседних—1-й и 5-й — армий должны были с севера и юга содействовать успеху боев за Уфу.

Наибольшая тяжесть этих боев легла на 217-й Пугачевский и 220-й Иваново-Вознесенский полки, входившие в состав Чапаевской дивизии.

8 июня темной ночью иванововознесенцы бесшумно стали грузиться на недавно отбитые у белых пароходы. Бойцы столпились у зыбких, скользких мостков, торопливо перебежали по ним на пароходы, отчаливавшие в ночном мраке.

Переплывали и на утлых челнах. Бесшумно скользили по реке челны с красноармейцами, державшими ружья наготове. На носу угрожающе торчали хоботы пулеметов...

Руководя переправой, Фрунзе и Куйбышев говорили командирам и политработникам:

— На том берегу ни шагу назад! Только вперед! Помните, товарищи, сзади — река, уже завоеванная вами. Ее нельзя опять отдавать врагу!..

Вместе с героическими бойцами через реку переправился Куйбышев.

К рассвету красноармейцы неприметно залегли уже на восточном берегу реки Белой. В это время с другого, западного берега грохнула советская артиллерия по первой линии колчаковских окопов. Затем губительный огонь перенесла на вторую линию.

Внезапно бросились в атаку иванововознесенцы, приводя в ужас застигнутого врасплох неприятеля. Растерявшиеся колчаковцы стали отходить.

Но, оправившись и подтянув подкрепления, они пошли в контратаку под прикрытием своего артиллерийского огня. Над полем битвы появились вражеские самолеты. Они расстреливали из пулеметов красноармейские цепи.

Иванововознесенцы приостановились и залегли. Их ряды сильно поределели. Истощились запасы патронов. Казалось, вот-вот бойцы дрогнут и будут опрокинуты.

В этот момент подскакали всадники. Они спешили и подбежали к красноармейцам.

— Товарищи, везут патроны!.. Вперед, товарищи, вперед! Ура-а!..

Действительно, вскоре подъехали подводы с патронами. Бойцы быстро разгрузили их, а затем стали разносить ящики с патронами по красноармейским окопам.

Среди подоспевших всадников был Фрунзе в красноармейской гимнастерке и фуражке защитного цвета.

Радостная весть молнией пронеслась среди бойцов:

— Фрунзе в цепи!.. Фрунзе с нами!

А Фрунзе, выхватив у своего ординарца винтовку, поднялся во весь рост и ринулся вперед, увлекая за собою бойцов:

— Иванововознесенцы, за мной! Вперед!

Отвагой наполнил сердца иванововознесенцев этот боевой призыв любимого командующего: многие из них помнили Фрунзе еще с тех пор, когда он работал в большевистском подполье. Рванулись бойцы вслед за командующим, опрокинули, смяли вражеские цепи, погнали колчаковцев.

Несколько раз пытались белогвардейцы контратаковать наступавших, но безуспешно. Они натывались на непоколебимую стойкость иванововознесенцев.

Так же успешно продвигались советские войска и на других участках.

Желая еще более воодушевить бойцов и поощрить их героизм, Валериан Владимирович организовал выдачу наград тут же, на месте боев. Особо отличившимся бойцам были вручены часы и портсигары вместе с грамотой: «Честному воину Красной Армии от ВЦИК». Каждая грамота была подписана Куйбышевым.

Между тем сражение становилось все более ожесточенным. Получив подкрепление, красноармейские части приближались к Уфе. Но здесь они натолкнулись на упорное сопротивление ударных батальонов генерала Каппеля. С винтовками наперевес, молча, не стреляя, стройными колоннами наступали каппелевцы в темном английском обмундировании, со значками скрещенных костей и черепа на рукавах. Это была знаменитая «психическая атака» каппелевцев — последняя попытка Колчака отстоять Уфу.

Но ничто не могло утравшить красноармейцев, приостановить их натиск. Подпустив вражескую колонну на близкое расстояние, они в упор расстреливали белогвардейцев из пулеметов. На место сраженных

подходила новая колонна каппелевцев под губительный ружейно-пулеметный огонь красноармейцев.

Почти три часа длилась кровавая схватка с каппелевцами. Но вот их сопротивление было сломлено, и полки Чапаевской дивизии неудержимо двинулись к Уфе.

9 июня 1919 года Уфа была освобождена.

Разгромленные колчаковцы, спасаясь, устремились к Уральскому хребту.

Врага разгромили, но еще не уничтожили. Надо было добить его окончательно, добить немедленно, пока его ряды расстроены, пока явный перевес на стороне Красной Армии.

Однако главнокомандующий Вооруженными Силами республики И. И. Вацетис предложил приостановить наступление и перебросить несколько дивизий с Восточного фронта на другие фронты гражданской войны, где советские войска находились в трудном положении. Вацетиса поддержал Троцкий, занимавший в то время важнейший военный пост председателя Революционного Военного Совета республики.

Против Вацетиса и Троцкого выступили Фрунзе и Куйбышев, а затем и Реввоенсовет Восточного фронта. 15 июня Пленум Центрального Комитета партии дал директиву возобновить наступление на Колчака. Но Троцкий и Вацетис продолжали настаивать на своем предложении о снятии нескольких дивизий с Восточного фронта для подкрепления советских армий Южного и Петроградского фронтов.

В те дни положение Петрограда действительно было тяжелое. Крупные силы белогвардейцев под командованием генерала Родзянко наступали и угрожали северной столице. Петроград нуждался в подкреплениях.

Однако И. В. Сталин, руководивший обороной Петрограда, 18 июня доложил по прямому проводу

В. И. Ленину:

— Колчак является наиболее серьезным противником... По сравнению с Колчаком генерал Родзянко представляет муху... Поэтому ни в коем случае не следует брать с Востфронта такое количество войск для Петроградского фронта, которое могло бы вынудить нас приостановить наступление на Востфронте^[16].

Против ослабления Восточного фронта продолжал протестовать Реввоенсовет этого фронта.

3 июля вновь собрался Пленум Центрального Комитета партии и обсудил военное положение в стране, особенно на Восточном и Южном фронтах. В опубликованном после пленума письме ЦК РКП (большевиков) к организациям партии «Все на борьбу с Деникиным!» было указано, что «Колчак и Деникин — главные и единственно серьезные враги Советской республики»^[17].

Пленум одобрил предложение В. И. Ленина о решительном наступлении на Колчака, об окончательном разгроме этого опасного врага. Троцкий был отстранен от руководства боевыми операциями на Восточном фронте, а вместо Вацетиса главнокомандующим назначен С. С. Каменев. Командующим всеми армиями Восточного фронта был утвержден М. В. Фрунзе.

После этого советские войска смогли усилить преследование колчаковцев, отступавших за Урал, в Сибирь. 25 июля был освобожден Челябинск. Дни Колчака были сочтены.

Под ударами Красной Армии колчаковцы отступали в двух направлениях: их южная группа под командованием генерала Белова — на юго-восток, на Туркестан, а северные армии Колчака — на восток, вдоль Сибирской железной дороги.

В связи с этим для успешного продолжения борьбы против колчаковцев на обоих направлениях Восточный

фронт должен был тоже расчлениваться.

14 августа образовался особый, Туркестанский фронт в составе 1-й, 4-й, 11-й армий и войск Советского Туркестана. Командующим этим новым фронтом был назначен М. В. Фрунзе.

Остальные армии Восточного фронта преследовали колчаковцев, отступавших в глубь Сибири.

Отступая, Колчак терпел одно поражение за другим. Чувствуя свое полное бессилие и неизбежную гибель, Колчак в начале января 1920 года сложил полномочия «верховного правителя», а через несколько дней был захвачен восставшими рабочими.

По постановлению Иркутского военно-революционного комитета 7 февраля 1920 года Колчак был расстрелян как лютой враг Советского государства.

Войска Восточного фронта под командованием Фрунзе и под политическим руководством Куйбышева разгромили Колчака, несмотря на то, что колчаковцев усиленно поддерживали империалисты США, Англии, Японии, Франции и других государств. Доблестная Красная Армия при поддержке всего советского народа героически отстояла свободу и независимость Советской республики.

Американские империалисты и прочие чужеземные захватчики, пытавшиеся при помощи колчаковских полчищ поработить нашу Родину, встретили сокрушительный отпор. Они были выброшены с позором из Советской Сибири.

В разгроме Колчака решающую роль сыграли Центральный Комитет партии и ее вождь В. И. Ленин. Восточному фронту партия уделяла огромное внимание как важнейшему фронту гражданской войны. На заседаниях Центрального Комитета партии обсуждались и решались не только общие, принципиальные вопросы стратегии, но и частные вопросы оперативного руководства. Владимир Ильич внимательно следил за

развитием боевых операций на отдельных участках Восточного фронта, радовался успехам советских войск, огорчался их неудачами, помогал Реввоенсовету фронта своими указаниями. «Развитие успехов противника в районе Николаевска вызывает большое беспокойство, — писал В. И. Ленин в телеграмме на имя М. В. Фрунзе. — Точно информируйте, достаточно ли внимание обратили вы на этот район? Какие вы сосредоточиваете силы и почему не ускоряете сосредоточение? Срочно сообщите о всех мерах, которые принимаете»^[18].

Эта ленинская телеграмма вызвала у командующего чувство особой ответственности. Фрунзе решил посоветоваться с Куйбышевым и, написав текст ответной телеграммы, сделал приписку к ней: «Валериан Владимирович! Прошу не считать мой текст, не подлежащим изменению. Можете вносить в него поправки и дополнения, не присылая таковых на просмотр мне. Всего доброго. М. Ф.».

Куйбышев прочел ответную телеграмму Фрунзе, одобрил ее текст, сам зашифровал его и отправил В. И. Ленину. На бланке отправленной телеграммы была наложена виза: «Хранить секретно. В. Куйбышев».

Эта переписка по частному боевому эпизоду весьма характерна и для В. И. Ленина, повседневно вникавшего в нужды Восточного фронта, и для боевых друзей-соратников Фрунзе и Куйбышева, проявлявших единство воли в руководстве советскими армиями. В этой переписке отразились взаимное доверие и великая дружба командующего и комиссара, успешно выполнявших партийные поручения, обеспечивших дружными, согласованными действиями полную победу над Колчаком.

В. В. Куйбышев

В. В. Куйбышев и М. В. Фрунзе (1919 г).

ОБОРОНА АСТРАХАНИ

В то время как на востоке армиям Колчака было нанесено смертельное поражение, на юге Астрахань все еще оставалась под ударами белогвардейских банд. Ее обороняли недостаточно крепкие войска Астраханской группы.

В июле 1919 года Куйбышев был назначен членом Реввоенсовета этой группы войск. Вскоре была вновь организована 11-я армия из войск Астраханской группы и остатков разгромленной 11-й армии, сумевших пробиться в Астрахань после тяжелых боев с белогвардейцами. С 3 сентября Куйбышев временно исполнял обязанности командующего армией. Совместно с Сергеем Мироновичем Кировым, членом Реввоенсовета 11-й армии, Куйбышев в течение нескольких месяцев руководил обороной Астрахани.

Астрахань в то время являлась одним из решающих участков гражданской войны. Находясь на стыке двух важнейших фронтов — Восточного против армии Колчака и Южного против армии Деникина, Астрахань разобщала основные антисоветские силы и мешала их объединению. Вместе с тем Астрахань была звеном, связывавшим Советскую Россию с Кавказом и Закаспием. Она являлась как бы воротами Кавказа, через которые шла советская помощь кавказским народам в их борьбе против белогвардейцев и интервентов, и в то же время воротами Волги, через которые упорно пытался прорваться из Каспийского моря на север, по Волге, англо-деникинский флот. Удержать Астрахань для нас означало сохранить за собой и Волгу с ее богатейшим Поволжьем, и свою связь с Кавказом, и возможность получения нефти, каспийской рыбы, и плацдарм для

решительного наступления против белогвардейцев и интервентов, захвативших Кавказ.

В июле 1919 года положение Астрахани стало особенно трудным. Она оказалась в окружении, почти в осаде. В конце июня после долгих, многомесячных усилий белогвардейцам удалось захватить Царицын. После этого большая группа деникинских войск под командованием генералов Улагая и Бабиева стала наступать от Царицына на Астрахань, с северо-востока, по обоим берегам Волги при активном содействии банд контрреволюционных кочевников. Другая группа белогвардейцев под командованием генерала Драценко вторглась с юго-запада в пределы Астраханской губернии и была уже на подступах к Астрахани. С востока почти к предместьям Астрахани придвинулись антисоветские полки уральского и астраханского казачества под командой колчаковского генерала Толстова. С юга, со стороны Каспийского моря, устье Волги блокировал соединенный англо-деникинский флот. Таким образом, относительно свободным остался выход из Астрахани лишь к северу, вверх по Волге и по узкой полосе вдоль Волги. Но и этот выход находился под угрозой белогвардейских войск и английской авиации.

Не менее тяжелая обстановка сложилась и внутри самой Астрахани. Здесь советская власть не имела достаточно крепкой опоры. Пролетарская прослойка среди городского населения была незначительна — всего лишь несколько сот рабочих судоремонтных заводов. Кроме того, в городе жили рабочие водного транспорта и рыбных промыслов. Но это были преимущественно сезонники-крестьяне, крайне отсталые и неорганизованные. В основном тон городской жизни по-прежнему задавали рыбопромышленники, судовладельцы, торговцы, духовенство, мещане.

К тому же в этот окраинный мещанско-купеческий город с его многочисленными монастырями и церквями отовсюду стекался всякий контрреволюционный сброд: бывшие царские чиновники, офицеры царской армии, капиталисты, помещики, дворяне, попы, охвостье антисоветских партий, бывшие полицейские и жандармы, бежавшие от революционного возмездия в надежде найти убежище в Астрахани. Некоторым из этих врагов революции удалось проникнуть в органы советской власти и вести подрывную работу.

И вот в критический момент, когда Астрахань оказалась во вражеском окружении, пришел приказ Троцкого: оставить Астрахань по стратегическим соображениям «выравнивания фронта». Через голову Реввоенсовета 11-й армии из центра в адрес астраханских учреждений полетели телеграммы о срочном свертывании работы, о немедленной эвакуации на север, по Волге. В городе нарастала паника, оживились до того притаившиеся контрреволюционеры.

Куйбышев и Киров отказались выполнить приказ Троцкого. Они повели решительную борьбу против паникеров и трусов, беспощадно расправлялись с обнаглевшими контрреволюционерами, продолжали крепить оборону Астрахани, помня о том, что Астрахань — это ворота на Кавказ, это клин, мешавший сомкнуться колчаковским и деникинским дивизиям.

Еще до назначения в 11-ю армию Куйбышев всячески содействовал ее укреплению. Так, в июле 1919 года Киров телеграфировал Реввоенсовету Южной группы Восточного фронта о необходимости усилить авиацию 11-й армии, так как она не могла отражать налеты английских воздушных пиратов. В ответ на эту просьбу Куйбышев, член Реввоенсовета Южной группы, сообщил Кирову об экстренной отправке пяти боевых самолетов в Астрахань.

Укреплять 11-ю армию тем более было необходимо, что эта армия, кроме обороны Астрахани, выполняла другую важную боевую задачу. 15 августа советские войска Южного фронта перешли в наступление. Планом этого наступления, в частности, предусматривалось освобождение Царицына от белогвардейцев. И вот 11-я армия, входившая в состав Туркестанского фронта, должна была с юга ударить по врагу, оттянуть на себя часть деникинских войск.

11-я армия под руководством Куйбышева и Кирова успешно выполнила обе боевые задачи: советская Астрахань осталась неприступной крепостью в устье Волги, а из-под Царицына белогвардейцам пришлось снять несколько дивизий, чтобы отражать натиск советских войск с юга.

Руководя 11-й армией, Куйбышев иногда принимал непосредственное участие в ее боевых операциях. Однажды ему пришлось участвовать даже в воздушном бою.

В то время налеты английской авиации на Астрахань часто оставались безнаказанными, так как советские самолеты были настолько изношены и тихоходны, что противник легко уходил от них. Интервенты прилетали обычно звеньями по пять-шесть машин. Налеты производились днем, по одной и той же программе: сначала бомбили аэродром, расположенный под Астраханью, затем речной флот, а под конец проносились бреющим полетом над городскими улицами, сбрасывая оставшиеся бомбы и ведя огонь из пулеметов. Налеты эти причиняли значительный ущерб, а главное, сеяли панику среди населения.

Куйбышев решил дать отпор врагу. Однажды при появлении налетчиков взлетели три советских самолета. На одном из них поднялся Куйбышев. Скорость изношенных самолетов едва достигала ста пятидесяти километров в час. Тем не менее красные летчики

отважно полетели навстречу вражеским самолетам, более быстроходным.

В этом бою особую доблесть проявил самолет, на котором находился за пулеметом Куйбышев. Искусно маневрируя, красные летчики сумели подбить одну неприятельскую машину. Остальные бежали, сбросив несколько бомб. Подбитый вражеский самолет, медленно снижаясь, опустился на широкий луг в пятидесяти километрах от места боя. Наши самолеты быстро последовали за ним. Они подоспели как раз вовремя: интервенты, не желая отдавать свой самолет, хотели сжечь его. Оба неприятельских летчика-англичанина были взяты в плен, а самолет захвачен.

С опаской поглядывая на крупную, внушительную фигуру Куйбышева, пленные почтительно спросили:

— Давно ли летает сэр шеф-пайлот?

— Это был мой первый полет, — ответил Валериан Владимирович.

В другой раз ему пришлось участвовать в весьма рискованной экспедиции из Астрахани в Черный Яр, который находился в окружении. Сюда были брошены отборные войска Деникина — белоказачья конница генерала Улагая, кадровые офицерские полки. Черноморский гарнизон второй месяц стойко отражал их натиск. Осажденные изнемогали, но не сдавались. Надо было срочно помочь им, подбодрить их, а для этого предстояло совершить опасный путь сквозь вражеское окружение.

В это время в Астрахань прибыл Фрунзе — командующий армиями Туркестанского фронта. Фрунзе совместно с Куйбышевым и Кировым решил выехать в осажденный город ночью на маленьком пароходе по Волге. Ехали под огнем неприятельских батарей. Когда прибыли в штаб героев-черноморцев, там вскоре собрались командиры и комиссары военных частей. Всю ночь беседовали с ними Фрунзе, Куйбышев и Киров. Они

укрепили уверенность в победе, разработали план освобождения города, а затем лично руководили боевыми операциями и вместе с красноармейцами ходили в контратаки, показывая пример мужества и героизма. Блокада была прорвана, и чернораисский гарнизон спасен.

Участвуя в боях в районе Вязовка — Каменнораисская, Куйбышев проявил большое самообладание в чрезвычайно трудной обстановке. Во время ожесточенного сражения советская разведка донесла о подготавливаемой казачьей атаке. Невдалеке накапливались неприятельские силы: в одиночку и группами всадники стекались к небольшому леску.

— Ну, видно, будет атака, — сказал Куйбышев, наблюдавший в бинокль. — Надо встретить ее организованным огнем. Пошли к пулеметам!

Обходя цепь и проверяя пулеметы, Куйбышев продолжал внимательно следить за противником.

— Атака! — слышался голос командира батальона.

Широким веером неслась казачья лава. Казаки с гиканьем и посвистом обрушились на редкую цепь красноармейцев, прорвали ее. Бой завязался уже в тылу около орудий. Со всех сторон раздавалась беспорядочная пальба.

Вслед за первой лавой надвигалась вторая.

Куйбышев сидел в машине за пулеметом. Одна казачья сотня, заметив машину, понеслась на нее. Куйбышев открыл огонь из пулемета. Однако от перекося патрона пулемет умолк. Тогда шофер дал газ. Но несколько казаков почти вплотную приблизились к машине. Расстреляв весь запас патронов из своего парабеллума, Куйбышев схватился за браунинг. Выпустив обойму, он отшвырнул револьвер: перезаряжать было некогда. Взялся за карабин. Вскоре машина выбралась на хорошую дорогу, и преследовавшие остались позади.

Эта казачья атака убедила Куйбышева в том, что необходимо всячески укреплять конницу.

Участвуя в боевых операциях, Валериан Владимирович своим личным поведением подавал пример товарищеского отношения к бойцам. Однажды он выехал на передовые позиции западного участка Астраханского фронта к селу Михайловке, где изнемогавшие красные части с необычайной отвагой отражали натиск врага. Однако явно чувствовалось количественное превосходство белых. Вскоре пришло донесение о том, что кавалерия противника обходит с тыла. Командующий войсками участка, посоветовавшись с Куйбышевым, приказал отступить. Куйбышеву пришлось сесть в автомобиль.

Шофер, пытаясь вывезти Валериана Владимировича, спешил. Машина шла без остановок. Дорога была каждая минута. Но вот по пути Куйбышев встретил шестерых раненых красноармейцев. Им угрожала опасность попасть в руки белогвардейских палачей. Куйбышев разместил раненых в машине.

За Михайловкой протекала маленькая речка. Мост через нее оказался разрушенным. Шофер рискнул переправиться вброд. Разогнав машину, он сумел переехать речку и выбраться на противоположный берег. Однако от сильного удара о берег лопнули камеры задних колес. Запасных не было. Пришлось ехать дальше на голых ободьях.

Дорога была песчаная. Сильно перегруженная машина застревала, часто ее приходилось вытаскивать на руках. Легче, безопаснее было бы идти пешком, бросив машину. Но как быть с ранеными, которые не могли передвигаться? На счастье, дорога улучшилась. Машина пошла быстрее. Но через некоторое время автомобиль снова застрял, и настолько крепко, что его никак не удавалось вытащить. Создавалось чрезвычайно опасное положение. Каждую минуту могла настигнуть

вражеская кавалерия. И потому велика была радость, когда застрявшую машину догнала запоздавшая подвода из красноармейского обоза. Валериан Владимирович приказал разместить в ней четырех тяжелораненых. Сам же вместе с адъютантом, двумя шоферами и двумя легко ранеными красноармейцами решил идти дальше пешком.

Машину же облили бензином. В мотор положили две ручные гранаты и подожгли. Только после этого все тронулись дальше. Прошли уже с четверть километра, как вдруг послышался звук автомобильной сирены. Куйбышев и его спутники остановились, недоумеая, но затем шоферы догадались: расплавленные огнем провода сирены соединились, и она стала звучать. Машина долго гудела, как бы прощаясь с пассажирами...

Красноармейцы 11-й армии ощущали повседневную заботу о них Куйбышева. Как-то Валериану Владимировичу доложили, что на местах красноармейским семьям не всегда выдают установленные пайки. Куйбышев в тот же день издал приказ по армии:

«Приказываю всем красноармейцам, получающим письма от родных о неудовлетворении их семейств положенным пайком, немедленно предоставлять такие письма или заверенные копии с них комиссарам своих частей, которым незамедлительно представлять их в Реввоенсовет армии.

Реввоенсовет в срочном порядке известит об этом уездных комиссаров, дабы они могли проверить на месте правильность и причины задержки в выдаче пайка...»

Валериан Владимирович придавал большое значение всевозможным поощрениям за подвиги и героизм бойцов. Однажды в самый разгар ожесточенного боя Куйбышев прибыл на фронт. Он привез с собой ордена Красного Знамени и вызвал в штаб наиболее

отличившихся командиров и красноармейцев. Выстроившись в каре, они ожидали прибытия членов Реввоенсовета. Издали доносились отзвуки перестрелки.

Но вот к войскам подъехал командарм Куйбышев. Он выступил с волнующей речью. Он говорил о значении первого советского ордена, о личном героизме бойцов и командиров, отличившихся в этом сражении. И тут же, на виду у всех, по вызову к нему подходили прославленные своими ратными подвигами герои. Перед строем Куйбышев вручал им ордена, а люди возвращались в свои части, возвращались счастливые, гордые полученной наградой, готовые к новым подвигам и победам.

НА ТУРКЕСТАНСКОМ ФРОНТЕ

В октябре 1919 года Куйбышева назначили членом Революционного Военного Совета армий Туркестанского фронта.

Командующий этим фронтом Фрунзе тогда находился в Самаре, возглавляя Реввоенсовет фронта и руководя боями против белоказацких отрядов в Уральской области. Куйбышев же выехал в Ташкент для руководства военными операциями в самом Туркестане, в незнакомом ему крае, среди многонационального населения, языки и обычаи которого были ему неведомы. В Ташкенте был сформирован Реввоенсовет во главе с командующим Ф. Ф. Новицким и членом Реввоенсовета В. В. Куйбышевым. Этот Реввоенсовет работал на правах самостоятельного отдела Реввоенсовета фронта.

В отдаленном Туркестане советская власть еще не вполне окрепла. Здесь не все ее враги сложили оружие. Они продолжали борьбу, пытаясь нарушить мирную жизнь.

Местных врагов советской власти всячески подстрекали и поддерживали американо-английские империалисты. Они стремились захватить Советский Туркестан с его огромными богатствами, а на народы Средней Азии надеть ярмо колониального рабства.

Полное и окончательное освобождение Советского Туркестана от всех его внутренних и внешних врагов имело большое и политическое и экономическое значение. Туркестан тогда являлся единственным районом производства советского хлопка. Его запасы были жизненно необходимы для удовлетворения нужд и Красной Армии и всего советского населения. Здесь же

находились богатые залежи топлива — эмбинская и красноводская нефть, а также уголь.

Но полная советизация Туркестана была еще более важна и необходима в политическом отношении. По своему географическому положению Туркестан являлся мостом, соединявшим Советскую Россию со странами Востока, стоявшими под игом империалистов-колонизаторов. Укрепление советской власти в Туркестане должно было оказывать революционизирующее влияние на народные массы угнетенного Востока. Советский Туркестан должен был стать ярким маяком, освещающим путь к раскрепощению всех народов Востока.

Между тем военно-политическая обстановка в многонациональном Туркестане была чрезвычайно сложной. Басмачество, кулацкие восстания, остатки белогвардейщины и интервенции превращали территорию Туркестана в сплошной фронт ожесточенной борьбы.

Получая оружие от американо-английских империалистов, банды басмачей нападали на отряды Красной Армии, грабили и убивали мирных жителей. Иногда возникали трения в туркестанской партийной организации между двумя группами — русской и местных национальных работников, причем и те и другие допускали грубые извращения ленинской национальной политики: русские коммунисты проявляли великодержавный шовинизм, а их противники — местный национализм.

Для устранения этих извращений и ошибок была послана в Туркестан Комиссия ВЦИК и Совнаркома по делам Туркестана. По указанию В. И. Ленина в состав этой Комиссии вошел и Куйбышев. Позже, в апреле 1920 года, было создано Туркестанское бюро ЦК РКП (б) во главе с В. В. Куйбышевым и М. В. Фрунзе.

В. И. Ленин возлагал большие надежды на Комиссию. В октябре 1919 года вождь партии обратился с особым письмом к «Товарищам коммунистам Туркестана»:

«...Установление правильных отношений с народами Туркестана имеет теперь для Российской Социалистической Федеративной Советской Республики значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое.

Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доныне угнетавшимся народам.

Я очень прошу вас обратить на этот вопрос сугубое внимание, — приложить все усилия к тому, чтобы на примере, делом, установить товарищеские отношения к народам Туркестана, — доказать им делами искренность нашего желания искоренить все следы империализма великорусского для борьбы беззаветной с империализмом всемирным и с британским во главе его, — с величайшим доверием отнестись к нашей Туркестанской комиссии и строго соблюсти ее директивы, преподанные ей, в свою очередь, от ВЦИК именно в этом духе»^[19].

По дороге в Ташкент, в поезде, Валериан Владимирович внимательно перечитывал это ленинское письмо.

Проезжая по необъятным просторам среднеазиатских областей, Валериан Владимирович наблюдал из окна вагона, как мимо брели караваны бурых верблюдов. Это ехали семьи казахов, киргизов и узбеков, стронутых гражданской войной с родной земли, бежавших от грабежа и разбоя.

«Надо, обязательно надо обеспечить им спокойную жизнь! — думал Валериан Владимирович при виде народного горя. — Надо помочь трудовому народу освободиться от всех его врагов!»

В Ташкент Куйбышев приехал 4 ноября 1919 года и прежде всего принялся за оздоровление местной партийной организации. Он привлекал к ответственности тех, кто сознательно извращал политику партии, кто совершал произвол и преступления, кто не хотел осознать своих ошибок. Вместе с тем он терпеливо, по-товарищески разъяснял задачи партии тем, кто ошибался невольно, кто искренне хотел исправить свои ошибки и неуклонно проводить в жизнь единственно правильную, ленинскую национальную политику.

Много внимания уделял Валериан Владимирович и работе среди населения. Он ежедневно направлял своих, наиболее надежных агитаторов в массы. Сам часто выступал, проводил душевные беседы с крестьянами, рабочими и красноармейцами, разъяснял им сущность ленинской национальной политики. Куйбышев убедительно доказывал, что вражда между народами выгодна лишь богачам, что она разъединяет и ослабляет трудящихся, отвлекая их от борьбы против баев-кулаков.

— Великий вождь народов Ленин, — говорил Куйбышев, — учит всех трудящихся жить в дружбе. Дружба народов — великая сила. Вот пять разных пальцев на руке. Каждый из них в отдельности легко согнуть и даже сломать. Но если их сжать в кулак, то будет большая крепость и сила... Знайте, что в Советской республике все народы равноправны — русские, узбеки, туркмены, казахи, киргизы, таджики. Советская власть одинаково хорошо относится к трудящимся всех национальностей, к тем, кто создает своими руками народные богатства. Иначе она относится к тем, кто сидит на шее трудящихся, грабит и угнетает их. Трудящимся — вся помощь и поддержка Красной Армии. Тунеядцам и насильникам — беспощадная борьба и расправа...

Валериан Владимирович сам лично подавал другим пример братского отношения к народам Туркестана. Он уважал их национальные обычаи и нравы.

В своих выступлениях Куйбышев говорил о действительных интересах трудового народа, разоблачал басмачество, призывал к непримиримой борьбе с ним. Валериан Владимирович умел говорить с массами на понятном для них языке, сумел проникнуть в тайники народной души, сумел потому, что богат был его жизненный опыт, потому что знал средства и пути проникновения в человеческие сердца.

Он решительно пресекал всякую попытку разжигания национальной вражды, привлекая к суровой ответственности за оскорбительное и враждебное отношение к народам Средней Азии.

Политическая работа, проводившаяся под руководством Куйбышева среди войск и населения, значительно повысила боеспособность частей Красной Армии и укрепила их тыл. Это позволило успешно вести вооруженную борьбу против врагов советской власти.

Наиболее важным участком гражданской войны в Туркестане в то время была Закаспийская железная дорога от Ашхабада до Красноводска. Здесь решался вопрос о красноводской нефти, так необходимой для советского народного хозяйства и армии. Здесь против советских войск действовало наиболее боеспособное вражеское соединение — Закаспийская дивизия белогвардейцев, выполнявшая задания английских интервентов и получавшая от них помощь. Эта дивизия под командованием генерала Литвинова угрожала продвижением в глубь Туркестана, где белогвардейцы могли объединяться с бандами басмачей. Нужно было немедленно отразить эту угрозу, разгромить и уничтожить белогвардейскую дивизию.

В начале декабря 1919 года советские войска перешли в наступление. Оно развивалось лишь вдоль

линии железной дороги на Красноводск, так как и на север и на юг от железнодорожного полотна простирались безводные песчаные пустыни.

9 декабря Куйбышев прибыл на станцию Казанджик, отбитую у белых.

Узнав о том, что вскоре начнутся похороны героев, погибших в боях за Казанджик, Валериан Владимирович отправился к братской могиле. Здесь уже собрались командиры и бойцы. Они застыли в скорбном молчании. В их руках крепко, до боли, сжаты винтовки.

Взобравшись на насыпь у братской могилы, Куйбышев произнес прощальную речь. Он говорил о славном подвиге павших героев. Он призывал к мести за их гибель, к дальнейшей борьбе с лютыми врагами. Он заверял советских воинов в том, что их впереди ждут новые победы.

Траурные речи окончены. Грянул орудийный залп. Под печальные звуки похоронного марша братская могила заполнялась сыпучим песком...

После траурного митинга Куйбышев собрал командиров на совещание. Командование советских войск предполагало продолжить наступление лишь дней через десять: в упорных боях за Казанджик бойцы переутомились и нуждались в длительном отдыхе. К тому же требовалась тщательная подготовка к трудному походу.

Но с такой медлительностью не согласился Куйбышев:

— Нельзя терять времени, нельзя позволять врагу оправиться после поражения под Казанджиком! Приказываю готовиться к наступлению через четыре-пять дней.

Все стали выполнять приказ с воодушевлением. Сам Куйбышев почти не отдыхал, находился среди бойцов и железнодорожников, подбадривал и воодушевлял. Из Ашхабада подходили подкрепления.

Был составлен и утвержден план окружения основных сил белогвардейской дивизии, которые сосредоточились на станции Айдин. Особая колонна советских войск во главе с Куйбышевым должна была незаметно зайти в тыл станции, преодолев стокилометровый обходный путь по безводной пустыне, обогнуть горный хребет Малые Балханы с юга и внезапно напасть на врага. Одновременно с этим другие красноармейские полки должны повести фронтальное, лобовое наступление вдоль железной дороги и завершить окружение неприятеля.

Обходный маневр колонны был очень трудный и рискованный. Красноармейцы знали, что им предстоит одно из двух: победить или погибнуть в жутких, безводных песках Кара-Кумов; в случае неудачи на обратный путь не оставалось бы ни пищи, ни воды для людей, ни корма для лошадей и верблюдов. Но бойцы смело двинулись в трудный и опасный поход. Они знали, что вместе с ними был бесстрашный комиссар Куйбышев. И они верили, что впереди их ждет только победа.

Основные очаги вооруженной борьбы в Туркестане.

Красноармейская колонна выступила в семь часов вечера 14 декабря. Шла четверо суток. Шла день и ночь, так как успех боевой операции зависел от быстроты и стремительности обхода.

Дул резкий, холодный, пронизывающий ветер. Песчаный буран слепил глаза, сковывал движение. Томила жажда: на каждого бойца воды полагалось лишь по три стакана в день.

И чем дальше, тем утомительнее становился поход. Кругом простирались песчаные холмы с торчащим на них жалким, мелким кустарником. Все реже слышались разговоры, все более растягивалась колонна, все сильнее чувствовалось всеобщее утомление.

Вместе с рядовыми бойцами Куйбышев разделял и мужественно переносил все лишения, все невзгоды долгого мучительного похода. И всякий раз, когда возникали особые трудности и опасность, Валериан

Владимирович приходил на помощь, советовал, отдавал приказы.

На четвертые сутки ночью красноармейская колонна подошла к песчаной горе, за которой находилась станция Айдин. Оставалось обойти гору и выйти на линию железной дороги. Атаковать белогвардейцев на станции решили утром, на рассвете.

Колонна остановилась на короткий привал. Красноармейцы подкрепили свои силы остатками воды и пищи и только что начали собираться в последний переход, как вдруг увидели спускавшихся с горы белогвардейских разведчиков. Они ехали на конях открыто, не подозревая о близости неприятеля. Командованию колонны ничего не оставалось, как бросить навстречу им кавалерийскую разведку, которая перехватила бы их и не дала бы возможности противнику обнаружить красноармейский отряд.

Десять лихих всадников помчались наперерез неприятельской разведке. Куйбышев с напряженным вниманием наблюдал за ними в бинокль. Вдруг разведчики противника заметили погоню и быстро начали удаляться за гору. Лошади у них были свежие, и вражеская разведка скрылась.

Настроение колонны упало. Противник теперь предупрежден. Он может подтянуть силы и организовать отпор. А это означало гибель колонны. Тем не менее путь к отступлению был отрезан. Оставалось одно — продвигаться вперед. Надо было немедленно разрушить железную дорогу и прервать телеграфную связь с обеих сторон станции Айдин. Два отряда были брошены для выполнения этой задачи.

Куйбышев поехал с тем отрядом, который был направлен в тыл станции. Через три часа кавалеристы доскакали до линии железной дороги. Но неприятельская разведка, обнаружившая красноармейскую колонну, несомненно, могла

достигнуть своего штаба значительно раньше. И тогда штаб обязательно выслал бы на железнодорожную линию охрану, но ее здесь не оказалось. И это было загадочно. Красноармейцы легко, без всякого сопротивления взорвали железнодорожный путь и прервали телеграфную связь Айдина с Красноводском.

Второй отряд, который должен был взорвать путь впереди станции Айдин, не смог выполнить этой задачи. Он наткнулся на крупный неприятельский отряд, охранявший железную дорогу. Таким образом, белогвардейский штаб сохранял связь с передовыми своими позициями.

Вскоре основные силы красноармейской колонны, перевалив через гору, сосредоточились на маленькой возвышенности близ станции. Было опять непонятно, почему противник не приготовился и здесь к обороне.

Белогвардейцы начали проявлять себя только после того, как открыла огонь советская артиллерия. В неприятельских рядах вспыхнула паника. Но потом противник стал приводить свои части в порядок, а когда он получил подкрепление — два бронепоезда и крупный отряд пехоты, то попытался даже перейти в контратаку. Однако красноармейский отряд неуклонно продвигался вперед. А в это время основная колонна красноармейцев подходила к станции, кольцом охватывая ее.

Во время боя Куйбышев находился в самых опасных местах. Кругом взрывались снаряды, свистели пули, падали сраженные бойцы.

Но вот в полдень стремительная атака красноармейцев сломила сопротивление белогвардейцев. На ровной пустыне появилась масса бегущих людей. Среди них был виден и небольшой конный отряд. Это бежал со всей свитой генерал Литвинов.

В этом бою советские войска захватили много пленных, штаб противника со «всеми документами и

материалами, полевую типографию, несколько броневигов и большое количество оружия, продовольствия. Наконец-то красноармейцы могли поесть и попить вдоволь.

При разборе документов, захваченных в белогвардейском штабе, нашли донесение командира конной разведки о том, что он в четырех верстах от станции Айдин обнаружил красноармейцев. На этом рапорте выделялась резолюция командира белогвардейской дивизии: «Арестовать паникера. Чтобы в четырех верстах могли очутиться красные — это исключено. Генерал Литвинов».

Только теперь стало понятно, почему белогвардейцы допустили обход и не подготовились к атаке.

Невдалеке от станции Айдин, на перегоне между станциями Ахча-Куйма и Перевал, в сентябре 1918 года английские интервенты и их наемники — закаспийские эсеры — под покровом ночи совершили гнуснейшее преступление: зверски расстреляли двадцать шесть бакинских комиссаров — лучших сынов азербайджанского пролетариата и тайком зарыли их в песке.

Валериан Владимирович после освобождения Айдина в тот же день, не отдохнув от тяжелого похода и боя, отправился на перегон, чтобы поклониться праху героев.

Память о погибших героях была дорога Куйбышеву. Он не только не забывал о них, но и заботился об их семьях. Как-то ему сообщили, что семья А. А. Масленникова, расстрелянного колчаковцами, очень нуждается. Валериан Владимирович немедленно послал Самарскому губкому партии телеграмму:

«Сын расстрелянного белыми Масленникова болен, и мать не имеет возможности и средств лечить его и содержать. Не найдет ли возможным губком произвести сбор или отчисление на лечение сына погибшего героя-

самарца? В счет этого сбора Реввоенсовет Туркфронта, начиная с июня месяца, будет выдавать по три тысячи рублей и одновременно пять тысяч. О результатах уведомите...»

Победа советских войск под Айдином предрешила окончательную гибель белогвардейцев, несмотря на их упорное сопротивление и на поддержку английских интервентов с Кавказа. Советские войска неудержимо продвигались к Красноводску. Чтобы приостановить их наступление, белогвардейцы разрушили железную дорогу на подступах к городу, открыли огонь с кораблей своей каспийской флотилии. Но ничто не могло их спасти. После ожесточенного боя красноармейские части вступили в Красноводск, о чем Куйбышев немедленно телеграфировал В. И. Ленину: «Красными войсками Туркфронта 6 февраля в 12 часов дня занят город Красноводск».

В тот же день советские войска заняли нефтепромышленный район Челекен с богатыми запасами нефти. А через несколько дней десант советских моряков с бою захватил Чикишляр — пункт на границе с Персией.

Теперь все Закаспие было очищено от белогвардейцев и интервентов, стало советским. Отвоеван богатый нефтью район, занята важная железнодорожная магистраль, на которую опирались советские войска, прикрывавшие государственную русско-персидскую границу. Выполнена ленинская директива: установлена связь трудящихся Туркестана с народами Кавказа. Через Каспийское море Куйбышев наладил снабжение оружием азербайджанских коммунистов, которые самоотверженно боролись за власть Советов.

Ликвидация белогвардейцев в районе Ашхабад — Красноводск значительно облегчила Красной Армии

борьбу и на других участках гражданской войны в Туркестане.

В начале февраля 1920 года советские войска повели решительное наступление против банд хивинского хана Сеид-Абдуллы. 7 февраля был освобожден город Хива и свергнута монархия. Вскоре власть перешла к трудящимся бывшего хивинского ханства, провозгласившим Хорезмскую Народную Советскую Республику.

До конца февраля 1920 года Куйбышев непосредственно руководил борьбой за полное освобождение Туркестана. В обстановке хозяйственной разрухи и ожесточенной гражданской войны Валериан Владимирович не всегда мог связаться с Фрунзе даже по телеграфу. А между тем каждый день возникали острые вопросы, требовавшие срочного согласованного решения.

21 января 1920 года Куйбышеву удалось по прямому проводу вызвать Фрунзе из Самары.

— Наконец-то мы добились связи с вами, — начал обрадованный Валериан Владимирович, — сможем выслушать ваши упреки и уверены, что оправдаемся. Наиболее важный вопрос, который мы хотели поднять, — это присылка живой силы вместо учреждений и чиновников. Здесь их и без того достаточно. Вы приблизительно знаете политическую атмосферу Туркестана и наше здесь положение и потому поймете, что присылка одних учреждений, создающих пока квартирный и другие кризисы, вредно отражается на нашей работе. Переформирование Туркармии совершенно необходимо, смена гарнизона — все это задерживается благодаря отсутствию центральных войск...

И Куйбышев перечислил названия тех красноармейских частей, которые, по его мнению, необходимо срочно направить в Туркестан.

А в ответ на эту просьбу Фрунзе передавал из Самары:

— Здравствуйте, товарищи! Ругать вас не собираюсь, все равно не поможет. Относительно скорейшей подачи войск должны меры приняты...

О многом переговаривали по телеграфным проводам два боевых друга. Много важных решений было принято. Много становилось яснее. Но как бы хотелось Куйбышеву и Фрунзе опять быть вместе, рядом, плечом к плечу, и, склонившись над оперативной картой, обсуждать планы боевых операций!..

Заканчивая разговор, Куйбышев просил Михаила Васильевича:

— Торопитесь ехать, не задерживайтесь в пути. Есть масса политических, дипломатических и военных вопросов, крайне острых и спешных, которые мы бы хотели решить вместе с вами. До свидания!..

22 февраля 1920 года после долгой разлуки Куйбышев и Фрунзе встретились в Ташкенте. Валериан Владимирович подробно ознакомил командующего фронтом с обстановкой в Туркестане. Был выработан план работ по дальнейшему укреплению советской власти в этом крае.

Особое внимание было уделено реорганизации армии. На первых порах, до приезда сюда Куйбышева и Фрунзе, комплектование красноармейских частей в Туркестане, оторванном от центра, осуществлялось своеобразными, анархо-партизанскими методами. Войска дробились на отряды и группы, лишенные взаимной связи. Наряду с подлинной пролетарской революционной дисциплиной в войсках сохранялись еще остатки партизанщины. Так, один полк забрал более двухсот пулеметов, в то время как другие части не имели даже винтовок. Однако этот полк не желал делиться с другими, считая, что это «его» имущество, «его» собственность.

Реорганизация советских войск в Туркестане была начата Куйбышевым еще в конце 1918 года. Теперь, когда в Ташкент прибыл Фрунзе, эта работа усилилась.

Дезорганизованные красногвардейские части превращались в крепкие, сплоченные революционной дисциплиной полки, бригады, дивизии.

Очередной боевой задачей было успокоение Семиречья, где в течение многих месяцев бушевало контрреволюционное восстание. Желая ослабить советскую власть и подорвать доверие к ней населения Семиречья, кулаки и белогвардейцы разжигали национальную вражду между киргизами и русскими. Нужно было немедленно разоблачить гнусные козни врагов советской власти и трудового народа.

2 марта 1920 года Фрунзе и Куйбышев обратились к населению Семиречья с воззванием. В нем они призвали все враждующие народности Семиречья к примирению и дружбе.

Одновременно с этим Фрунзе и Куйбышев приказали местным органам власти в корне пресекать вражеские происки.

Организованные и усиленные советские войска успешно повели планомерное наступление против контрреволюционных шаяк семиреченского кулачества. В конце марта эти шайки были разгромлены.

Однако кулаки Семиречья и после этого не захотели примириться с советской властью. Через некоторое время они возобновили борьбу. По их наущению в июне 1920 года в городе Верном взбунтовался местный гарнизон. Мятежники осадили здание областного революционного комитета, угрожая кровавой расправой с находившимися там коммунистами и советскими работниками.

Сообщение об этом очень встревожило Куйбышева и Фрунзе. Надо было немедленно подавить мятеж в городе и спасти людей, преданных советской власти.

В то время во главе Верненского областного революционного комитета стоял Дмитрий Андреевич Фурманов. Находясь в осаде с горсточкой коммунистов, он все же сумел установить и держать телеграфную связь с Фрунзе и Куйбышевым, получал от них советы и указания.

Валериан Владимирович часто подходил к прямому проводу, беседовал с Фурмановым, ласково ободрял своих верненских друзей, призывал их к стойкости:

— Всеми силами старайтесь выиграть время! Помощь вам идет. Никаких уступок мятежникам! Скажите им, что если они раскаются, то им не будет никакого наказания. Если же приказ не будет выполнен, то с мятежниками будет разговор, как с предателями и палачами Советской России...

Осажденные остались до конца верными своему долгу. Уже была занесена над ними вражеская рука. Мятежники вот-вот могли ворваться в здание обкома. Но вовремя подоспела помощь, обещанная Фрунзе и Куйбышевым. Осажденные были спасены, а мятежники сурово наказаны.

Когда пришли в Ташкент желанные вести о том, что мятежники сложили оружие, на лице Куйбышева появилась улыбка. Он еще раз вызвал по прямому проводу Фурманова, долго душевно беседовал с ним, а в заключение тепло похвалил его:

— Пользуюсь случаем заявить, что ваша работа встречена Реввоенсоветом одобрением. И за все время событий мы с удовольствием наблюдали вашу энергию и такт...

Политическое руководство Куйбышева имело большое значение и в борьбе с басмачеством в Фергане. Необходимо было не только громить басмачей, но и высвободить из-под их влияния обманутых баями и муллами бедняков и середняков. К Куйбышеву сходились все нити руководства политической работой

по ликвидации басмачества. Он писал прокламации и воззвания к населению, лично отбирал и инструктировал агитаторов *и направлял их в массы. Агитация постепенно стала подрывать корни басмаческого движения. Многие бедняки, обманом вовлеченные в банды, стали понимать, что им с басмачами не по пути, что главари басмаческих шаяк, по существу, отстаивают интересы баев и духовенства. Вследствие этого многие басмаческие отряды стали редеть и распадаться.

Так же победно закончилась борьба против Сеид-Алима, эмира бухарского. Этот тиран немилосердно угнетал трудовой народ Бухары. В стране нарастало народное возмущение. Героический пример трудящихся России, сбросивших с себя вековое иго царизма, вдохновлял бухарский народ на борьбу. И он восстал против ненавистного эмира.

Но восставшим не хватало оружия. К тому же они были неопытны в военном деле. Войска эмира нанесли им тяжелое поражение.

Тогда руководители восстания послали в штаб советских войск Туркестанского фронта делегатов с просьбой поддержать народную революцию в Бухаре.

Реввоенсовет, возглавляемый Фрунзе и Куйбышевым, решил удовлетворить эту просьбу и прийти на помощь восставшему народу. Так поступили еще и потому, что, как стало известно, сам эмир Сеид-Алим, подстрекаемый империалистической Англией, готовился к нападению на Советскую Россию. Нужно было опередить его и немедленно нанести удар.

Вооруженные силы, которые советское командование могло послать в Бухару, были в четыре раза меньше, чем войска эмира. Однако Куйбышев и Фрунзе были твердо уверены в победе. Они знали, что красноармейцы будут сражаться за честь своей Родины, за освобождение трудящихся Бухары.

Предстоял трудный, утомительный поход по пескам раскаленной, безводной пустыни, где повсюду сновали шайки басмачей. Много бессонных ночей провели Фрунзе и Куйбышев, подготавливая этот поход, составляя план боевых операций.

В конце августа 1920 года, в шестидесятиградусную жару, двинулась красная конница, за нею пехота, артиллерия. Под ногами бойцов зыбучие пески. А сверху палило раскаленное солнце. По синему небу плыли и таяли белесые облака, гонимые разгоряченным ветром.

Боевые операции против войск эмира начались успешно. Ими руководил непосредственно Фрунзе, выехавший на фронт. Куйбышев же оставался в Ташкенте и оттуда оказывал всяческое содействие. Между собою Фрунзе и Куйбышев держали связь по телеграфу. 31 августа, в самый разгар боев за город и крепость Бухару, Куйбышев вызвал к прямому проводу Фрунзе:

— Здравствуйте, Михаил Васильевич! Вызвал вас, чтобы информироваться не столько в обстановке, которая вам, очевидно, недостаточно ясна за отсутствием связи, сколько о ваших впечатлениях и предположениях. Сообщаю, в Ташкенте бухарскими революционерами с нашего согласия или, вернее, при нашей инициативе арестован в консульстве бухарский консул со всеми его служащими.

— С обстановкой действительно знаком не вполне. В близлежащих районах, то есть на шахризьбском и зиаэддинском направлениях, все обстоит благополучно: вероятно, Китаб занят еще вчера, но донесения не поступало, ибо идет конной почтой. Несколько озабочиваюсь обстановкой под Бухарой, где дело должно было быть решено если не в первый, то во второй день, а между прочим, до сих пор нет известий по окончательному разрешению вопроса. Вчера отдал приказ командарму I бросить на помощь что можно со

стороны Чарджуя. Сегодня буду производить группировку в районе Кизил-Тепе для удара с северо-востока; сегодня же предварительно предполагаем занять район Кермине. В общем и целом операция пока что развивается успешно. Настроение твердое.

Проинформировав друг друга о положении на фронте и в крае, Фрунзе и Куйбышев договорились о плане дальнейших действий.

Их совместные усилия вскоре увенчались полным успехом. Однако победа над врагом потребовала от советских войск большого напряжения. Нестерпимый зной расслаблял тело и волю бойцов. Мучительная жажда истощала силы. Непролазные пески замедляли движение.

Но все лишения и препятствия были преодолены.

Из мертвой пустыни советские войска, наконец, спустились в цветущую долину. Показалась красочная Бухара, столица эмира. С разных сторон подошли к ней красноармейские полки, обложили ее, взяли в крепкие клещи.

Эмир со своими войсками укрылся за толстыми стенами крепости Старой Бухары. Надо было брать ее штурмом.

Свинцовым дождем из ружей и орудийными снарядами были встречены отряды штурмовиков. Целый день шла кровопролитная битва, но победа не была одержана. С рассветом второго дня штурм возобновился, но также безуспешно.

Лишь на третий день отважные саперы сумели взорвать крепостную стену. В образовавшуюся брешь прорвались конница и пехота. Разгорелись уличные бои. Дом за домом, улица за улицей приходилось очищать от озверевшей гвардии эмира. Наконец 2 сентября над крепостью взвилось красное знамя, возвестившее о полной победе.

В тот же день Фрунзе телеграфировал В. И. Ленину: «Крепость Старая Бухара взята сегодня штурмом соединенными усилиями красных бухарских и наших частей. Пал последний оплот бухарского мракобесия и черносотенства...»

За участие в организации операции и энергичное руководство переброской резервов, содействовавшие успешному исходу боевых операций под Бухарой, Куйбышев был награжден почетным оружием.

Вскоре после этого, 8 сентября, Куйбышева назначили полномочным представителем РСФСР в Бухарской Народной Советской Республике.

Теперь в Туркестане навсегда был установлен советский строй. Народы Средней Азии не только были освобождены от ненавистного гнета баев и мулл, от зверского разбоя басмачей, от порабощения англичанами-интервентами, но и впервые познали радость ленинской дружбы народов. И во всем этом большую роль сыграли Куйбышев и Фрунзе. Их усилиями в 1920 году были заложены основы среднеазиатских советских социалистических республик.

Валериан Владимирович пользовался широкой популярностью и любовью среди трудовых масс Туркестана. Мужество и мудрость Куйбышева, его забота о трудящихся Туркестана покоряли их сердца. По всем аулам и кишлакам распространялась народная молва о Фрунзе-ака и Койбаши-ака: так называли дехкане Фрунзе и Куйбышева, своих спасителей и защитников от гнета баев, мулл и басмачей.

Народные певцы слагали вдохновенные песни о добрых посланцах великой партии Ленина. И часто можно было видеть, как, окружив певца на базаре или в чайхане, дехкане внимательно слушали его песню:

*Мы были голодны, сиры и босы.
Земля была нашей постелью, небо — одеялом,*

*А пищей — утренняя роса.
Мы восстали против власти эмира и баев.
Но разве толпа ягнят может сопротивляться
мяснику?
И тогда, когда мы приходили к черноте
отчаянья,
Нам помог наш великий отец Ленин.
Он прислал к нам своих помощников —
Прунзе-ака и Койбаши-ака.
Прунзе-ака был полководцем, храбрым, как
джульбарс,
А Койбаши-ака осушал наши слезы.*

В среднеазиатских кишлаках в те годы передавалось из уст в уста сказание о человеке, который обладал удивительной способностью видеть все, видеть прошлое и будущее. Этого человека звали Койбаши-ака.

Руководствуясь ленинским наказом, Куйбышев во время своего пребывания в Туркестане всячески налаживал дружественные связи с народами соседних стран. Уже в феврале 1920 года он мог заявить, что «сейчас взаимоотношения с Китаем становятся в порядок дня и Турккомиссией предприняты меры для установления дружественных отношений с Китайским правительством».

По приглашению Комиссии ВЦИК и Совнаркома по делам Туркестана в Ташкент приезжали правительственные делегации и делегации революционных организаций Китая, Индии, Афганистана, Ирана и Турции.

Выступая на чествовании представителей Индии, Куйбышев заявил:

— Индия — скованная спящая красавица, и речи бежавших оттуда революционеров — это первый вздох, за которым последует ее пробуждение.

В своем ответном слове руководитель индийской делегации, поблагодарив за теплый, товарищеский прием, сказал:

— Мы боремся и ненавидим английское правительство, но не английский народ, ибо мы знаем, что это правительство также угнетает свой рабочий класс, как и нас.

В конце июля 1920 года Фрунзе и Куйбышев дали банкет в честь турецкой делегации, возглавляемой Джемалем-пашой. В своих приветственных речах они отметили, что победы Красной Армии над белогвардейцами и интервентами способствовали подъему освободительного движения в Турции. По поводу этого банкета газета «Известия Туркестанского краевого комитета РКП (б) и ТуркЦИК» писала:

«Знаменателен тот факт, что в бывшей колонии царской России, в Туркестане, за одним столом с одними надеждами и стремлениями встречаются представители свободной России, революционной Индии и восставшей Турции».

Выступление В. В. Куйбышева на митинге в Туркестане.

НА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ СТРОЙКУ

Пожар гражданской войны постепенно затухал. Один за другим ликвидировались фронты. Интервенты и белогвардейцы всех мастей были разгромлены и изгнаны с советской земли.

Попытка Вильгельма II покорить советских людей окончилась гибелью кайзеровской монархии в Германии и позорным бегством немецких оккупантов из Советской Украины и Прибалтики. Получив решительный отпор под Петроградом, генерал Юденич был вынужден искать убежища у своих английских покровителей. Расстрелянный Колчак исчез в кипучих водах бурной сибирской реки Ангары. Его незадачливые соратники — бесславные генералы и атаманы белогвардейских банд еле укрылись за рубежом, перейдя на содержание англо-японо-американских разведок. Горечь поражения переживал Деникин, поселившись в одной из лондонских гостиниц. Гетман Скоропадский отплыл за океан и там, в далекой Америке, тешил себя надеждой на захват Украины. Атаман Петлюра отсиживался в Варшаве, пригретый польским диктатором Пилсудским, тщетно пытаясь вместе с ним предпринять новый набег на советские земли. Вместе с битым бароном Врангелем уплыли из Крыма в Турцию, в Константинополь, аристократы, помещики, банкиры, генералы и прочая белогвардейская нечисть. Утвердилась советская власть и в Туркестане: ее враги — ханы, эмиры, белогвардейцы, интервенты — были вынуждены сложить оружие или бежать за границу. Лишь Дальний Восток пока оставался в руках японских захватчиков.

Могущественные силы международного империализма были разгромлены. Чем же объясняется

эта победа Красной Армии? Прежде всего высоким патриотизмом красноармейских масс и всего советского народа. Народные массы — основная сила, сломившая хребет международной интервенции и внутренней белогвардейщины.

Эта народная сила оказалась особенно могучей потому, что ею руководила мудрая Коммунистическая партия и гений ее великого вождя Ленина. Партия сумела поднять и организовать народные массы на героическую и победную борьбу против внешних и внутренних врагов Советского государства. Партия сумела выдвинуть из своих рядов таких талантливых полководцев, как Фрунзе, и таких авторитетных политкомиссаров, как Куйбышев, которые, выполняя указания ленинского Центрального Комитета партии, подготовили Красную Армию и обеспечили ее победы.

Красная Армия в годы гражданской войны смогла разгромить своих врагов еще и потому, что советский народ оказался не одинок, что он встретил горячее сочувствие и братскую поддержку трудящихся всего мира. Рабочие империалистических стран тогда организовывали стачки, отказывались грузить военное снаряжение для интервентов и белогвардейских армий, создавали «Комитеты действия» под лозунгом «Руки прочь от России!» Под влиянием революционной агитации солдаты армий интервентов отказывались воевать против Красной Армии, и империалистам пришлось выводить свои войска обратно из Советской России. О решающем значении такой пролетарской солидарности неоднократно говорил В. И. Ленин.

Но в Стране Советов оставались другие, не менее опасные враги — разруха и голод. После семи лет империалистической бойни и гражданской войны большинство фабрично-заводских труб уже не дымили, а обширные поля не пахались и не засеивались. Были разрушены или затоплены шахты, и потому не хватало

угля. На железнодорожных станциях замерли паровозы, в беспорядке сгрудились разбитые вагоны, покрываясь ржавчиной. На перронах вокзалов кучами валялись изголодавшиеся, изможденные люди, бежавшие от голода. Многие из них метались в тифозном бреду. Беженцы тщетно ожидали поездов, решив добраться до хлебных мест. И, не дождавшись, брели пешком по проселочным дорогам, с котомками и мешками за плечами, заходили в деревни и там вымаливали кусок хлеба в обмен на тряпье.

Враги советского народа ликовали. Зарубежные империалисты надеялись, что Советская страна задохнется в тисках голода. Эту надежду разделяли со своими иностранными союзниками и внутренние враги, пытавшиеся подорвать в народе доверие к советской власти, к ленинскому Центральному Комитету.

Перед Коммунистической партией встала труднейшая задача: немедленно прийти на помощь страдавшемуся народу, спасти его от голодной смерти, срочно залечить раны, нанесенные войнами, покончить с остатками враждебных элементов внутри страны, восстановить народное хозяйство, приступить к социалистическому строительству. И вот Коммунистическая партия и Советское правительство посылают лучших своих сынов на социалистическую стройку.

В январе 1921 года Валериан Владимирович был направлен из армии на профсоюзную работу, а затем избран членом Президиума ВЦСПС. С 3 февраля Куйбышев стал руководить экономическим отделом ВЦСПС.

В то время профсоюзы должны были поднять и организовать трудовые массы на борьбу за восстановление народного хозяйства.

За разрешение этой ответственной задачи Куйбышев взялся с присущим ему организаторским талантом.

Выступая последовательным сторонником ленинского ЦК партии, он беспощадно громил дезорганизаторов и саботажников, вел непримиримую борьбу с «рабочей оппозицией», троцкистами и другими антипартийными элементами, пытавшимися противопоставить профсоюзы партии. Его принципиальная выдержанность, огромный революционный опыт и авторитет помогли партии разоблачить и разгромить всех предателей трудового народа.

Вопрос о роли профсоюзов в социалистическом строительстве обсуждался в марте 1921 года на X съезде партии в связи с дискуссией, навязанной партии оппозиционерами.

Съезд собрался в Москве в чрезвычайно трудной обстановке. Послевоенная хозяйственная разруха лишала народ самого необходимого: питания, одежды, жилищ. Неурожай в 1920 году еще более обострил продовольственный кризис в стране. Немилосердно палящее солнце иссушило поля. От жарких суховеев погорели ранние всходы. На раскаленной и исполосованной трещинами земле погибло много посевов.

Голод, нищета и лишения порождали недовольство среди крестьян и рабочих. Это недовольство подогревалось врагами советской власти: белогвардейцами, меньшевиками, эсерами, анархистами, буржуазными националистами. Под влиянием их агитации во многих районах республики вспыхивали контрреволюционные мятежи. В лесах рыскали банды зеленых. Отпетые головорезы гонялись за советскими продовольственными отрядами, отбивали у них обозы и поезда с хлебом, убивали коммунистов.

Особенно угрожающим был кронштадтский мятеж, начавшийся незадолго до X съезда партии. Подстрекаемые белогвардейцами, эсерами и меньшевиками — агентами зарубежных империалистов,

мятежники захватили флот и первую классную крепость Кронштадт. Против кронштадтских мятежников выступили красноармейские отряды. Вместе с ними в штурме крепости участвовало около трехсот делегатов X съезда партии. Мятеж был быстро подавлен, а Кронштадт очищен от врагов.

Воспользовавшись возникшими затруднениями в стране, оппозиционеры повели беспринципную атаку на ленинское руководство Центрального Комитета партии и навязали партии дискуссию.

Дискуссия развернулась по вопросу о профсоюзах, но, по существу, она имела более широкое значение. Борьба разгорелась по вопросу об отношении партии к беспартийной массе рабочих.

Партия взяла курс на вовлечение профсоюзов в борьбу за восстановление народного хозяйства, на развитие в профсоюзах демократии. Против этого важного, жизненно необходимого мероприятия выступили троцкисты. Они настаивали на «огосударствлении профсоюзов», требовали «завинтить гайки» военного коммунизма и «перетряхнуть профсоюзы», предлагали вместо профсоюзной демократии метод принуждения и командования профсоюзными массами. Своей провокационной политикой троцкисты пытались восстановить рабочие массы против партии, подорвать союз рабочего класса с крестьянством и тем самым поколебать основы диктатуры пролетариата.

Иную, но такую же провокационную политику пыталась навязать партии так называемая «рабочая оппозиция». Преувеличивая роль профсоюзов, противопоставляя их Советскому государству и Коммунистической партии, «рабочая оппозиция» настаивала на передаче управления всем народным хозяйством профсоюзам, так называемому «Всероссийскому съезду производителей». Партия не

могла согласиться с таким предложением, так как это неизбежно привело бы к дальнейшему упадку народного хозяйства и к полному отрыву рабочих масс от партии. Против ленинского партийного руководства яростно выступила и группа «демократического централизма», требовавшая полной свободы фракций и группировок, а также группа Бухарина, которая защищала троцкистов, а затем объединилась с ними в борьбе против Ленина.

Все это создавало в стране и партии крайне напряженную атмосферу. Все ожидали, что внутрипартийная борьба особенно разгорится на X съезде партии.

Куйбышев, делегированный на съезд, был полон решимости поддерживать и отстаивать ленинские позиции по всем вопросам. Утром 8 марта он с большим волнением вошел в зал заседания съезда. Уже сотни делегатов заняли свои места. Ожидали появления Ленина.

Вдруг где-то в коридоре прозвучал звонок, и в ту же минуту по сцене к столу президиума стремительно прошел Владимир Ильич в пальто и шапке-ушанке. В зале раздался гром аплодисментов. А пока Владимир Ильич снимал пальто с себя и укладывал его на спинке кресла, аплодисменты перешли в овацию. Ленин так же стремительно подошел к самому краю сцены и, переступая с ноги на ногу, поглаживая лысину, прищуренным взглядом осматривал зал, выжидая, пока овация стихнет.

— Товарищи, позвольте объявить открытым X съезд Российской коммунистической партии, — расслышал Куйбышев знакомый чуть картавый голос Ленина сквозь еще не совсем стихнувшие рукоплескания. И этот голос целиком приковал внимание Валериана Владимировича.

Великой радостью и гордостью переполнили его сердце ленинские слова:

— ...Товарищи, мы в первый раз собираемся на съезд при таких условиях, когда вражеских войск, поддерживаемых капиталистами и империалистами всего мира, на территории Советской республики нет.

Слушая вождя, Валериан Владимирович вспомнил годы гражданской войны, годы великих побед Красной Армии. А Ленин, упомянув об этих победах, уже говорил о громадных трудностях, возросших после войны, о враждебном капиталистическом окружении, в котором все еще находилась молодая Советская республика, об оппозиции, которая в столь тяжелое время навязала партии дискуссию и тем самым расшатывала и ослабляла диктатуру пролетариата.

— Товарищи, мы пережили год исключительный, мы позволили себе роскошь дискуссий и споров внутри нашей партии. Для партии, которая окружена врагами, могущественнейшими и сильнейшими врагами, объединяющими весь капиталистический мир, для партии, которая несет на себе неслыханное бремя, эта роскошь была поистине удивительна!^[20]

В тот же день, после перерыва, на втором заседании съезда В. И. Ленин выступил с отчетом о политической деятельности Центрального Комитета партии. Отчет вызвал резкие нападки оппозиционеров.

Владимир Ильич, слушая их клеветнические и провокационные выпады, сидел за столом президиума, время от времени укоризненно покачивал головой, делал пометки на листке бумаги. Иногда он откидывался на спинку кресла и из-под сурово нависших бровей метал негодующие взгляды в сторону оппозиционеров.

Но вот на трибуне снова Владимир Ильич. В своем заключительном слове, беспощадно высмеяв и разоблачив своих противников, он решительно под одобрительные аплодисменты заявил:

— Не надо теперь оппозиции, товарищи! И я думаю, что партийному съезду придется этот вывод сделать, придется сделать тот вывод, что для оппозиции теперь конец, крышка, теперь довольно нам оппозиций!^[21]

Эти слова вождя призывали партию к единению перед новыми боями с врагами революции. И этот призыв был поддержан громом одобрительных рукоплесканий.

Шел третий день съезда. За столом президиума сидел Ленин, сильно осунувшийся, утомленный. Вскоре он поднялся и вышел.

— Болен, — впервые пронеслась тревожная весть. — Острые головные боли...

Как и других делегатов, эта весть глубоко беспокоила Куйбышева. Тревога больно сжала его сердце.

Но, несмотря на недомогание, Владимир Ильич продолжал руководить работами съезда. X съезд принял важные решения. В противовес оппозиции, по предложению В. И. Ленина, было признано необходимым, чтобы профсоюзы, являющиеся школой коммунизма, школой хозяйственного управления, поднимали рабочие массы на борьбу с хозяйственной разрухой не методами военного приказа, а путем убеждения и политического воспитания.

Было также принято решение о замене продразверстки продналогом, о переходе от военного коммунизма к новой экономической политике (нэп). В своем гениальном докладе по этому вопросу В. И. Ленин указал на то, что хотя свобода торговли хлебными излишками у крестьян и приведет к некоторому оживлению капитализма в стране, но зато такое мероприятие будет способствовать быстрому подъему сельского хозяйства. А это, в свою очередь, поможет восстановить государственную промышленность, с тем чтобы потом можно было перейти к ликвидации

остатков капитализма в стране. Нэп, по мысли В. И. Ленина, был лишь временным отступлением для того, чтобы, экономически окрепнув, страна могла перейти в решительное наступление и добиться полной победы социализма.

Наконец по предложению В. И. Ленина была принята особая резолюция — «О единстве партии». Признав весьма опасным раскол партии на фракции, съезд осудил оппозиционные группировки, подрывающие партийное единство. С целью обуздания фракционной деятельности оппозиционеров съезд уполномочил Центральный Комитет в случаях нарушения ими партийной дисциплины принимать против них все меры партийного взыскания, вплоть до исключения из Центрального Комитета и даже из партии.

По всем этим вопросам Куйбышев разделял и твердо отстаивал ленинские позиции.

На X съезде партии Куйбышева избрали кандидатом в члены ЦК РКП (б).

Так как после съезда оппозиционеры продолжали антипартийную линию, перенеся фракционную борьбу в местные партийные организации, то Центральный Комитет партии направил своих представителей в наиболее крупные центры. Валериану Владимировичу Куйбышеву, как бывшему руководителю самарской партийной организации, был выдан мандат в Самару:

«Предъявитель сего В. В. Куйбышев, ввиду тяжелого политического положения Самарской губернии, по просьбе самарских делегатов, командирован в г. Самару в качестве представителя ЦК РКП (б)».

Прибыв в Самару, Валериан Владимирович подробно ознакомился с партийной организацией, побывал во многих фабрично-заводских партийных ячейках, беседовал с рядовыми коммунистами-рабочими. Опираясь на них, Куйбышев повел атаку против фракционеров, очистил от них Самарский губернский

партийный комитет. Состоявшийся затем пленум губкома вполне одобрил деятельность Куйбышева — посланца ленинского Центрального Комитета партии.

Выполняя директивы партии, Куйбышев всемерно содействовал восстановлению народного хозяйства, претворению в жизнь ленинского плана электрификации молодой Советской республики.

Еще в декабре 1920 года на VIII Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин в своем докладе заявил:

— Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны.

По инициативе и под руководством В. И. Ленина был разработан так называемый план ГОЭЛРО (Государственной комиссии по электрификации России). Эту комиссию возглавлял Г. М. Кржижановский. В ее работах участвовало свыше двухсот лучших представителей науки и техники. Ленинский план электрификации страны, по существу, являлся прообразом социалистических пятилеток. Планом ГОЭЛРО предусматривалось строительство мощных электростанций, на основе которых можно было бы в течение десяти-пятнадцати лет преобразовать экономику нашей Родины и заложить прочный фундамент социализма в стране.

План ГОЭЛРО еще при В. И. Ленине стал успешно претворяться в жизнь. По призыву Коммунистической партии и ее вождя началось всенародное движение. Сотни тысяч людей, несмотря на голод и холод, дружно поднялись и слились в трудовом порыве. На торфяных болотах сооружались электростанции. Реки преграждались плотинами, и возле них углублялись котлованы для гидроэлектростанций. А от них на столбах натягивались электропровода в города и села. В деревенских хатах вспыхивали чудесные «лампочки Ильича». Оживали и приходили в движение станки на заводах и фабриках.

В. И. Ленин неоднократно указывал на то, что план электрификации страны — это вторая программа партии. Практическое выполнение этой трудной программы неразрывно связано с именем Валериана Владимировича Куйбышева. В мае 1921 года он был назначен членом Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ), а затем начальником Главэлектро. Под непосредственным руководством Куйбышева строились первенцы электрификации — Волховская, Каширская, Кизеловская и Шатурская электростанции.

Волховстрой! Как волновались тогда те, кто приступал к этому первому нашему крупному строительству! Валериан Владимирович посвятил много дней и ночей этому делу, изучая и подбирая людей. Руководить таким крупным строительством приходилось впервые, и он поглощал том за томом специальной литературы по вопросам электропромышленности.

Валериан Владимирович глубоко верил в практическое осуществление ленинского плана электрификации нашей страны.

— Не за горами то время, — убежденно говорил он, — когда не будет ни одного села, ни одной деревни темной, неосвещенной.

Как-то рассказали ему о страданиях голодавшего вследствие сильной засухи Поволжья. Внимательно выслушав, Куйбышев сказал:

— А вот Владимир Ильич уже обдумывал, как освободить Поволжье от засухи и голода. Он вызывал к себе специалистов-инженеров и советовался с ними, можно ли соорудить в Поволжье такую гидростанцию, которая давала бы не только электричество, но и воду засушливым степям. И, несмотря на то, что среди специалистов было много маловеров, Ленин убежден, что орошение засушливого Поволжья вполне возможно.

Вместе с В. И. Лениным в этом был убежден и Валериан Владимирович.

Как начальник Главэлектро, Куйбышев уделял большое внимание и радиопромышленности. Советское радио во многом обязано ему. Еще в феврале 1922 года Валериан Владимирович составил проект постановления ВСНХ, в котором он всесторонне обосновывал необходимость срочной помощи советской радиопромышленности.

Выступая на совещаниях, Куйбышев отстаивал независимость советской радиопромышленности от иностранной техники:

— Это необходимо потому, что радиотехника быстро развивается. При быстром развитии ее зарубежные капиталисты будут выбрасывать на советский рынок устаревшие изделия, а в своих руках оставлять радиоприборы новейшей конструкции. К счастью, мы можем заявить, что русская радиотехника самостоятельно и своими путями достигла того же уровня, что и радиотехника передовых капиталистических стран. Этими успехами наша республика обязана группе советских радиоинженеров, работавших самоотверженно в весьма трудной обстановке и создавших замечательные образцы различных приборов.

В этих высказываниях Куйбышева проявилась и его большая осведомленность в специальных вопросах радиотехники и гордость за достижения советских инженеров.

По предложению Куйбышева ВСНХ принял конкретные меры к широкому распространению радио в нашей стране.

В марте 1922 года на XI съезде РКП (б) Куйбышев был избран членом ЦК РКП (б). И на этом съезде он непоколебимо отстаивал ленинские позиции.

Учитывая большие организаторские способности, опыт и авторитет Куйбышева, партия в апреле 1922 года выдвинула его на весьма ответственную партийную

работу: по предложению В. И. Ленина его избрали секретарем Центрального Комитета РКП (б). Тогда же на Пленуме ЦК партии генеральным секретарем был избран И. В. Сталин.

С этого времени Куйбышев становится одним из ближайших помощников В. И. Ленина, повседневно общаясь с ним и практически претворяя в жизнь его директивные указания.

Вместе с И. В. Сталиным В. В. Куйбышев активно участвует во всей руководящей работе партии, неуклонно отстаивая ленинскую линию в борьбе с оппозицией, в борьбе за укрепление Советского государства.

Всецело доверяя Валериану Владимировичу, испытанному борцу за коммунизм, В. И. Ленин еще до избрания Куйбышева секретарем ЦК партии часто обращался к нему за советом и содействием по разным вопросам.

Как-то к В. И. Ленину поступила докладная записка К. Шура. В ней критиковалась структура профсоюзных организаций и выдвигалось предложение об ее изменении. Владимир Ильич передал эту записку Куйбышеву со своей припиской:

«Прошу краткого отзыва по существу этой записки».

Получив от Куйбышева отрицательный отзыв, В. И. Ленин наложил на докладной записке К. Шура резолюцию:

«В архив».

С полным доверием Владимир Ильич обратился к Куйбышеву в другой раз, когда встал вопрос об организации так называемой «Автономной индустриальной колонии Кузбасса». Во второй половине 1921 года группа американских рабочих и инженеров во главе с коммунистом С. Ю. Рутгерсом начала переговоры с Советским правительством о передаче им части Кузнецкого каменноугольного бассейна в Сибири для

добычи угля, в котором очень нуждались советские заводы, фабрики, железные дороги.

Это обращение американских рабочих было одним из проявлений наблюдавшегося в то время стремления иностранных рабочих оказать Советской России помощь в восстановлении ее промышленности.

Придавая этому обращению большое политическое и экономическое значение, В. И. Ленин сам принял активное участие в переговорах с американцами. Непосредственное же ведение переговоров и оформление договора Владимир Ильич поручил Куйбышеву, которому он давал по этому делу и устные и письменные указания.

Так, 19 сентября 1921 года В. И. Ленин послал ему подробное письмо. В нем были изложены условия договора и даны практические указания о немедленном использовании тех американских рабочих, которые уже приехали в Советскую Россию.

Через несколько дней Владимир Ильич отправил Куйбышеву второе письмо с приложением проекта подписки об обязательствах американских рабочих перед Советским правительством и советским народом. В своей ответной записке Куйбышев сообщил В. И. Ленину о принятии Рутгерсом всех пунктов запроектированной подписки.

Оживленная переписка по этому вопросу между Лениным и Куйбышевым продолжалась до конца ноября 1921 года, когда был окончательно оформлен договор, а затем в 1922 году создана «Автономная индустриальная колония Кузбасса» на правах государственного предприятия, непосредственно подчиненного Совету Труда и Оборона.

Эта организация действовала до 1927 года. Она имела большое политическое значение, как показатель международной пролетарской солидарности.

Положительную роль она сыграла также и в деле восстановления советской промышленности.

Секретарем Центрального Комитета партии Куйбышев проработал с апреля 1922 года до апреля 1923 года. В течение года он был одним из руководителей всей партийной работы на местах. Сотни партийных директив за его подписью получали местные партийные органы. В этих директивах разрешались самые разнообразные вопросы партийной, советской, хозяйственной и культурной жизни страны: прием в партию и организация лекций в Коммунистическом университете, землеустройство и расширение сети сельских изб-читален, содействие комсомолу и Международному обществу помощи революционерам (МОПР), партийная работа среди крестьян и среди женщин, социальное страхование и взимание общегражданского налога, проведение Дня печати и женского праздника 8 марта, распределение ответственных работников и повышение идейного уровня местных газет.

И на этой исключительно ответственной работе секретаря Центрального Комитета партии Куйбышев показал себя как твердый ленинец, непримиримый враг всех уклонистов, фракционеров и предателей.

Эта партийная принципиальность проявлялась и в его личных взаимоотношениях с людьми.

Революционная борьба для Куйбышева составляла основной смысл его жизни. В одном из своих писем двадцатых годов он писал:

«Я весь в происходящей борьбе, весь без остатка. Не только приемлю ее всю с ее грубостью, жестокостью, беспощадностью ко всему, что на пути, не только приемлю, но и сам в ней весь, всем своим существом, всеми помыслами. Все надежды, вера, энтузиазм в ней, в борьбе. Все, что не связано с ней, чуждо мне, я люблю, мне близко то, что с ней слито...»

ВО ГЛАВЕ ПАРТИЙНОГО И СОВЕТСКОГО КОНТРОЛЯ

Твердая принципиальность и исключительная непримиримость в отношениях даже к самым близким друзьям, если они вставали на ложный, антипартийный путь, характеризовали Куйбышева как большевика-ленинца и высоко поднимали его партийный авторитет. Вот почему в апреле 1923 года он был избран первым руководителем вновь реорганизованного объединенного партийно-советского органа ЦКК — РКИ (Центральной Контрольной Комиссии и Народного Комиссариата Рабоче-Крестьянской Инспекции), призванного следить за чистотой и большевистской дисциплиной в партии, за четкостью работы советского аппарата.

Объединение ЦКК — РКИ произошло по инициативе В. И. Ленина, согласно его указаниям, изложенным в статьях «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше». В. И. Ленин на XI съезде партии говорил о том, что во главе РКИ должен стать «человек с авторитетом, иначе мы погрязнем, потонем в мелких интригах»^[22].

И вот во главе объединенной ЦКК — РКИ был поставлен Куйбышев, как верный сын партии, испытанный в боях ленинец и исключительно трудоспособный. Недаром против кандидатуры Куйбышева яростно боролся Троцкий. В лице Куйбышева он видел своего давнего, непримиримого противника.

Перед Валерианом Владимировичем были поставлены две основные задачи: обеспечить единство партии и создать четко работающий и действительно советский аппарат. Разрешение этих задач потребовало от Куйбышева огромного напряжения сил.

В то время аппарат советских учреждений и предприятий страдал существенными недостатками. Новое Советское государство строилось в обстановке величайшей разрухи. Оно было очень бедно квалифицированными кадрами. Значительная часть старых специалистов или не вполне понимала свои обязанности в новой, советской обстановке, или продолжала сознательно саботировать и вредить. Молодых же советских кадров было еще очень мало.

Со всей большевистской страстностью принялся Куйбышев за оздоровление и обновление советского аппарата. При содействии рабочих масс, передовиков-активистов органы РКП беспощадно изгоняли из учреждений и предприятий бюрократов, саботажников, волокитчиков и лодырей, а на место их выдвигали новых людей, преданных Коммунистической партии и советской власти.

— Тот, кто не с нами, тот против нас, — говорил Валериан Владимирович.

Не ограничиваясь чисткой госаппарата, органы РКИ проводили рационализацию его работы. Против бумажной волокиты и чиновничьего бюрократизма Куйбышев выдвинул научную организацию труда, применение ее принципов к государственному аппарату. Он решительно боролся за упрощение отчетности и делопроизводства, за сокращение штатов, за лучший подбор людей, за плановость, против параллелизма и несогласованности в работе различных учреждений, против бесхозяйственности, расточительства, воровства и других служебных преступлений.

Проверяя людей, органы РКИ под руководством Куйбышева знакомились с характером и содержанием их работы, изучали систему и принципы деятельности различных ведомств. Вследствие этого Куйбышеву как наркому РКИ приходилось ежедневно вникать во все многообразие культурно-хозяйственной и общественно-

политической жизни страны. По характеру своих контрольных функций Народный Комиссариат Рабоче-Крестьянской Инспекции являлся междуведомственным наркоматом, и потому повестка каждого его заседания состояла из самых разнообразных вопросов всех других наркоматов. И тут-то проявилась изумительная способность Куйбышева быстро разбираться в самых сложных, подчас специальных проблемах и принимать по ним правильные решения. Эта способность часто удивляла специалистов.

— Скажите, разве товарищ Куйбышев раньше работал на транспорте? — спрашивали железнодорожники, выслушав от Куйбышева обстоятельную и неотразимую критику их работы.

— По-видимому, товарищ Куйбышев горняк по образованию, — говорили другие, выходя из зала заседания коллегии НК РКИ после обсуждения сугубо специального вопроса о шахтах.

На заседаниях Валериан Владимирович не перебивал докладчиков и тем более не навязывал им своего мнения. Лишь иногда он задавал наводящие вопросы, помогая докладчикам полнее и всестороннее осветить тему доклада. И только выслушав других, Куйбышев в своем заключительном слове четко подводил итоги прениям и из всех противоречивых суждений выделял наиболее разумные, целесообразные, а иногда сам выдвигал свое, новое, никем не высказанное предложение, которое содержало самое правильное решение обсуждавшейся проблемы.

В те годы Наркомат РКИ, на основе материалов своих обследований, часто разрабатывал законопроекты по принципиальным вопросам различных наркоматов и вносил их на утверждение Совнаркома. Нередко эти законопроекты при обсуждении встречали ожесточенное сопротивление со стороны ведомств, аппарат которых был значительно засорен людьми

консервативными, людьми косными, рутинерами или даже замаскировавшимися контрреволюционерами.

К числу таких наркоматов принадлежал Наркомфин. Среди его оперативных и ответственных работников преобладали бывшие чиновники царского министерства финансов, неспособные понять необходимость коренных финансовых реформ, не желавшие проводить новую, советскую финансовую политику. А финансовая политика в годы нэпа имела не только большое экономическое значение, но и играла важную политическую роль в обострившейся тогда классовой борьбе. Вот почему обсуждение каждого финансового вопроса переходило в яростную схватку между работниками РКИ и наркомфиновцами, отстаивавшими консервативные, а иногда и враждебные позиции.

Куйбышев твердо и активно руководил такими схватками и невзирая на лица беспощадно вскрывал существенные пороки в работе Наркомфина.

В декабре 1925 года органы РКИ провели обследование системы подоходного налога. Выяснилось, что эта система была механически заимствована из налогового законодательства царских времен и потому в корне противоречила общей политике советской власти. Докладывая об этом на коллегии НК РКИ, обследователи настаивали на решительной ломке практиковавшейся системы подоходного обложения. Это вызвало дружный отпор со стороны наркомфиновцев, многие из которых пользовались в то время непререкаемым авторитетом незаменимых специалистов-ученых. Их поддерживал сам нарком финансов. Однако, будучи бессильны возражать по существу, наркомфиновцы главным образом указывали на технические трудности проведения налоговой реформы.

Дискуссия длилась долго. В заключение выступил Куйбышев.

— Меня в этом споре одно удивляет, — начал он. — Как можно пугаться каких-то технических, на мой взгляд, мнимых трудностей, когда поставлен вопрос о нашей политике в отношении кулака и нэпмана! Неужели вам самим не кажется слабой ваша позиция? Неужели и для вас не очевидна ошибочность ваших доводов?

И Валериан Владимирович с неотразимой логикой стал разоблачать всю несостоятельность этих доводов и вместе с тем убедительно доказывать необходимость срочного проведения реформы подоходного обложения. В соответствии с принципиальными установками Куйбышева был разработан законопроект. Несмотря на категорические возражения Наркомфина, правительство утвердило проект РКИ.

И это не был единичный случай. Наоборот. В одном из постановлений Совнаркома отмечено, что все налоговые реформы того времени были осуществлены по инициативе и по предложению Наркомата РКИ вопреки Наркомфину. И в этом руководящую роль играл Куйбышев, как нарком РКИ.

Сложные обязанности наркома РКИ и председателя ЦКК требовали от Куйбышева много труда, много времени. Приходилось каждую минуту держать на счету. Валериан Владимирович был вынужден даже завести для себя строжайший распорядок дня. Об этом можно судить по двум страничкам из его записной книжки:

Всего в неделю — 168,
 Полная смена — 19.
 Сос. в смену — 35
54 — 54.
 Рабочие часы — 114.
 РКМ — 4ч-5ч
 3ч-5ч
 Смена — 10ч.
 УПК. пр. — 9ч.
 с.р. — 5ч.
 совм. — 6ч. — 15ч. 38ч.
 Совмещение — 4ч.
 Это — 8ч.
 ПС — 6ч.
 Загрузка — 6ч. 24ч. 57ч.

Загрузка — 6ч.
 Материалы — 6ч. 12ч.
 Материалы — 6ч.
 Материалы — 6ч. 14ч. 26ч.
89ч.
 Остаток — 31ч.
 Материалы — 15ч.
 Прям. — 10ч. 25ч.
 Материалы — 6ч.
~~6ч. пр. от 10ч.~~
 Всего баланс.
 168 ч. 168 ч.

Характерна в этой записи зачеркнутая строчка «6 ч. пр. отдыха». Казалось бы, при очевидной перегрузке в работе эти шесть часов необходимо использовать именно на отдых. Но Валериан Владимирович, вероятно, вспомнив другие, неотложные дела, зачеркнул эту строчку и сверху вписал: «Материалы — 6 ч.».

Возглавляя Центральную Контрольную Комиссию, Куйбышев непоколебимо стоял на страже чистоты и единства партийных рядов. Эта роль ЦКК особенно повысилась после смерти В. И. Ленина, когда оппозиционеры, воспользовавшись тяжелой утратой партии, решили усилить свои нападки на ленинский Центральный Комитет партии. Оппозиционеры шныряли по рабочим клубам и общежитиям, проникали на заводы и фабрики, гонялись за студенческой молодежью. Они пытались убедить всех в том, что «цекисты-перерожденцы» предают революцию, отказываются от ее завоеваний, ведут страну к гибели. Клевеща на ленинский ЦК партии, оппозиционеры пытались захватить партийное руководство.

Куйбышев, как председатель ЦКК, беспощадно, в корне пресекал все эти попытки, руководствуясь заветами Владимира Ильича.

Через несколько дней после смерти В. И. Ленина открылось Всесоюзное совещание представителей контрольных комиссий и местных отделений РКИ. Первым был заслушан доклад Куйбышева о задачах и деятельности ЦКК — РКИ.

В этом докладе Валериан Владимирович прежде всего указал на особые трудности, которые возникли у работников ЦКК — РКИ после того, как умер вождь партии.

— Теперь значительно больше ответственности возлагается на нас, — говорил Куйбышев, — так как нет этого авторитетнейшего истолкователя идеи объединения ЦКК и РКИ... Поэтому нужно поставить за правило для каждого работника ЦКК и РКИ, чтобы статьи товарища Ленина были постоянно в памяти всех работников, не только руководителей, но и каждого сотрудника контрольных комиссий и РКИ... Первое дело, которое должно сделать наше совещание, — это вспомнить о Владимире Ильиче, о его великой идее, скромными проводниками которой мы избраны быть, и почтить память товарища Ленина вставанием...

Память о Владимире Ильиче и ленинские заветы были руководством в работе Куйбышева на посту председателя ЦКК — РКИ. Они помогли ему разобраться в сложной внутривнутрипартийной борьбе и громить оппозицию, несмотря на все ее происки.

Оппозиционеры не раз пытались использовать ЦКК в своей беспринципной борьбе против ленинского Центрального Комитета партии, но всегда встречали решительный отпор со стороны Куйбышева.

Об этих подлых попытках оппозиционеров Валериан Владимирович с возмущением говорил 27 мая 1924 года на XIII съезде РКП (б):

— Мы вместе с Центральным Комитетом всеми средствами, имевшимися в нашем распоряжении, боролись за торжество большевистской, ленинской линии в партии и защищали ее от атак со стороны оппозиции, со стороны мелкобуржуазных течений, которые подняли голову за этот период. Над нами издевались, нам говорили, что ЦКК является органом, подобным ЦК, от нас добивались какой-то самостоятельной линии, какого-то нейтралитета, который бы дал возможность нам «со стороны» подойти к происходящей борьбе и беспристрастно, спокойно расценить всех дерущихся, хваля и ругая каждого по заслугам. Нам льстили, говорили, что вы орган, выбранный съездом, вы равноправны с ЦК, вы отвечаете только перед съездом за свою политику и что вам нужно иметь свою собственную линию, нужно быть как можно больше независимым от ЦК. У членов ЦКК вызывали самое низменное чувство величия и тщеславия. Нас убеждали, что мы должны быть инстанцией, стоящей над происходящей борьбой. Эта соблазнительная позиция «над партией», над происходящей борьбой, в результате которой должны быть решены судьбы партии, ее единство, ее целостность, ее большевистская линия, — эта соблазнительная позиция не соблазнила ЦКК. Мы ее решительным образом отвергли.

Возглавляя ЦКК, Куйбышев помог ленинскому Центральному Комитету партии сохранить чистоту партийных рядов, отстоять единство партии.

В 1924–1925 годах на плечи Куйбышева легла огромная работа по проверке непроизводственных ячеек, в которых пыталась окопаться оппозиция. Он не только руководил этой проверкой по всему Советскому Союзу, но и принимал непосредственное участие в борьбе с антипартийными группировками, нередко посещал те собрания, где особенно резко нападали оппозиционеры. Так, однажды он явился на собрание в

московский институт имени Плеханова, чтобы сделать доклад о внутривнутрипартийном положении. Троцкисты, пробравшиеся на это собрание, пытались сорвать выступление Куйбышева. Они долго не давали ему говорить: дико кричали, свистели, топали ногами, стучали стульями. Но Куйбышева это не смутило. Он спокойно стоял на трибуне, выжидая, когда хулиганствовавшие троцкисты уймутся. Его величавая фигура возвышалась над суевившимися вокруг него оппозиционерами и своим спокойствием подавляла их. А когда в зале немного стихло, Куйбышев во весь голос воскликнул, покрывая одиночные злобные выкрики троцкистов:

— Да здравствует ленинский ЦК РКП (б)!

И этот возглас дружно подхватило подавляющее большинство студентов, преданных генеральной линии партии.

Дружный отпор смутил обнаглевших троцкистов. Они притихли, и Куйбышев мог начать свой доклад. А когда он закончил, студенчество с еще большим подъемом приветствовало:

— Да здравствует ленинский ЦК РКП (б)! Ура!

Куйбышев проверял сотни людей, сам знакомился с личными делами, решал их по коммунистической совести. Будучи беспощадным по отношению к явно разложившимся людям — шкурникам, карьеристам, бюрократам, к антисоветским элементам, Куйбышев в то же время требовал от контрольных органов внимательного и чуткого отношения к людям, допустившим случайные ошибки. На XIV партийном съезде, касаясь деятельности органов ЦКК, он говорил, что основным методом их работы становится не столько наказание, сколько воспитание и исправление случайно провинившихся членов партии. Но к неисправимым, упорным противникам генеральной линии партии

Куйбышев и руководимые им органы ЦКК были непримиримы.

Чистка непроизводственных ячеек была проведена энергично и успешно. Проверке подверглись около двухсот тридцати тысяч членов партии, или двадцать три процента общего состава партии. Из партии было исключено около шести тысяч оппозиционеров. На XIV съезде партии отчет Куйбышева о проделанной работе ЦКК был одобрен.

У РУЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В 1926 году умер Феликс Эдмундович Дзержинский, боевой руководитель ОГПУ (Объединенного Государственного Политического Управления) и славный командарм социалистической промышленности.

Достойным преемником Дзержинского на посту председателя Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) стал Куйбышев. Коммунистическая партия и Советское правительство послали его в ВСНХ, который в то время руководил всем народным хозяйством и выполнял работу многочисленных отраслевых наркоматов социалистической промышленности, впоследствии выделенных из состава ВСНХ.

Руководство обширным и многообразным хозяйством требовало от председателя ВСНХ необычайно широкого кругозора, огромной эрудиции, неиссякаемой энергии, большой силы воли. Этими качествами обладал Куйбышев, и поэтому он сумел справиться со сложным и ответственным заданием партии и правительства.

Это было накануне первой пятилетки развития народного хозяйства. Вплотную подошли годы грандиозных строек. XIV съезд партии, заседавший в декабре 1925 года, принял решение о социалистической индустриализации страны. Этой генеральной линии партии зиновьевская оппозиция противопоставила план аграризации страны. Оппозиционеры настаивали на том, чтобы Советский Союз по-прежнему оставался аграрной, сельскохозяйственной страной, вывозящей сырье, продовольствие и ввозящей машины.

Съезд решительно отверг план зиновьевской оппозиции, так как это превратило бы нашу страну в беспомощный придаток капиталистического мира,

лишило бы ее экономической независимости и способности защищать свою свободу от воинствующего империализма.

Борьбу партии за социалистическую индустриализацию страны возглавил И. В. Сталин. Вместе с ним и другими членами ленинского Центрального Комитета партии Куйбышев, являясь командармом социалистической промышленности, также энергично боролся за выполнение ленинского завета — превратить Россию нэповскую в Россию социалистическую. И подобно тому как раньше Валериан Владимирович был непосредственным исполнителем ленинского плана электрификации Советской республики, так и теперь он с той же готовностью взялся за осуществление первого пятилетнего плана социалистического строительства.

Особенно в срочном разрешении нуждалась проблема Днепростроя. Куйбышев созвал расширенное совещание ученых, инженеров и хозяйственников.

Открывая совещание, Валериан Владимирович сказал:

— Несколько слов о цели настоящего заседания. В ближайшее время в правительственных органах будет окончательно разрешен вопрос о Днепрострое. Требуется мнение ВСНХ по этому вопросу. Ввиду того что комиссия по Днепрострою, образованная президиумом ВСНХ, по не зависящим от президиума причинам не могла кончить работу и не может сделать доклада, мы вынуждены поставить на обсуждение доклад профессора Александра. Мы хотели бы в его докладе услышать основные аргументы за постройку Днепростроя. Но я должен предупредить, что здесь имеются и сторонники и противники, причем я старался созвать противников как можно больше, чтобы осветить вопрос со всех точек зрения и, наконец, получить

истину. Так что вы, товарищ Александров, должны быть готовы к очень бурной атаке.

После обстоятельного доклада профессора И. Г. Александрова, автора проекта Днепровской ГЭС, развернулось оживленное обсуждение. Особенно рьяно выступали противники этого проекта. Некоторые из них высказывались за строительство в первую очередь заводов тяжелой промышленности. Другие настаивали на первоочередности развития легкой промышленности: это была точка зрения противников индустриализации Советского Союза.

Подводя итоги совещанию, Куйбышев в своем заключительном слове решительно высказался за первоочередность Днепростроя даже по сравнению с заводами тяжелой промышленности:

— Если говорить о действительно большой реконструктивной работе, о большом предприятии, которое реконструирует нашу технику на совершенно новых началах и внесет в нашу технику не только количественные дополнения, но и качественные изменения, то, мне кажется, товарищ Александров показал, что такой работой является Днепрострой. Все остальные проекты, которые конкурировали с проектом товарища Александрова, к реконструктивным не могут быть отнесены... Все другие проектируемые новостройки тоже могут увеличивать количество продукции, но ни в коем случае не изменят физиономии нашего хозяйства. Поэтому первоочередность Днепростроя мы не можем отвергать. Не думать о дальнейшем развитии промышленности, не думать о том, чтобы расширить ее, мы не можем.

Конечно, Днепрострой не исключал строительства других объектов. Наряду с этим предстояло планирование и строительство гигантских заводов и фабрик, шахт и рудников.

Намечался небывало широкий размах строительства. И это пугало многих. Они сомневались в успехе грандиозного начинания.

Но Куйбышев всегда возражал сомневающимся, рассеивал их опасения.

— Мешает ли развитие Урала перспективам развития Украины? — спрашивал он. — Темпы развития нашего народного хозяйства настолько велики, что под «крышей» этих темпов уместятся и Урал и Украина.

Куйбышев считал своим долгом выезжать на новостройки. И прежде всего он поехал на Волховстрой, который был начат под его руководством еще в 1921 году, когда он работал начальником Главэлектро. Теперь строительство этого первенца социалистической электрификации закончено. На 19 декабря 1926 года было назначено торжественное открытие Волховской гидроэлектростанции.

С чувством радостного волнения ехал Валериан Владимирович на это торжество. Он живо представлял, как в болотной глуши, на берегу полупустынной реки, скоро придут в движение мощные турбогенераторы, по проводам будет дан электроток для ленинградских заводов, тысячами огней озарятся города и села волховских окрестностей. Вот ответ всем нытикам! Вот ответ на вопрос: может или не может быть осуществлен социализм в Советском Союзе! Это ответ первый, первое доказательство. А ведь скоро даст ток и гидростанция на Свири, а затем будет построена несравненно более мощная станция на Днепре. А потом и на Волге возникнут гиганты электрификации...

Вспомнилось Валериану Владимировичу неверие и злопыхательство зарубежных писак. Вспомнил он злую, циничную карикатуру в одной американской газете. Карикатура издевательски высмеивала план электрификации: крестьянская убогая коняга впряжена в допотопную соху, а у хвоста коняги воткнут штепсель.

Под карикатурой написано: «Советская электрификация».

Так глумились над ленинским планом электрификации прежде зарубежные враги Советского Союза.

В час дня поезд прибыл на станцию Званка. День выдался ясный, солнечный. Городок Волховстроя, обычно мрачный и грязноватый в своей трудовой страде, сейчас как будто бы вымылся и принарядился. У входа широкое полотнище с приветствием: «Да здравствует Советская власть!»

Вместе с Куйбышевым приехал и его боевой друг, Сергей Миронович Киров, секретарь Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б). Когда-то они вместе сражались на фронте гражданской войны. Теперь снова вместе, но уже на фронте социалистического строительства. С вокзала они прошли прямо на силовую станцию, в ее машинное отделение, с трудом пробиваясь сквозь густую толпу рабочих, встречавших их радостными приветствиями.

В огромном зале выстроились в ряд могучие красавцы генераторы — восемь шведских и два советского производства. У запускающего рычага бантиком завязаны красные ленточки: они в торжественный момент пуска станции будут перерезаны.

Куйбышев и Киров внимательно осматривали каждую машину, забрасывая инженеров вопросами. Но вот начался митинг. Под аплодисменты собравшихся Куйбышев взобрался на «трибуну» — на один из генераторов — и приветствовал строителей от имени ВСНХ.

— Волховстрой, — сказал он, — поистине является детищем Октябрьской революции. Мысль об Октябрьском перевороте долго вынашивалась в голове

нашего вождя Ленина. Пролетариат Ленинграда этот переворот совершил. Волховстрой был также задуман Ильичем и тем же ленинградским пролетариатом осуществлен. Волховская станция вовремя вступает в ряды нашей промышленности. По всей стране кипит творческая, живая работа. Повсюду строится, создается новое, социалистическое хозяйство. Да здравствует ленинградский пролетариат и все работники Волховстроя, честно потрудившиеся над созданием первой мощной советской гидроэлектростанции!

После Куйбышева говорил Киров, Графтио — главный инженер стройки, и другие. Митинг окончен. Под звуки торжественного радостного туша перерезана ленточка — и станция пущена: с плавным гудением завертелся один генератор, запрыгали стрелки манометров. Громкое «ура» и рукоплескания. У всех радостные лица. Строители и гости жмут друг другу руки, поздравляют. Затем один за другим были пущены остальные генераторы.

Почти ежемесячно выезжал Куйбышев, и не только на новостройки, но и на действовавшие предприятия. Был он в Донбассе, на Урале, в Одессе, Николаеве, Днепропетровске, Запорожье и в других крупных промышленных центрах. Он обследовал шахты и рудники, домны и мартены, детально выяснял действительные потребности в промышленном оборудовании и сырье, настойчиво требовал мобилизации внутренних ресурсов и решительно высказывался против импорта в тех случаях, когда была возможность его замены советскими изделиями. Во время таких выездов Куйбышев иногда сталкивался с саботажем, вскрывал вредительство и тут же на месте в корне пресекал козни классовых врагов.

Весной 1928 года Валериан Владимирович очень интересовался опытами получения качественной стали в обычных мартеновских печах.

— Сталь нам очень нужна, — говорил он. — Без нее не смогут расти великаны нашей пятилетки.

Наше собственное производство качественной стали только начиналось, и мы почти целиком зависели от границы.

Опыты производства качественной стали производились на Мариупольском металлургическом заводе. Приехав туда, Валериан Владимирович после короткой беседы с заводскими руководителями отправился в мартеновский цех и стал знакомиться с результатами опытов. Усевшись на куски металлического лома, Куйбышев оживленно разговаривал с инженерами и рабочими, расспрашивал их, как перейти от опытов к промышленному производству, и тут же прикидывал, какую экономию может дать применение новых методов получения стали. Потом Валериан Владимирович стал обходить и осматривать другие цехи.

На пороге доменного цеха к нему подошел рабочий и начал возбужденно жаловаться на то, что на заводе рабочих обсчитывают при выдаче зарплаты, что никто не интересуется их нуждами.

— Даже баков с питьевой водой нет в цехах, — продолжал выкрикивать рабочий, озираясь кругом, как бы желая получить поддержку у рабочих. — Приходится за водой бегать далеко...

Что-то подозрительное показалось в этих выкриках рабочего. Чувствовалось что-то знакомое. Не был ли то один из тех крикунов, которые под влиянием агитации оппозиционеров из троцкистско-зиновьевского блока мутили на заводах?

Куйбышев приказал сопровождающему его главному инженеру:

— Покажите, где у вас стоят баки с водой!

Баки оказались на месте, в каждом цехе. Вода в них кипяченая. На железных цепочках висели чистые

кружки.

— А ну, покажи расчетную книжку, — обратился Куйбышев к крикуну.

В книжке были отметки о сплошных прогулах за последний месяц, и потому зарплата не начислялась.

Для Куйбышева стало ясно, что на заводе неблагополучно. Он пошел в заводской партийный комитет. Там выяснилось, что на заводе среди рабочих ведется антисоветская агитация, распространяются клеветнические листовки, на собраниях иногда бывали явно контрреволюционные выступления, два заядлых злобных крикуна оказались бывшими белогвардейцами.

Куйбышев решил в тот же день провести общезаводской митинг.

Поздно вечером несколько тысяч рабочих собралось под открытым небом на заводском дворе. Не успел Валериан Владимирович подняться на небольшую, наспех сколоченную дощатую трибуну, как ему передали десятка два записок, заранее, видимо, заготовленных и написанных для маскировки печатными буквами. По содержанию записки были антисоветские, со злобными выпадами против партии.

Куйбышев начал с того, что прочитал эти записки вслух, разоблачая и опровергая их клеветническое содержание. Затем он говорил о величии и значении социалистического строительства, об огромной роли в нем рабочих-металлургов, о больших достижениях советской промышленности.

Вдруг потухло повсюду электричество — и в заводских корпусах и на заводском дворе, где шел митинг: явная попытка сорвать собрание. И уже в полной темноте Куйбышев бросал с трибуны гневные слова о бессильной злобе классовых врагов, о необходимости беспощадной борьбы с ними, говорил о несомненной победе социализма, несмотря на все трудности. Он призывал рабочих напрячь трудовые

усилия, сплотиться вокруг Коммунистической партии. Кто-то стал жечь жгуты из бумаги, и при свете этих импровизированных факелов Валериан Владимирович закончил речь.

Вслед за ним на трибуну взбирались рабочие. Они заверяли его в своей полной готовности с еще большим трудовым подъемом работать, быть бдительными и беспощадными к классовым врагам.

Куйбышев поощрял новаторов, поддерживал всякую инициативу, если она была направлена на пользу народного хозяйства. Но он решительно отклонял легкомысленное прожектерство, требовавшее больших непроизводительных расходов. Любовно следя за новостройками, оказывая им всемерную помощь, он в то же время добивался прежде всего расширения и повышения производительной мощности действовавших предприятий, максимального использования уже имевшегося фабрично-заводского оборудования.

Как-то в 1928 году руководство Сахаротреста затеяло строительство новых сахарных заводов, потребовав для этой цели огромных средств. Куйбышев критически отнесся к домогательству Сахаротреста. Он затребовал к себе все материалы по этому вопросу, детально изучил их, познакомился со специальной научной литературой. В результате этого Валериан Владимирович пришел к убеждению, что наши советские заводы еще не вполне использованы и что при условии более рационального ведения хозяйства можно значительно повысить производство сахара. В частности, он выяснил, что за границей применялся такой метод сушки свеклы, при котором сезон работы сахарных заводов намного удлинялся. Об этом методе имелась даже докладная записка группы советских профессоров и специалистов, выезжавших за границу.

Разослав эту записку членам президиума ВСНХ, Куйбышев приписал к ней дополнительно от себя:

«Предлагаю ознакомиться с прилагаемой запиской по вопросу о сушке свеклы. Она, мне кажется, является блестящим доказательством нашего консерватизма в технике, медлительности в усвоении новых достижений и разгильдяйства, в то время как многомиллионные сбережения сами стучатся в дверь. Прошу припомнить, что, в то время как авторы записки уже сделали свой доклад о поездке за границу, мы чуть было не начали большое строительство новых заводов с многомиллионными затратами. Мне пришлось руководствоваться в решении не строить заводы буквально инстинктом, в то время как органы, долженствующие отвечать за развитие сахарной промышленности, не только не подсказали мне этого решения, а, наоборот, затушевывали ценность произведенного за границей изобретения, добиваясь во что бы то ни стало строительства новых заводов».

Впоследствии выяснилось, что это делалось умышленно вредителями, затесавшимися в руководство Сахаротреста. Лишь бдительность Куйбышева, его углубленное ознакомление с этими вопросами спасло от большой ошибки и расстроило вредительские замыслы.

Куйбышев настойчиво требовал, чтобы хозяйственники повседневно, упорно боролись за снижение себестоимости продукции. Однажды директор металлургического завода с большим удовлетворением, сияя, докладывал Валериану Владимировичу об успешном выполнении промфинплана. А затем вскользь отметил:

— С себестоимостью у нас тоже хорошо. Она выше плановой наметки всего на один процент.

— Если это хорошо, — с упреком возразил возмущенный Куйбышев, — то, вероятно, лишь с вашей колокольни. Умножьте-ка этот процент на сотни и тысячи наших предприятий, и вы увидите, сколько новых заводов мы не сможем выстроить в этом году из-

за такой расточительности. Один процент — это не шутка!..

Так же настойчиво Куйбышев требовал от хозяйственников высокого качества продукции.

— Какой толк в том, — возмущался он, — если шахта выполняет производственную программу, но добытый уголь дает большую зольность? Какая польза в том, что завод выпустит заданное количество станков, но таких станков, которые быстро портятся и выбывают из строя? Такое «выполнение» плана обозначает, по существу, срыв его. Это преступный обман, за который надо виновных строго наказывать!..

Куйбышев обладал способностью видеть в самом небольшом деле частицу великого целого нашей социалистической стройки. Наряду с охватом целого, огромного Куйбышев умел вникать во все мелочи, разбираться во всех подробностях весьма сложного хозяйства, руководить которым поручила ему партия.

Всех удивляла необычайная работоспособность Куйбышева, его организованность в работе. К нему на разрешение поступало огромное количество самых разнообразных дел. И каждое из них он изучал внимательно, вдумчиво, терпеливо. Он заранее готовился к каждому заседанию и совещанию, к каждой беседе с хозяйственниками, собирая необходимые материалы, знакомясь с научно-технической литературой.

За короткий срок Куйбышев так хорошо изучил состояние советской промышленности, что своими познаниями в этой области изумлял других и нередко приводил в смущение недобросовестных хозяйственников, пытавшихся обмануть председателя ВСНХ.

Однажды на прием к Куйбышеву явился управляющий Ленинградским машиностроительным трестом и, рассчитывая, что Валериан Владимирович не

сможет и не будет вникать в детали, стал добиваться увеличения отпуска денежных средств и промышленного оборудования. Куйбышев внимательно выслушал его. Когда же хозяйственник закончил, Валериан Владимирович разбил все его доводы, указав ему конкретно, как нужно организовать и вести хозяйство без дополнительных затрат, что надо сделать на том или другом заводе. Хозяйственник не ожидал столкнуться с такой осведомленностью наркома и вышел из его кабинета пристыженным.

В период составления плана первой пятилетки Валериан Владимирович часто до глубокой ночи работал со специалистами. Даже в выходной день он приезжал к себе на дачу в сопровождении своих сотрудников, которых он ласково называл «пятилетчиками», и вместо отдыха погружался в планирование.

— Знайте и помните всегда, — говорил им Валериан Владимирович, — мы теперь, так сказать, покидаем берега прошлого и вступаем в новую эпоху. Мы готовимся к самому важному перегону на историческом пути нашего народа. Мы приступаем к такому грандиозному строительству, подобного которому не было ни у нас в прошлом, ни в истории других стран...

Часто Валериан Владимирович выступал с докладами на заседаниях Политбюро ЦК партии, членом которого он был избран в декабре 1927 года. В Политбюро Куйбышев и другие руководители подробно обсуждали планы строительства, принимали важные решения. И когда Валериан Владимирович выходил из зала заседаний, на его широком, открытом лице еще долго не потухало горячее увлечение, еще долго теплилась восторженно-радостная улыбка.

— Вы не представляете себе, — говорил он в кругу своих близких, — как приятно сознавать, что на пустырях, на которые смотрели, как на места для свалок

нечистот, вырастают красавцы великаны — заводы, фабрики, дома для рабочих, школы, ясли, клубы.

— Но это еще на бумаге, это еще лишь в чертежах, — замечал кто-нибудь.

Валериан Владимирович отвечал на это:

— Нет, это скоро, очень скоро будет и в действительности. Даже теперь легко представить, как по планам будут зарождаться и расти новые города с их фабриками и заводами, парками и домами отдыха. Да и на деле уже доказано, что жизнь не расходится с планами. Вы все помните наш маленький Кузнецк на Алтае. Кто из вас думал, что в этом городишке на тех горах, на которые мы когда-то взбирались, в том месте, куда с трудом добирались на паре лошадей по крутым, плохим дорогам, вдруг вырастет великан, завод. И какой завод! Вы не узнали бы этой местности! Старый Кузнецк остался, а рядом вырос другой город — Сталинск. Бегают автобусы, прошла близко железная дорога. Нет, сегодняшние большевистские планы — это завтрашняя действительность!..

Претворяя в жизнь замыслы и указания партии, Валериан Владимирович вместе с проектировщиками и строителями детально продумывал и разрешал все вопросы небывало грандиозного строительства. В его кабинете уточнялись проекты Азовстали, Запорожстали, Криворожского завода, Магнитогорского гиганта. Каждый проект приходилось всесторонне выверять и затем продвигать в ожесточенной борьбе с явными и тайными врагами. Куйбышев сам выбирал места новостроек и закладывал первые камни и фундаменты Днепрогэса, Магнитостроя, Горьковского автозавода, Березниковского комбината. Он первым включил рубильник Московского электрозавода. Всю свою неистощимую энергию он отдавал новостройкам. И как он радовался, когда они начинали вырастать по всему необъятному простору Советского Союза!

— Какая машина! — восторгался Валериан Владимирович после осмотра одного из новых тракторных заводов. — А какая производительность! И все же даже такие заводы пока не могут удовлетворить всех потребностей нашей страны. Ведь сколько колхозов и совхозов еще не обеспечены тракторами!.. А было время, еще так недавно, когда в тракторах как будто вовсе не нуждались. Вот несколько лет назад я был на Харьковском паровозостроительном заводе. На заводском дворе увидел около десятка тракторов, заброшенных, захламленных. Удивляюсь, спрашиваю... А директор завода, оправдываясь, говорит, что на тракторы не было спроса и потому они стоят пока в ожидании покупателя. Пришлось мне тогда, вернувшись в Москву, самому распределять эти тракторы между хозяйственными организациями. Помню, как один лесной трест никак не хотел приобрести трактор. А теперь иная картина. Тракторы нарасхват!..

Посещая и обследуя новостройки, Валериан Владимирович вникал во все детали работы, беседовал не только с инженерами, но и с простыми рабочими, знакомился с их достижениями, особо отмечал наиболее передовых, показавших образцы трудового энтузиазма и новаторства, запоминая их фамилии.

— Ну, а как работает у вас токарь Василенко? — спрашивал Куйбышев директора завода, приехавшего в Москву на доклад.

И часто директор сконфуженно молчал и в то же время удивлялся: как мог Куйбышев помнить простого рабочего, если даже он, директор завода, не заметил и не знает его?

Валериан Владимирович глубоко верил в могучую силу рабочего класса.

— Пора, наконец, понять, — убежденно заявлял он хозяйственникам, — что творческая активность рабочих масс подлинно может творить и творит чудеса. И наша

первоочередная задача, задача руководителей социалистической стройки, еще более воспитывать в рабочих коммунистическое отношение к труду, коммунистическую дисциплину. Мы обязаны помочь рабочему классу дружно взяться за могучее колесо истории и повернуть его в свою сторону.

К этому Куйбышев призывал и всех честных инженеров. Они обязаны объединиться с рабочими в общем трудовом порыве.

— Рабочий класс, — не раз уверял Куйбышев на собраниях инженеров и техников, — охотно, с благодарностью пожмет протянутую вами руку. Рабочие скажут вам: давайте работать вместе, дружно над созданием социалистического строя!

Куйбышев верил не только в творческую активность рабочих масс, но и в талантливость советских инженеров, в их способность превзойти техническую интеллигенцию капиталистических стран.

Как-то на прием к председателю ВСНХ пришли руководящие работники трансформаторного завода. Ни минуты не пришлось им ждать. Куйбышев принял их в назначенный час.

Сразу же началась деловая товарищеская беседа. И тут же обнаружилось, что нарком хорошо знаком с производственной жизнью завода.

В то время завод при содействии иностранных консультантов-инженеров выпускал лишь маломощные трансформаторы в сто киловольт-ампер.

Это явно не соответствовало растущим потребностям социалистической промышленности.

— Вы должны знать и помнить, — говорил Куйбышев, — что нашему бурно развивающемуся народному хозяйству требуются более мощные трансформаторы разных типов и в большом количестве. И вы должны дать их! Дать без всякой помощи иностранцев!..

Кое-кто усомнился в этом. Но Куйбышев решительно стал утверждать:

— Не за горами время, когда советское производство трансформаторов превзойдет зарубежное!..

Вера в творческие силы советских инженеров вполне оправдалась. Через несколько лет с завода уехал последний иностранный специалист — американец Ленокс. Прощаясь, он признал, что ему уже нечего делать на заводе, так как многие из его бывших учеников превосходят учителя.

Впоследствии советский завод мог изготавливать для волжских гидроэлектростанций трансформаторы в десятки тысяч киловольт-ампер.

Куйбышев всячески содействовал воспитанию и росту советских инженерно-технических кадров, способных сделать экономику социалистической Родины независимой от капиталистических стран. Бывая на заводах и новостройках, он с болью в душе наблюдал, как среди советских рабочих выделялись иностранные консультанты-инженеры, чопорные, надменные, с презрительной гримасой на лицах.

— Не забывайте, — говорил Куйбышев сопровождавшим его советским инженерам, — что эти иностранцы ни единого слова не роняют даром, ни единого совета не дают без оплаты золотом. Они зарабатывают на нашем инженерном голоде, на своих технических секретах. Стремитесь к тому, чтобы не нуждаться в их секретах, повышайте свои знания и опыт!..

Подготавливая к пуску гиганты новой, социалистической индустрии, Куйбышев был весьма озабочен своевременной заготовкой для них промышленного сырья и внимательно следил за исследованием богатейших недр необъятного Советского Союза. Небывало широкий размах приобрели геолого-разведочные изыскания. Каждая находка

советских геологов радовала его, каждая их неудача огорчала.

Однажды Елена Владимировна Куйбышева заметила, что он чем-то озабочен:

— В чем дело? — спросила она его.

Валериан Владимирович утомленно посмотрел и сказал:

— Все есть: уголь, железо, медь... А вот олова пока не нашли. Нет олова!..

Но в тот же миг в его глазах вспыхнуло упорство, а в окрепшем голосе зазвенела надежда, уверенность:

— Но ничего, отыщем! Обязательно отыщем!

Через несколько дней во время игры на волейбольной площадке, он с ликованием сообщил сестре:

— А ты знаешь новость? Мы его нашли...

— Кого нашли? — недоумевая, спросила сестра.

— Не кого, а что.

— Ну, что нашли?

— Олово! Нашли олово! — И уже обращаясь ко всем игравшим, сказал: — Вы понимаете, что это значит — нашли олово?!.

В другой раз он с таким же радостным возбуждением показывал письмо ботаника, сообщавшего о находке новых ценных видов каучуконоса.

— А вы, конечно, представляете, как это важно для нас, для нашей промышленности, — говорил при этом Валериан Владимирович.

Каждый день приносил советскому народу новые крупные победы на фронтах социалистической стройки. Грандиозный план первой пятилетки успешно выполнялся. И это стало очевидным даже зарубежным врагам советской власти. Ее успехи озадачивали их и пугали. Былые их сомнения и издевательские насмешки сменялись тревогой и смятением перед

возраставшей экономической мощью Советского государства.

В июне 1930 года в Москве собрался XVI съезд партии. Среди других важных вопросов обсуждался вопрос о выполнении пятилетнего плана промышленности. С докладом выступил Куйбышев. Он в свое время непосредственно руководил составлением этого плана, а затем практически претворял его в жизнь.

Делегаты съезда с большим волнением и радостью слушали сообщение Куйбышева о том, что за первые два года пятилетки плановые задания не только выполнены, но и значительно перевыполнены.

— Кто же теперь, — говорил Валериан Владимирович, — если не совершенно безнадежный человек, позволит себе утверждать, что наш пятилетний план утопичен, нереален? Разве не вынуждены были расписаться в убожестве своей критики пятилетнего плана вожди правой оппозиции? Их убили факты. И не случайно насмешки капиталистической печати над «(большевистскими фантазиями» сменились тревогой и недвусмысленными угрозами, какими угодно средствами, хотя бы путем военного нападения, сорвать выполнение пятилетнего плана. Вот что пишет наш «старый знакомый» Лесли Уркварт в одном американском журнале: «Мы все убеждены, что если Советское правительство справится с пятилетним планом восстановления промышленности, то это даст в его руки такую силу, которая разрушит или, во всяком случае, нанесет самый тяжелый удар всей нашей цивилизации». Нам нечем утешить господина Уркварта. Советское государство весьма успешно справляется с пятилетним планом, и он может быть уверен, что его цивилизация, урквартовская цивилизация капитализма, цивилизация эксплуатации и грабежа, будет действительно разрушена социализмом, который так

успешно строится в нашей стране. Победа пятилетки — смерть капитализму...

В ноябре 1930 года Куйбышев получил новое, более высокое назначение: он становится заместителем председателя Совета Народных Комиссаров СССР, заместителем председателя Совета Труда и Обороны СССР и по совместительству председателем Госплана СССР. И на этих высоких постах Куйбышев проявлял ту же изумительную способность широко охватывать все вопросы грандиозного строительства, все вопросы государственного управления.

Как один из руководителей Советского государства, Куйбышев неуклонно отстаивал мирную политику Советского правительства, политику мирного сосуществования и дружественного сотрудничества государств с различными социально-политическими системами. С полным сознанием правоты этого Валериан Владимирович утверждал:

— Упорная борьба за мир, которую ведет Советский Союз, приковала внимание всего мира к нашей стране, ибо только СССР доказал, что во всем мире только он один стоит во главе действительной борьбы за мир, за недопущение новых войн.

Как и прежде, Куйбышев продолжал борьбу за генеральную линию партии.

Со всей страстностью убежденного ленинца Куйбышев целиком отдал себя великому делу индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Он выступал перед ударниками, стахановцами, инженерами и техниками, призывая их усиливать темпы строительства заводов, фабрик и шахт. В письмах в газету «Комсомольская правда» он советовал молодежи изучать свою великую Родину и еще активнее включиться в социалистическое строительство. В беседах с представителями иностранной прессы сообщал о наших хозяйственно-

культурных достижениях, о весьма успешном выполнении первой пятилетки, опровергая злостные измышления буржуазной печати. Вся наша страна внимательно прислушивалась к голосу Куйбышева, когда он с трибуны партийных и советских съездов вдохновенно говорил о победах на фронтах социалистического строительства и призывал советских людей к дальнейшей борьбе за лучшую жизнь.

На XVII партийном съезде Куйбышев выступил с докладом о втором пятилетнем плане. Когда ему было предоставлено слово, весь съезд приветствовал его появление на трибуне бурными аплодисментами. Съезд с нетерпением ожидал узнать из его доклада волнующую перспективу социалистического строительства, картину великого торжества трудовых масс, воспитанных Коммунистической партией. И Куйбышев оправдал это ожидание. Весь его доклад изобилует убедительными фактами, был насыщен красноречивыми цифрами, проникнут глубочайшей верой в торжество мудрой партии, в победу великого советского народа — творца новой жизни.

В. В. Куйбышев на трибуне XVII съезда ВКП(б).

ДРУГ МОЛОДЕЖИ

Валериан Владимирович принимал деятельное участие в жизни комсомола с момента его зарождения. Еще в конце 1918 года при активном участии Куйбышева в Самаре возник и оформился коммунистический союз молодежи. 4 декабря в газете «Приволжская правда» было напечатано объявление: «В воскресенье, 8 декабря, в 12 часов дня в помещении театра имени Карла Маркса состоится митинг рабочей молодежи. Выступит тов. Куйбышев».

Это объявление всколыхнуло самарскую молодежь.

Митинг состоялся не в театре имени Карла Маркса, а в кинотеатре «Триумф». Молодежь, переполнившая театр, восторженно встретила Куйбышева и с большим волнением выслушала его речь. А через шесть дней состоялось первое собрание самарского комсомола.

Об этом важном событии в жизни самарского комсомола Валериан Владимирович вспомнил через четырнадцать лет, послав самарским комсомольцам приветствие:

«Горячо поздравляю со славной четырнадцатилетней годовщиной двадцатитысячную армию молодых большевиков. Горжусь тем, что помогал сколачиванию этой армии. Деритесь за построение социалистического общества с такой же революционной энергией, с какой вы дрались в годы совместной борьбы, отстаивая с оружием в руках советскую власть. Не забывайте информировать меня о своей работе».

В свою очередь, и самарские комсомольцы тепло вспоминали о Куйбышеве. Им надолго запомнились его яркие выступления на комсомольских собраниях, его душевные беседы по разнообразным вопросам,

глубоко волновавшим молодежь, его бодрая жизнерадостность и веселый нрав.

В то время в Самаре было голодно. В молодежно-комсомольском клубе организовали буфет, куда иногда привозили продукты и делили их между всеми поровну.

Как-то в клуб приехал Валериан Владимирович, чтобы выступить с докладом перед молодежью. В это время привезли провизию, из которой каждому причиталось по одному яйцу и куску хлеба. Пригласили в буфет и докладчика:

— Валериан Владимирович, для вас в буфете есть яйцо и кусок хлеба.

— Что вы говорите? Вот замечательно! Вот кстати! Ведь я сегодня с утра ничего не ел...

Он с большим аппетитом съел свою порцию, а затем шутливо добавил:

— Если бы столько, да еще полстолько, да еще четверть столько — было бы еще лучше. Как вы смотрите на это?

Все громко рассмеялись, а про себя досадовали, что не догадались уступить Валериану Владимировичу дополнительно из своих порций.

Помня об этом, в другой раз после доклада Куйбышева они приготовили для него необычайно много закусок и предложили ему. Но он испытующе посмотрел им в глаза и каждого переспросил:

— А ты сам-то ел? Скажи честное комсомольское слово. Видно, от себя оторвал для меня...

Комсомольцам пришлось признаться ему в этом.

Куйбышев был глубоко убежден, что советская молодежь — огромная передовая сила и что она может много сделать для социалистического строительства. В самые ответственные, трудные моменты хозяйственной жизни страны Валериан Владимирович обращался к советской молодежи за помощью, и по его призыву

миллионы советских юношей и девушек дружно поднимались на борьбу с трудностями.

В январе 1929 года он обратился через газету «Комсомольская правда» к комсомольцам с призывом «Ближе к социалистическому строительству». Валериан Владимирович напомнил о том, как комсомольцы в годы гражданской войны показали себя отважными бойцами и героями. Вот такими же героями комсомольцы должны проявить себя и на фронтах социалистического строительства.

Валериан Владимирович признавал важную роль комсомола в развитии социалистического соревнования и организации ударных бригад. Инициативу комсомола в этом деле он всегда одобрял и поддерживал.

Как-то в дороге Куйбышев узнал, что в том же поезде едет бригада ЦК комсомола для организации ударных бригад на Украине. Валериан Владимирович пригласил бригаду в свой вагон и стал расспрашивать ее. Члены бригады с увлечением говорили о большом трудовом подъеме среди украинских комсомольцев, о социалистическом соревновании, охватившем всю украинскую молодежь.

Валериан Владимирович внимательно слушал их и, вместе с ними радуясь, сказал:

— Благородный энтузиазм молодежи умножит ее силы подобно тому, как от щепотки благородного вольфрама крепчает сталь. Верьте, теперь дело в наших руках! Уж если все так дружно, всем народом взялись за маховик нашего хозяйства, то планы пятилетки мы не только выполним, но и перевыполним!..

Члены бригады заговорили о целесообразности премирования наиболее отличившихся ударников. Куйбышев согласился с ними.

— А сколько нужно вам денег на это?

Бригада к такому вопросу была не подготовлена и не знала, что ответить.

— Да, пожалуй, тысяч восемьдесят надо, — кто-то несмело проговорил.

Валериан Владимирович, откинувшись на спинку дивана, громко расхохотался. А собеседники сидели смущенные, еще не понимая, почему смеется Куйбышев. Особенно растерялся тот из них, кто предложил отпустить на премирование восемьдесят тысяч рублей.

Видя их смущение, Валериан Владимирович, немного успокоившись, сказал:

— Нет, дорогие комсомольцы, маловато запросили... Одной Украине надо выделить не менее двухсот тысяч рублей...

Куйбышев сумел привлечь молодежь к активному участию в реконструкции уральской промышленности, в создании восточной угольно-металлургической базы.

— Знайте, что Урало-Кузнецкий комбинат скоро станет вторым центром нашего народного хозяйства, — уверял он комсомольцев.

По его призыву комсомол создал на многих заводах специальные молодежные посты сквозного контроля и поручил им тщательно следить, чтобы все заказы Урало-Кузбасса выполнялись быстро и отлично. При редакции газеты «Комсомольская правда» был создан во главе с Куйбышевым Центральный совет постов сквозного контроля.

Выступая на одном из заседаний этого совета, Куйбышев говорил:

— Комсомол сыграл уже историческую роль в развитии нашего народного хозяйства, был инициатором ударных бригад и всех других видов социалистического труда. Он взялся за вторую историческую задачу, которая должна быть отмечена партией и рабочим классом, он взялся за то, чтобы овладеть техникой и важнейшей, исторического значения проблемой — урало-кузнецкой, для того чтобы она была осуществлена так, как мыслит ее наша партия.

После заседания комсомольцы обступили Куйбышева, задавали ему вопросы, просили советов. Завязалась оживленная беседа.

— Что вас привлекло к этому делу? — спросил Валериан Владимирович одного из комсомольцев. — Почему вы едете на Урал, на строительство? В порядке комсомольской мобилизации или по собственному влечению?

— Я уже работал на Урале... Там хорошие места! — восторженно ответил юноша.

— Это верно, — согласился Валериан Владимирович. — Кто жил в тех краях, тот не может не полюбить их. Я сам сибиряк. Много прошел по Сибирскому тракту, много изъездил, много видел. Сибирь я люблю. Сибирь знаю. Ведь в Кузнецке я даже жил. Поэтому с особенным удовольствием занимаюсь урало-кузнецкой проблемой. Что может быть увлекательнее работы по превращению края каторжных централов в край цветущих советских городов!..

А на другой день, 19 февраля 1931 года, по инициативе Куйбышева было созвано широкое собрание по тому же вопросу с участием около полутора тысяч молодых ударников и специалистов Москвы. Большой зал клуба имени Кухмистерова был переполнен. Задолго до начала слета в зале разнесся слух, что будет выступать Куйбышев, и все ожидали с нетерпением. А когда он появился на трибуне, овация долго не смолкала и не давала ему начать речь. И лишь успокоившись, молодежь стала слушать его затаив дыхание.

— Строительство Урало-Кузнецкого комбината потребует миллионов людей для своего обслуживания, — говорил Куйбышев. — Для этих людей нужно создавать города; Урало-Кузнецкий комбинат — это не только металлургические заводы, шахты, но это и новые города, которые должны очень скоро вырасти. Это грандиозное задание партии и рабочего класса

должно быть выполнено в очень короткие сроки. В любой другой стране такой замысел мог бы быть осуществлен в десятки, а может быть, в сотни лет. История нам не дала таких долгих сроков, да и характер у нас, большевиков, не такой: мы не можем долго ждать и топтаться на месте. Мы хотим эту проблему решить в несколько лет.

Призывая молодежь к активному решению этой сложной проблемы, Куйбышев закончил свою речь возгласом:

— Вперед, в бой!

Этот боевой клич дошел до советской молодежи. И Валериан Владимирович не ошибся в своих ожиданиях: советские юноши и девушки оказали большую помощь в деле создания Урало-Кузнецкого гиганта.

Валериан Владимирович обратился к молодежи и тогда, когда широко развернувшаяся социалистическая промышленность стала нуждаться в сырье, когда встала задача изучения и использования богатейших залежей советской земли, несметных сокровищ, таящихся в ее недрах.

— Эту задачу, — убежденно говорил он, — нельзя разрешить только силами специалистов-геологов. Тут без привлечения масс не обойтись.

И вот он через «Комсомольскую правду» опять призвал молодежь на великий подвиг.

И на этот раз молодежь отозвалась. Широким потоком она хлынула по советским полям и степям, по горам и долинам, проникая в самые глухие, неисследованные места, пристально всматриваясь во все, пытливо изучая и исследуя.

В 1934 году Куйбышев был назначен по совместительству председателем Комиссии Советского Контроля при Совете Народных Комиссаров СССР, организованной решением XVII партийного съезда взамен Наркомата РКИ «в целях усиления контроля над

исполнением решений правительства и укрепления советской дисциплины». И вот Валериан Владимирович опять вспомнил о советской молодежи как о могучей силе общественного контроля. По призыву Куйбышева через газету «Комсомольская правда» при учреждениях и предприятиях были сформированы отряды «легкой кавалерии» комсомола, которые были активными помощниками Комиссии Советского Контроля и ее уполномоченных на местах.

Куйбышева всегда влекло к молодежи. У него самого была вечно молодая душа, и все молодое, юное радовало его. Вот почему он был другом молодежи. Вот почему он так искренне любил детей. Сам по природе жизнерадостный, общительный, он любил быть среди шумной детворы, охотно участвовал в ее играх и забавах. И как-то естественно было видеть этого большого человека богатырского телосложения среди его маленьких друзей.

Когда Валериан Владимирович отдыхал в Крыму, к нему нередко приезжали в гости дети из пионерского лагеря «Артек». И как он был рад юным гостям, как оживлялся в их присутствии! Между ним и пионерами сразу же возникала непринужденная, душевная беседа. Казалось, что у них — и у пионеров и у него, взрослого человека, — общие интересы, увлечения, вкусы. Дети наперебой рассказывали ему о приключениях и событиях своей жизни, о том, чем они увлекаются, что любят.

— А что вы любите, товарищ Куйбышев? — спросил один из пионеров.

Куйбышев посмотрел на них ласковыми, добрыми глазами и ответил:

— Больше всего я люблю пионеров, — потом добавил — А что я люблю делать? Все люблю делать. Каждую хорошую работу люблю. До революции в тюрьме научился столярному делу, переплетному. А потом я был

и слесарем и фрезеровщиком... Все люблю делать. Но люблю и отдых. Люблю хорошие игры.

— Вот игру в шахматы люблю, — сказал он несколько позже, с удовольствием усаживаясь за шахматный столик.

— И на бильярде играть люблю, — заметил он в другой раз, с неподдельным увлечением забивая шар в лузу.

— А не хотите ли вы, ребята, пострелять? — предложил Валериан Владимирович.

Дети с радостью согласились. Валериан Владимирович принес малокалиберную винтовку и мишени. Все вышли в сад, пристроили мишени и начали стрелять. Конечно, больше всех очков выбил Валериан Владимирович. Но он все же остался недоволен своими результатами и написал на своей мишени: «Очень плохо».

— Надо, ребята, выучиться стрелять без промаху... Пригодится, — сказал Валериан Владимирович.

Разговаривая и забавляясь, ребята забывали, что с ними государственный деятель: он им казался лишь старшим товарищем, интересным, добрым. А Куйбышев, в свою очередь, на время забывался и с наслаждением погружался в мир их детских радостей и утех.

По их просьбе он рассказывал им о своей жизни, как большевики боролись в революционном подполье, о том, в каких жестоких боях была завоевана советская власть.

— Учитесь у большевиков, — говорил Валериан Владимирович пионерам, — как надо бороться за лучшую жизнь. Учитесь этому у партии и ее вождя Ленина. Помните и никогда не забывайте, как много вы обязаны им. Ваше счастье, что о вас, о вашей жизни, о вашем будущем думает партия, заботится Советское правительство. Но и вы сами должны ковать свое счастье. Вот вы здесь с удовольствием отдыхаете. Но надо с таким же удовольствием и трудиться, учиться.

Ваши деды и отцы, старые большевики, много потрудились, они много боролись и в этом находили большую радость для себя, они были счастливы оттого, что им удалось завоевать свободу для народа, что на их глазах страна преображалась. А ведь вас ожидает еще более увлекательный труд, еще более захватывающая борьба. Вот вы скоро подрастаете, и за каких-нибудь десять лет ваше поколение сделает то, чего в других странах не сделают и в сто лет. И это сделать вам будет легче, потому что партия выведет вас на правильный путь, вы будете знать, куда идти, потому что в ваших руках будет надежный компас, проверенный партией. И как вам, ребятам, не позавидовать! Ведь только представьте, что вас ожидает!..

До поздних сумерек пионеры засиживались у Куйбышева, без конца расспрашивая его, с замиранием сердца слушая увлекательные рассказы. И неохотно расставались они с добрым, гостеприимным, ласковым Валерианом Владимировичем.

Как-то в октябре 1924 года в Москве у подъезда большого дома стояли два комсомольца. Из подъехавшей машины вышел человек высокого роста, в серой кепке.

— Знаешь, кто это? — спросил один из них, что был постарше. — Это товарищ Куйбышев, нарком РКИ. Я ведь с ним знаком.

Высокий человек, проходя мимо, заметил их.

— А здравствуй, здравствуй, дорогой, — заговорил Валериан Владимирович, пожимая руку своему юному знакомому. — Пойдем ко мне. У меня есть к тебе дело... А это твой приятель? Отлично... Пойдем и ты за компанию...

Они вошли в подъезд и поднялись в квартиру Куйбышева. Там он усадил их на диван, и началась беседа. Валериан Владимирович расспрашивал нового знакомого, кто он, чем занимается. Тот держал в руках

журнал «Юные строители». Куйбышев взял у него журнал и стал перелистывать. На последней странице обложки журнала Валериан Владимирович прочел фамилию своего собеседника.

— Вот это замечательно! — воскликнул Куйбышев. — Такой маленький и уж член редколлегии журнала! Мы прежде и не мечтали, что такие мальчуганы будут редактировать журналы. — И, что-то вспомнив, добавил: — Как жаль, что Владимир Ильич не дожил до этих дней! Как бы он радовался этому!..

Беседа продолжалась. Юный «редактор» рассказал, как он в своем родном селе организовал пионерский отряд и стал выпускать стенгазету, а местные старухи избили его палкой за антирелигиозное стихотворение.

— Это, очевидно, был твой первый авторский гонорар, — шутливо заметил Валериан Владимирович и угостил пострадавшего яблоком. — А ведь и я когда-то занимался стишками, строчил на досуге...

— Валериан Владимирович, напишите мне что-нибудь на память, — стал просить юноша, протягивая толстую школьную тетрадь.

Валериан Владимирович взял тетрадь и, немного подумав, вписал в нее:

«Юнкору горячий привет!
Иди в бой заодно и смело!
Блюда Ильичевский завет
Борьбы за рабочее дело!

11/X 24 г. В. Куйбышев, г. Москва».

К своим детям Валериан Владимирович был очень привязан. Заниматься с ними, играть, шутить, веселиться было для него большой радостью. Особенно он любил свою дочку Гаю, тогда еще маленькую девочку. Галя тоже была счастлива, когда с нею

забавлялся отец. Она с нетерпением ожидала его возвращения домой с работы. Но он обычно задерживался и долго, до глубокого вечера, девочке приходилось засиживаться, борясь со сном и сгорая от нетерпения поскорее встретить отца.

Но вот он, наконец, появлялся. Девочка, обрадованная, приветствовала его, целовала, и начиналась между ними оживленная беседа. Дочка забрасывала отца самыми разнообразными вопросами, а он терпеливо разъяснял ей все, что волновало ее детскую мысль и чувство.

Когда же поздним вечером их заставляли семейные и начинали упрекать, Валериан Владимирович, желая как бы оправдаться, в смущении говорил:

— Вот и я браню Гаю, что она так засиживается и меня задерживает.

Но потом, как бы почувствовав вину перед дочкой, он с еще большим смущением добавлял:

— Но и Галя не виновата. Ведь она справедливо жалуется на меня: «Когда же, как не ночью, я могу поговорить с тобой?»

Многое сближало Валериана Владимировича с молодежью и прежде всего ненасытная его любознательность, неугасавшее, неистощимое молодое желание знать как можно больше.

В этом отношении очень характерна страничка из его записной книжки 1935 года.

^{На доброту} 10-12 ч. 12-14 ч.
1 день - История + Белор.

2 день - Экон. геогр. + Нем. яз.

3 день - Матем. + Белор.

4 день - История + Нем. яз.

5 день - Матем. + Белор.

6 день - Маркс + Нем. яз.

Страничка из записной книжки В. В. Куйбышева

Это расписание Валериана Владимировича на последний месяц его жизни свидетельствует о неутолимой жажде знаний, о многообразии интересов и запросов. До последних дней он не прекращал систематических занятий по самообразованию, выкраивая для них время из своего и без того перегруженного рабочего дня.

НА ПОМОЩЬ ЧЕЛЮСКИНЦАМ

В феврале 1934 года в Москве было получено сообщение О. Ю. Шмидта о гибели парохода «Челюскин». Экипаж в составе ста трех человек находился на льдине, вдали от Большой земли. Требовалась срочная помощь. Немедленно была создана правительственная комиссия по спасению челюскинцев. Во главе комиссии партия и правительство поставили Куйбышева.

И вот кремлевский кабинет Куйбышева превратился в боевой штаб. Здесь разрабатывался план снятия людей с льдины. Сюда по телефону, телеграфу и радио стекались отовсюду сведения и донесения о ходе спасательных работ. Эти донесения затем отражались в четких, боевых сводках, которые ежедневно за подписью Куйбышева публиковались во всех газетах. И отсюда же во все концы Советского Союза шли директивы и приказы.

Особенно интенсивно работали в штабе по ночам, когда Валериан Владимирович освобождался от дневных государственных занятий. Он принимал людей, обсуждал с ними план спасения, диктовал свои приказы. Он лично изучал все маршруты, расположение баз и опорных пунктов. В его голове зарождались все новые и новые планы скорейшего спасения челюскинцев. И каждый из этих планов он критически взвешивал и в случае его непригодности отвергал.

Валериан Владимирович ни разу не задавал вопроса себе и другим: можно ли спасти челюскинцев? В этом он не сомневался. Спасти можно было и должно! Но как, какими средствами? Над этим вопросом неустанно думал сам Куйбышев и заставлял думать других.

Поздним вечером в его кабинете собрались летчики, моряки, полярники, гидрологи, метеорологи, синоптики. Людно, оживленно. Стали обсуждать различные предложения, которые поступали со всех концов страны. Предлагая использовать байдарки, один советский патриот писал, что ему «страстно хочется, чтобы экспедиция была спасена не извне (американцами), а изнутри», советскими людьми. Другие предлагали иные технические средства помощи челюскинцам: аэросани и военные танки-амфибии, дирижабли и пневматические лодки военного образца, шары-прыгуны и особый катапульт для взлета самолетов, автожир и лопарские лодки, комбинированный способ использования дирижабля с аэростатом, посадка с земли на самолеты при помощи канатов и т. д.

Ко всем этим предложениям Валериан Владимирович внимательно прислушивался, взвешивал доводы «за» и «против» и только тогда принимал решения.

Зачитали телеграмму Чукотского облисполкома об организации спасения при помощи ездовых собак. Куйбышев заинтересовался.

— А где лучшие собаки имеются? — спросил он.

— Колымские собаки считаются лучшими в мире. Об этом свидетельствовал даже Амундсен.

— Сколько же собак потребуется для вывоза всех челюскинцев?

— Тридцать собак везут двух человек.

— Не подойдет, — разочарованно проговорил Куйбышев. — Вряд ли можно набрать на Колыме полторы тысячи хороших собак. А если и найдем, то им придется пробежать до Ванкарема тысячу километров. Нет, не подойдет. Какие есть еще предложения?

После внимательного, всестороннего обсуждения Куйбышев пришел к убеждению, что самый надежный и самый скорый способ оказания помощи — это советская

авиация. Но Валериану Владимировичу пришлось выдержать борьбу с людьми, сомневавшимися в успехе спасательных операций. Многие весьма крупные авторитеты вообще отрицали всякую возможность спасти челюскинцев. Норвежский полярный летчик Рисер-Ларсен категорически заявил, что посредством авиации спасти челюскинцев невозможно. Также сомневался в этом и известный норвежский полярный исследователь Х. Свердруп.

Сомневались и многие советские ученые, полярники.

Так, один из них, весьма авторитетный профессор, направил в редакцию газеты «Известия» статью, в которой он, категорически отрицая возможность спасения челюскинцев при помощи авиации, предлагал им самим пробираться на материк... пешком.

Узнав об этом, Куйбышев позвонил в редакцию и потребовал:

— Статью ни в коем случае не публиковать! Пробираться пешком — это значит спастись, кто может. Это значит посеять панику среди челюскинцев и сорвать всю работу по оказанию им действительной помощи. Это гибель для челюскинцев.

Решительно борясь с сомнениями и колебаниями других, Куйбышев сам глубоко верил во все преодолевающую волю великого советского народа, в героизм его мужественных сынов и мощь советской техники. Куйбышев, обладавший выдержкой и вместе с тем смелостью, решился на опасную, связанную с большим риском операцию спасения челюскинцев с помощью самолетов. И когда это решение Куйбышев принял, он стал проводить его настойчиво, твердо, несмотря на возражения экспертов, несмотря на метели и шквалы, преграждавшие путь летчикам. Советская авиация — это основное, на что рассчитывал Куйбышев, и этот расчет полностью оправдался.

Нужно было подобрать надежные кадры летчиков. И в этом Валериан Владимирович принял непосредственное участие. Он сам намечал кандидатуры, вызывал к себе летчиков, беседовал с ними, проверял их.

Глубокой ночью, совсем уж под утро, в квартире известного летчика М. В. Водопьянова послышался настойчивый телефонный звонок. Летчик проснулся недовольный: ему утром предстояло лететь по ответственному заданию и потому каждый час сна для него был дорог и необходим. Но когда домашние сообщили Водопьянову, что его вызывает к телефону Куйбышев, летчик вскочил с постели и подошел к аппарату. Он услышал густой спокойный голос:

— Кто у телефона?

— У телефона Водопьянов.

— С вами говорит Куйбышев. В десять часов утра приходите ко мне в Кремль.

— Товарищ Куйбышев, через два часа, согласно приказу, я должен вылетать к Каспийскому морю на поиски пропавших рыбаков, — доложил летчик.

— Передайте своему начальству, что ваш полет отменил Куйбышев. А на поиски рыбаков будут направлены другие летчики. До свидания!

Водопьянов догадался, зачем вызывал его Куйбышев. Наконец-то может сбыться горячее желание принять участие в спасении челюскинцев! Водопьянов уже обращался в две организации с предложением своих услуг, но там ему отказали. Казалось, пропала всякая надежда. И вдруг этот телефонный звонок ночью и вызов в Кремль!

Теперь было не до сна. Сгорая от нетерпения, Водопьянов ровно в десять часов утра вошел в кремлевский кабинет. Навстречу ему поднялся из-за стола Куйбышев. Большие серо-голубые глаза его казались утомленными. Очевидно, Куйбышев не спал. Да

и не только этой ночью. Но, несмотря на усталость, глаза его светились приветливо.

— Садитесь, — пригласил Валериан Владимирович, крепко пожав руку летчика. — Слышал, что вы желаете лететь за челюскинцами. Ну, расскажите, как эту задачу думаете разрешить?

И он стал внимательно слушать летчика. Время от времени Куйбышев задавал вопросы, делал свои замечания, делился соображениями, и по всему этому летчик убедился, как хорошо знаком Куйбышев с особенностями летной работы, как подробно, во всех мелочах он изучил трагическое положение челюскинцев, всю технику и средства их спасения. И в то же время Водопьянов чувствовал, что Куйбышев, беседуя с ним, выпрашивал его, как бы изучал, присматривался к нему, проверял, насколько он может оправдать доверие.

— Ну, хорошо, — сказал Куйбышев, прощаясь с Водопьяновым. — Я верю тому, что вы сказали. Я слышал о вас как о смелом, хорошем летчике. Но лично я знаю вас очень мало. Я должен подумать... К этому полету следует особенно тщательно подготовиться, чтобы лететь наверняка. Придите завтра в десять часов, и мы все решим...

От Куйбышева летчик вышел окрыленный надеждой. И эта надежда вскоре осуществилась: Водопьянову поручили участвовать в спасении челюскинцев.

Однако одной авиацией Валериан Владимирович все же не ограничился. На всякий случай он привел в движение и другие силы, использовал и другие средства. За его подписью полетела телеграмма в Хабаровск, на имя крайкома партии:

«Выясните возможность оказания помощи челюскинцам на местных байдарках, шлюпках, возможность переброски из Петропавловска и Усть-Камчатска в район Уэллен — Онман собачьего транспорта и обеспечения собак кормом».

По распоряжению Куйбышева был снаряжен на север также отряд дирижаблей. Наконец было решено послать в Арктику ледоколы. Куйбышев послал телеграмму в Ленинград С. М. Кирову о срочной подготовке к походу ледоколов «Ермак» и «Красин».

Таким образом была снаряжена спасательная экспедиция. Она требовала четкой слаженности и умелого руководства. Главная трудность заключалась в том, что руководить приходилось на расстоянии многих тысяч километров. Однако и летчики, и моряки, и сами челюскинцы чувствовали необычайную стройность и согласованность всех спасательных работ, неослабное внимание к нуждам полярников, постоянную заботу о тех, кто находился там, среди льдов и полярной стужи. Для всех было очевидно, что ни одна мелочь не ускользнет от внимания Куйбышева. Все были твердо убеждены в том, что на каждый, даже незначительный их запрос придет точный, ясный ответ из Москвы, из кабинета Куйбышева.

Организуя помощь челюскинцам, Валериан Владимирович остро переживал тревоги, связанные с грозной судьбой дрейфующей льдины: она могла расколоться, развалиться на куски, и тогда гибель людей неизбежна.

Однажды на восемь дней прервалась связь со звеном летчика Каманина. Куйбышев не находил себе места. С помощью телеграфа и радио он обшаривал весь Дальний Восток, поднимал всех на ноги и, успокоился лишь тогда, когда летчики дали о себе добрую весть.

В другой раз Валериан Владимирович пришел к себе домой встревоженный. Это заметили семейные, близкие друзья, собравшиеся по поводу рождения дочки Куйбышева — Гали. Все были в веселом оживлении, а Куйбышев сидел за столом хмурый, чем-то озабоченный.

Затеяли игру: каждый должен был по очереди рассказать о себе что-нибудь смешное. Игра удалась.

Рассказы часто сопровождались взрывом смеха. Все еще более оживились.

Но вот дошла очередь до самого Куйбышева.

— К сожалению, — сказал он, — сегодня я не смогу ничего веселого вам рассказать. Вот это грустное письмо занимает все мои мысли.

И он протянул листок, исписанный детским, неуверенным почерком. Это было письмо маленькой дочки одного из челюскинцев:

«Спасите моего папочку, я очень люблю своего папочку. Ада».

Но как радовался Валериан Владимирович, когда к нему начали поступать сведения о том, что славные советские летчики стали вывозить челюскинцев на Большую землю группой за группой. И особенно он ликовал, когда стало известно, что летчик Ляпидевский вывез из дрейфующего лагеря всех женщин и детей.

— Ляпидевский-то, а! Молодец! — восторгался Валериан Владимирович. — И как хорошо, что я тогда не послушал экспертов и, вопреки их мнению, отправил за челюскинцами летчиков!

Валериан Владимирович звонил по телефону и делился с другими этой взволновавшей его весточкой. Его голос звучал радостно, глаза сияли счастьем. И положив трубку, он снова спрашивал:

— Кому бы еще позвонить?..

Но в этот момент раздавался звонок, Валериан Владимирович быстро брал трубку и на вопрос весело отвечал:

— Правда, правда! Сразу всех женщин и детей... Теперь будем надеяться, что Ляпидевский скоро и других вывезет...

Но эта надежда Валериана Владимировича не оправдалась. У Ляпидевского произошла заминка: испортился мотор, непригодный к полетам в арктических условиях. Пришлось заняться ремонтом.

Мотор для утепления стали обматывать войлоком, а масляные баки — оленьими шкурами.

Работа затянулась на несколько дней, в то время как каждая минута была дорога, каждый час промедления угрожал челюскинцам гибелью.

11 марта Куйбышев отправил радиogramму: «Ляпидевскому, Петрову. Непонятна медлительность в деле вывоза челюскинцев. Правительство требует от вас и всего состава спасения всей экспедиции, а не одного случайного полета. Идеальных летных условий в Арктике не бывает. Предлагаю возобновить полеты из Уэллена при малейшей возможности, одновременно ускорив перенос всей авиабазы в район мыса Онман и Ванкарем, где условия для полета более благоприятны. Исполнение донесите. Куйбышев».

Эта радиogramма глубоко взволновала летчика.

— Примерно этого я и ожидал, — признавался впоследствии Ляпидевский, вспоминая о строгом выговоре Куйбышева. — Резкость тона не только не обидела, но, наоборот, именно такой тон и подсказал мне, как надо действовать с этого момента. От радиogramмы веяло, как это ни кажется странным, какой-то неповторимой заботой и чуткостью. Словно отец, беззаветно любящий отец, строго, но ласково пожурил своего провинившегося сына... Лихорадочно заработало сознание. Еще энергичнее заработали руки. Исправить самолет и во что бы то ни стало выполнить приказ Куйбышева!..

Позднее, после блестящего завершения спасательной экспедиции, Куйбышев, встретившись с Ляпидевским уже в Москве и, вспоминая пережитое, шутливо спросил его:

— Сердились, наверное, на меня за мои резкие радиogramмы? Знаю, знаю, не отрицайте. Ну, а теперь сердитесь? Нет! Ну, вот и отлично. Только знайте, не

позволю вам почивать долго на лаврах. Скоро дам вам новые задания. А пока до свидания... в Кремле!

В Кремле на банкете, устроенном в честь челюскинцев и всех, кто принимал участие в их спасении, председательствовал Куйбышев, успешно выполнивший трудное задание партии и правительства.

СМЕРТЬ НА БОЕВОМ ПОСТУ

Осенью 1934 года Куйбышев выехал в Среднюю Азию. Там срывались заготовки хлопка. Подозревали, что это сознательное вредительство, и поэтому нужно было энергичное и авторитетное вмешательство.

В дороге и особенно во время пребывания в Казахстане, Узбекистане Куйбышев чувствовал себя очень плохо, у него была повышенная температура. Но Валериан Владимирович на это не обращал должного внимания. Он считал, что лечиться некогда. Нужно было закончить обследование. Он побывал во многих совхозах и колхозах, обходил пешком обширные хлопковые поля, выступал на собраниях, проводил совещания.

— Товарищ Куйбышев, да вы бы немного отдохнули, — говорили ему.

— Ничего, все это пустяки, — бодрился он и потом успокаивающе добавлял: — Вот приеду в Москву — отдохну...

Как-то он ехал из одного колхоза в другой и заметил, что по дороге валяются клочки хлопка.

— Что это такое? — нахмурившись, спросил он сидевшего рядом с ним районного работника.

— Должно быть, возчики роняют, — ответил тот равнодушно.

Валериан Владимирович остановил машину, пошел по дороге и стал подбирать хлопок. Скоро его руки были полны.

— Вот у вас хлопкозаготовки срываются, — строго упрекал Куйбышев районного работника. — Вы пытаетесь оправдаться тем, что урожай был плохой... А оказывается, причина совсем не та... Плохо работаете, не следите, что у вас делается!

Потом было дано по всем районам указание о принятии мер против потерь при перевозке хлопка.

Вскоре Куйбышев приехал в колхоз имени Фрунзе Ферганского района и стал знакомиться с записью трудодней. Оказалось, что колхозный счетовод вел учет не по установленной форме, а по своей, им самим выдуманной, весьма сложной и путаной.

В. В. Куйбышев на хлопковом поле в Туркестане.

Кто-то из районных работников, сопровождавших Куйбышева, тихо сказал ему:

— Сознательно путает... грешки прикрывает... Дело нечистое...

Куйбышев недовольно посмотрел на него и принялся подробно проверять все записи. Выяснилось, что, по существу, учет правилен и никаких злоупотреблений не было. Записывал же так путано, по-своему, счетовод

лишь потому, что был не опытен и никто не ознакомил его с правильной формой учета.

— Вот видите, — с упреком обратился Куйбышев к районному работнику, — виноват не он, а вы... Он работает честно, добросовестно, а вот вы не потрудились помочь ему, научить его, проинструктировать...

Возвратившись в Ташкент, Куйбышев приказал:

— Надо всех способных, но малоопытных колхозных счетоводов собрать по районам и провести с ними совещание, инструктаж!..

1 декабря 1934 года до Куйбышева дошла потрясающая весть: погиб Сергей Миронович Киров. Глубоко огорченный, Валериан Владимирович, вспоминая своего погибшего друга, стал писать некролог о нем. Через день в ташкентской газете появилась статья Куйбышева, проникнутая сердечной скорбью о тяжелой утрате и жгучей ненавистью к презренным убийцам.

В Ташкенте Валериан Владимирович заболел ангиной в тяжелой форме, с нарывом в горле. Пришлось сделать операцию. Температура спала, но появилась изнуряющая слабость.

Совсем больной, крайне переутомленный Куйбышев вернулся в Москву. Родные, встречавшие его на вокзале, были очень встревожены болезненным видом Валериана Владимировича. Но он их успокаивал:

— Что вы, что вы!.. Я всегда был такой. Просто устал, немного болел. Вот отдохну — все как рукой снимет...

И как бы желая отвлечь внимание родных, он начал делиться впечатлениями о поездке в Среднюю Азию.

— Представьте себе, — рассказывал он восторженно, — там, где была песчаная, знойная пустыня, теперь цветущие поля. Там, где мы когда-то, преследуя басмачей, испытывали муки жажды, теперь журчит вода. Ее сколько угодно: пей себе на здоровье!

Просто не верится, что за такое короткое время так переменялся край!

Но эта восторженность гасла, жизнерадостность слабела, как только Куйбышев оставался наедине. В его широко открытых глазах все чаще появлялось выражение мучительной боли: приступы грудной жабы причиняли страдания.

И вот наступил роковой день — 25 января 1935 года.

В этот день предполагалось торжественное открытие VII Всесоюзного съезда Советов. Со всех концов необъятного Советского Союза в столицу съехались депутаты. Народные избранники надеялись увидеть руководителей партии и среди них Куйбышева, услышать его волнующую, восторженную речь о грандиозных достижениях социалистического строительства.

Несмотря на то, что в этот день Валериан Владимирович особенно плохо чувствовал себя, был очень болен, он все же стал готовиться к выступлению на съезде. Пришлось заниматься и текущей работой: Валериан Владимирович знакомился с очередными делами, принимал работников аппарата Совнаркома, выслушивал их доклады, диктовал телеграммы, подписывал протоколы. Последними документами, подписанными им, были два постановления. Первое из них — об отпуске средств Таджикской ССР для оказания помощи пострадавшему от землетрясения населению. Второе — постановление об укреплении материальной базы пионерского лагеря «Артек».

Около двух часов дня Валериан Владимирович почувствовал крайнее переутомление и с трудом поднялся из-за рабочего стола.

— Придется сделать маленький перерыв. Я отдохну немного перед съездом, — сказал он, улыбаясь с каким-то виноватым смущением.

Валериан Владимирович, еле-еле добравшись до своей квартиры, прошел к себе в кабинет, с трудом разделся и прилег на кушетку, укрывшись пледом.

В квартире была только домашняя работница. Валериан Владимирович попросил ее навестить его минут через десять.

Когда же она возвратилась к нему, он уже был мертв...

Ровно в пять часов дня за столом Президиума VII Всесоюзного съезда Советов появился М. И. Калинин. Громом аплодисментов зал встретил Михаила Ивановича. Но он сурово прервал рукоплескания и сообщил горестную весть:

— Сегодня умер Валериан Владимирович Куйбышев... Почтим его память вставанием...

Глубоко потрясенные этим известием, депутаты встали. Зал замер в скорбном молчании.

Заседание было перенесено на другой день.

Молниеносно разнеслась по Москве печальная весть о смерти Куйбышева. Праздничные флаги сменились траурными. Великой скорбью наполнились сердца трудящихся столицы. А через некоторое время и трудящиеся всей страны услышали по радио траурное извещение ЦК ВКП(б):

«Товарищ Куйбышев умер на боевом посту, продолжая большую государственную и партийную напряженную работу вплоть до последнего момента своей жизни.

Товарищ Куйбышев был образцом пролетарского революционера, последовательного ленинца, непримиримого к врагам партии и рабочего класса и самоотверженного борца за дело коммунизма.

Его революционная деятельность начинается в период первой русской революции. За годы своей боевой большевистской работы товарищ Куйбышев прошел

через царские тюрьмы и ссылки, как самоотверженный боец ленинской партии.

В годы гражданской войны товарищ Куйбышев является одним из виднейших политических руководителей Красной армии.

Крупнейший организатор и руководитель нашего государственного и хозяйственного строительства товарищ Куйбышев отдавал все свои силы делу социализма.

Безграничная преданность партии, самоотверженная, неустойчивая работа на благо трудящихся Валериана Владимировича Куйбышева будут служить примером для миллионов пролетариев и трудящихся в их великой борьбе за торжество коммунизма».

Был хмурый, облачный день — 27 января 1935 года.

В этот день Москва хоронила одного из самых лучших сынов советского народа. На Красную площадь — к сердцу советской земли — хлынули многотысячные людские потоки. Кругом необозримое море голов. Это море, обычно в дни народных празднеств бурлящее на Красной площади весельем и звонкими песнями, в этот траурный день застыло в скорбном молчании. Лишь с трибуны ленинского Мавзолея разносились слова прощальных речей, полные любви и печали...

В серых сумерках раннего январского предвечерья над Красной площадью, салютуя, пронеслись самолеты. Под грохот орудийных залпов в четыре часа двадцать пять минут урна с прахом Валериана Владимировича Куйбышева была замурована в Кремлевскую стену, за правым крылом Мавзолея.

Широко и могуче разнеслось величественное звучание «Интернационала», призывавшего к новым боям и победам. Твердой поступью мимо Мавзолея через площадь прошли бойцы Пролетарской дивизии.

Траурное шествие замыкали многочисленные рабочие делегации. Как и все трудящиеся Советского Союза, они были преисполнены чувством глубокого уважения и благодарности тому, кто так много сделал для народа и его свободы, для укрепления могучего Советского государства.

Светлая память о Валериане Владимировиче Куйбышеве живет в народе и теперь.

Жизнь и деятельность Валериана Владимировича Куйбышева всегда будет учить советских людей, советскую молодежь, как надо любить свою социалистическую Родину и как надо бороться за высокие идеалы коммунизма.

Город Куйбышев.

***Общий вид Дворца культуры имени В. В. Куйбышева и памятник
В. В. Куйбышеву.***

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. В. КУЙБЫШЕВА

1888, 25 мая (6 июня) — В Омске родился Валериан Владимирович Куйбышев.

1898, август — В. В. Куйбышев поступил в Омский кадетский корпус.

1902 — В. В. Куйбышев начал участвовать в революционно-политических сходах.

1904 — В. В. Куйбышев вступил в омскую организацию РСДРП, примкнув к фракции большевиков.

1905, 7 июня — В. В. Куйбышев окончил Омский кадетский корпус.

19 августа — В. В. Куйбышев зачислен студентом Военно-медицинской академии в Петербурге.

Осень — По заданию петербургской организации РСДРП В. В. Куйбышев распространял нелегальную литературу, участвовал в транспортировке оружия для вооруженного восстания.

1906, начало года — За активное участие в студенческой забастовке В. В. Куйбышев исключен из Военно-медицинской академии. Приезд его в Омск и переход на нелегальное положение под фамилией Касаткина.

В. В. Куйбышев избран в состав Омского комитета РСДРП и руководит пропагандистской работой.

20 ноября — Арест В. В. Куйбышева и других участников Омской городской партийной конференции.

1907, 1 марта — В. В. Куйбышев приговорен к месячному заключению в тюрьме.

Апрель — В. В. Куйбышев выслан в Каинск под гласный надзор полиции, но, скрываясь от полицейских

преследований, переехал в Томск, где снова перешел на нелегальное положение.

Конец мая — В. В. Куйбышев выехал в Петропавловск.

Июнь — Приезд В. В. Куйбышева в Каинск — место ссылки — под гласный надзор полиции.

Октябрь — В. В. Куйбышев тайно от полиции уехал в Томск, где вел революционную работу под фамилией Лесовского. В. В. Куйбышев, спасаясь от ареста, выехал в Петербург, где вел революционную работу, под фамилией Соколова.

1908, 11 июля — Арест В. В. Куйбышева в Петербурге. Отправка его этапом в Томск. После трехмесячного тюремного заключения высылка в Каинск.

1909, 30 апреля — В. В. Куйбышев арестован и заключен в каинскую тюрьму. Через несколько дней переведен в одиночку томской тюрьмы.

Сентябрь — В. В. Куйбышев после освобождения из тюрьмы поселился в Томске, где возобновил революционную работу, одновременно обучаясь на первом курсе юридического факультета Томского университета.

1910, в ночь на 15 февраля — Арест В. В. Куйбышева и заключение в томскую тюрьму.

31 июля — Высылка В. В. Куйбышева после суда в Нарымский край под гласный надзор полиции.

23 ноября — Арест В. В. Куйбышева и отправка его в томскую тюрьму.

1911, 21 марта — В. В. Куйбышев возвращен в Нарым, в ссылку.

1912, 7 мая — В. В. Куйбышев после окончания срока ссылки выехал из Нарыма в Омск.

15 июня — Арест В. В. Куйбышева в Омске.

19 июня — Перевод В. В. Куйбышева в томскую тюрьму.

1913, 27 марта — В. В. Куйбышев по суду оправдан и вскоре выехал к родным в Лысые Горы Тамбовской губернии, где жил под негласным надзором полиции.

Июнь — В. В. Куйбышев нелегально поселился в Петербурге, а затем на станции Озерки, близ Петербурга.

Лето и осень — В. В. Куйбышев нелегально жил в окрестностях Вологды, а затем в Вологде.

Осень — В. В. Куйбышев, спасаясь от полицейских преследований, переехал в Харьков, где вел работу в большевистском подполье.

1914, начало мая — Во избежание ареста В. В. Куйбышев переехал в Петербург.

Декабрь — В. В. Куйбышев избран членом Петроградского комитета РСДРП (б).

1915, 6 июля — Арест В. В. Куйбышева.

18 августа — В. В. Куйбышев выслан под гласный надзор полиции в Иркутскую губернию на три года.

1916, март — Побег В. В. Куйбышева из ссылки.

Апрель — В. В. Куйбышев прибыл в Самару, где вел революционную работу под фамилией Адамчика.

18 сентября — Арест В. В. Куйбышева и заключение его в самарскую тюрьму.

1917, 25 января — В. В. Куйбышев сослан в Туруханский край.

8 марта — В. В. Куйбышев по дороге в туруханскую ссылку освобожден в связи с Февральской революцией.

17 марта — Возвращение В. В. Куйбышева в Самару, где он возглавил борьбу за установление советской власти в Самарской губернии.

24 — 29 апреля — Участие В. В. Куйбышева в работах VII Всероссийской конференции РСДРП (б), во время которой впервые он встретился с В. И. Лениным.

1918, 6–8 марта — Участие В. В. Куйбышева в работах VII съезда РКП (б), как делегата самарской партийной организации.

1 июля — В. В. Куйбышев назначен политическим комиссаром I-й армии Восточного фронта.

8 сентября — В. В. Куйбышев назначен членом Реввоенсовета 4-й армии Восточного фронта.

10 октября — В. В. Куйбышев назначен председателем Самарского ревкома.

1919, 28 февраля — В. В. Куйбышев на Самарской партийной конференции избран делегатом на VIII съезд партии.

9 апреля — В. В. Куйбышев назначен членом Реввоенсовета Южной группы Восточного фронта.

31 июля — В. В. Куйбышев по совместительству стал выполнять обязанности члена Реввоенсовета войск Астраханской группы, из которых вскоре была вновь сформирована II-я армия.

3 сентября — В. В. Куйбышев назначен исполняющим обязанности командующего 11-й армией.

3 октября — В. В. Куйбышев назначен членом Реввоенсовета армий Туркестанского фронта и членом Комиссии ВЦИК и Совнаркома РСФСР по делам Туркестана.

23 октября — В. В. Куйбышев назначен командующим всеми вооруженными силами Туркестана.

1920, 8 сентября — В. В. Куйбышев назначен полпредом РСФСР в Бухарской Народной Советской Республике.

1921, 12 января — В. В. Куйбышев направлен на работу в ВЦСПС, а затем избран членом Президиума ВЦСПС.

3 февраля — В. В. Куйбышев назначен на должность заведующего экономическим отделом ВЦСПС.

8—16 марта — В. В. Куйбышев участвовал в работах X съезда РКП (б) и был избран кандидатом в члены ЦК РКП (б).

1922, 27 марта — 2 апреля — В. В. Куйбышев участвовал в работах XI съезда РКП (б) и был избран

членом ЦК РКП(б), затем секретарем ЦК РКП (б).

1923, 17-25 апреля — В. В. Куйбышев участвовал в работах XII съезда РКП (б) и был избран членом Центральной Контрольной Комиссии (ЦКК) РКП (б).

26 апреля — В. В. Куйбышев поставлен во главе объединенного органа ЦКК — РКИ, созданного на XII съезде РКП(б).

1924, 23-31 мая. — В. В. Куйбышев участвовал в работах XIII съезда РКП (б), где выступил с отчетным докладом о деятельности ЦКК. Избран членом ЦКК.

1925, 18-31 декабря — В. В. Куйбышев участвовал в работах XIV съезда ВКП(б), где выступил с отчетным докладом о работе ЦКК. Избран членом ЦКК.

1926, 5 августа — В. В. Куйбышев назначен председателем Высшего Совета Народного Хозяйства СССР.

1927, 2— 19 декабря — В. В. Куйбышев участвовал в работах XV съезда ВКП(б) и был избран членом ЦК ВКП(б), а затем членом Политбюро ЦК ВКП(б).

1930, 26 июня — 13 июля — В. В. Куйбышев участвовал в работах XVI съезда ВКП(б), где выступил с докладом о выполнении пятилетнего плана промышленности. Избран членом ЦК ВКП(б), а затем членом Политбюро ЦК ВКП(б).

10 ноября — В. В. Куйбышев назначен председателем Госплана СССР, заместителем председателя Совета Народных Комиссаров СССР и заместителем председателя Совета Труда и Оборона СССР.

1931, 19 февраля — В. В. Куйбышев на собрании молодых ударников и специалистов Москвы выступил с речью «В бой за Урало-Кузнецкий комбинат».

1933, 7— 12 января — В. В. Куйбышев участвовал в работах объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) и выступил с докладом «Итоги борьбы за техническую реконструкцию народного хозяйства».

24 января — На третьей сессии ЦИК Союза ССР VI созыва В. В. Куйбышев выступал с докладом «Народнохозяйственный план 1933 года — первого года второй пятилетки».

1934, 26 января — 10 февраля — В. В. Куйбышев участвовал в работах XVII съезда ВКП(б), где выступил с докладом «О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР». Избран членом ЦК ВКП(б), членом Политбюро ЦК ВКП(б) и членом Оргбюро ЦК ВКП(б).

11 февраля — В. В. Куйбышев назначен председателем Правительственной комиссии для организации помощи участникам экспедиции О. Ю. Шмидта.

25 апреля — В. В. Куйбышев освобожден от обязанностей председателя Госплана СССР в связи с назначением председателем Комиссии Советского Контроля при Совете Народных Комиссаров СССР.

14 мая — В. В. Куйбышев назначен первым заместителем председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Совета Труда и Оборона СССР.

1935, 25 января — В. В. Куйбышев умер.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- В. В. Куйбышев, Статьи и речи, том I. М., 1937.
- В. В. Куйбышев, О молодежи. М., 1937.
- В. В. Куйбышев, Избранные статьи и речи. М., 1944.
- В. В. Куйбышев, Эпизоды из моей жизни. М., 1957.
- Елена Куйбышева, Валериан Владимирович Куйбышев. Из воспоминаний сестры. М., 1938.
- И. П. Бардин, Жизнь инженера. М., 1938.
- Г. У. Бузурбаев, В. В. Куйбышев в Сибири. Новосибирск, 1939.
- С. Филиппов, Фрунзе и Куйбышев — организаторы побед на фронтах Средней Азии. Под редакцией Г. И. Карпова. Ашхабад, 1940.
- «М В. Фрунзе на фронтах гражданской войны». Сборник документов. М., 1941.
- Елена Куйбышева, Валериан Владимирович Куйбышев. Куйбышев, 1941.
- В. Викторov, В. В. Куйбышев — верный сын большевистской партии. М., 1944
- Б. Н. Чистов, Симбирск в годы гражданской войны. Ульяновск, 1951.
- Э. Воскобойников, А. Зевелев, Турккомиссия ВЦИК и Совнаркома РСФСР и Туркбюро ЦК РКП (б) в борьбе за укрепление советской власти в Туркестане, Ташкент, 1951.
- М. Ветошкин, Очерки по истории большевистских организаций и революционного движения в Сибири. М., 1953.
- «Борцы революции» Очерки о жизни и деятельности большевиков в Самаре. Куйбышев, 1956
- Кроме литературы, указанной в «Краткой библиографии», автором были использованы другие книги, журналы и газеты, а также архивные материалы

о жизни и деятельности Валериана Владимировича
Куйбышева.

*

Березов Павел Иванович
ВАЛЕРИАН ВЛАДИМИРОВИЧ КУЙБЫШЕВ

Редактор *Е. Грушко*
Художник *Г. Дмитриев*
Худож. редактор *А. Степанова*
Техн. редактор *Л. Кириллина*

A11268 Подп. к печ. 11/1 1958 г.
Бумага 84 x 108 $\frac{1}{32}$ = 4,5 бум. л.
11,7 печ. л.+9 вкл. 14,3 уч. — изд. л.
Тираж 75 000 экз. (15 000+60 000
1-й завод массового тиража)
Заказ 1797. Цена 6 р. 30 к.

Типография «Красное знамя»
изд-ва, Молодая гвардия».
Москва, А-55, Сущевская, 21.

notes

Примечания

1

До февраля 1918 года даты указаны по старому стилю.

«Экономисты» — сторонники оппортунистического течения в русской социал-демократии, признававшие лишь экономическую борьбу и отрицавшие руководящую роль партии в революционной борьбе рабочих.

Назначенцы — члены правления больничной кассы, назначавшиеся фабрикантами и заводчиками.

В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 5.

В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 208.

Максималисты — члены мелкобуржуазной полуанархической группы, отколовшейся от партии социал-революционеров.

В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 46.

Кадеты — члены буржуазной, так называемой конституционно-демократической партии.

В. И. Ленин. Военная переписка (1917–1920). М., 1956, стр. 37.

В. И. Ленин. Военная переписка (1917–1920). М., 1956, стр. 72.

В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 52.

«М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны».
Сборник документов. М., 1941, стр. 96–98.

В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 251.

«М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны».
Сборник документов. М., 1941, стр. 147.

В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 330.

И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 262.

В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 404.

«М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны». Сборник документов. М., 1941, стр. 181.

В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 117.

В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 143-144.

Там же, стр. 177.

В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 282.